

Edited by Mariya Levitanus and Mohira Suyarkulova
Под редакцией Марии Левитанус и Мохиры Суяркуловой

IN OUR OWN

Documenting
the Queer Everyday
in Central Asia

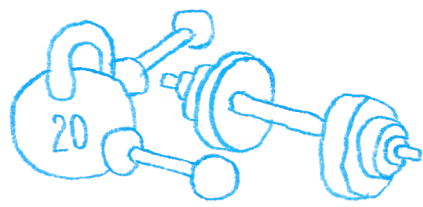
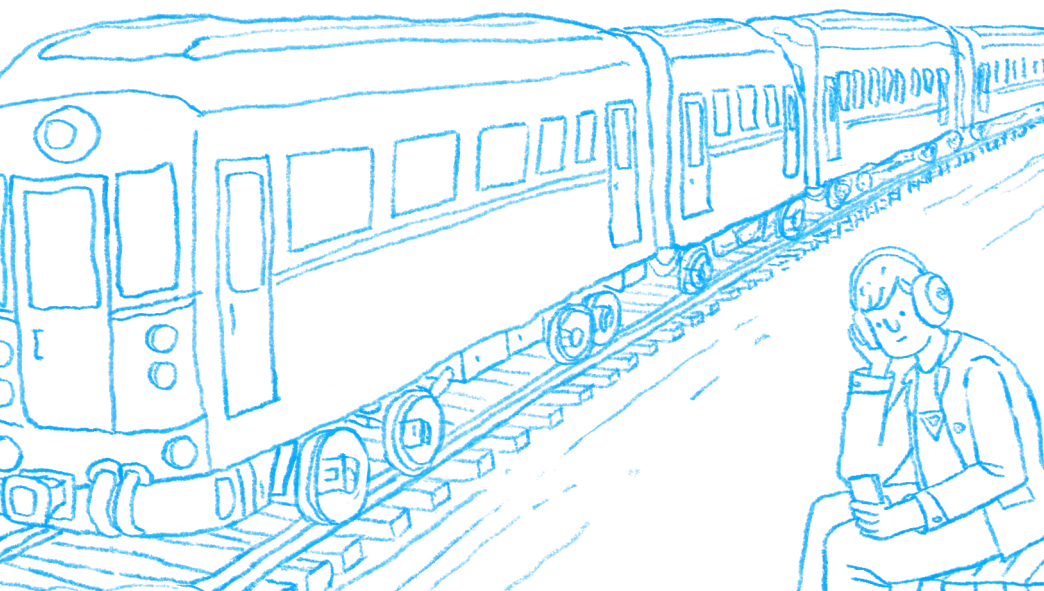
WORDS

СВОИМИ
СЛОВАМИ

Документация
квир-повседневности
в Центральной Азии

Своими словами:
Документация квир-повседневности
в Центральной Азии

In Our Own Words:
Documenting the Queer Everyday
in Central Asia

Collection © Mariya Levitanus and Mohira Suyarkulova, 2026

Text © Contributors, 2026

Images © Copyright for illustrations and artwork belongs to the creators listed in the 'Illustrations and Art' section, 2026

Illustrations © Veta Hegay, 2026

The authors have asserted their rights under the Copyright, Designs and Patents Act 1988 to be identified as the authors of this work.

This book is published under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International license (CC BY-NC-ND 4.0), <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>

Attribution: Mariya Levitanus and Mohira Suyarkulova. 2026. *In Our Own Words: Documenting the Queer Everyday in Central Asia*. Edinburgh: University of Edinburgh, <https://doi.org/10.2218/ED.9781836451518>

ISBN (ebook): 978-1-83645-151-8

ISBN (paperback): 978-1-83645-152-5

DOI: 10.2218/ED.9781836451518

Cover design by Veta Hegay

Typeset by Veta Hegay

Своими словами:
Документация квир-повседневности
в Центральной Азии

In Our Own Words:
Documenting the Queer Everyday
in Central Asia

Edited by
Mariya Levitanus and Mohira Suyarkulova

Publisher: The University of Edinburgh

First published in 2026 by The University of Edinburgh

This work was supported by the Arts and Humanities Research Council (AHRC)

AH/Y006909/1

THE UNIVERSITY
of EDINBURGH

Arts and
Humanities
Research Council

<https://books.ed.ac.uk/edinburgh-diamond> | @EdinDiamond

К читатель_ницам

Дорогие читатель_ницы!

Вы держите в руках уникальный сборник, результат коллективных усилий многих авторо_к, редактор_ок и художни_ц. Здесь вы найдете истории как вымышленные, так и основанные на реальном опыте, но всегда стремящиеся отразить всю сложность и радости ежедневного существования квир и транс* людей Центральной Азии.

В активистской среде существует практика заботы и включения content warnings (контент-ворнингов). В данном сборнике поднимаются темы потери, насилия, геноцида, языка вражды (hate speech), гомофобии, трансфобии, бифобии, лесбофобии, сложных отношений с религией, национализма и расизма.

Берегите себя и приятного вам чтения!

To Our Readers

Dear Readers,

You are holding a unique volume—the result of the collective efforts of many authors, editors, and artists. Within these pages, you will find stories both imagined and drawn from real experience, all striving to reflect the complexity and joy of everyday life for queer and trans* people in Central Asia.

In activist circles, there is a practice of care that includes the use of content warnings. This collection addresses themes of loss, violence, genocide, hate speech, homophobia, transphobia, biphobia, lesbophobia, complicated relationship with religion, nationalism, and racism.

Look after yourself and enjoy the read!

STENZHO

An Introduction from the Editors Mariya Levitanus and Mohira Suyarkulova	1
Заметки пессимистки активистки Лилия Тен	33
Стихи Нари Алибекова	59
Женщина-Годзилла Жанар Секербаева	65
The Mask I Am Anora Kartay	85
Квир Бабл: Оштогу дрэг шоу Казы	107
Дыхание этажей Timbro	129
Kitchen Talks with My Aunt Aisuluu	143
«Хукап» Медер Эркинбек улуу	165
Хороший Timbro	171
The Accident Adiba	247
Кадиух би айван Нарин Азимова	263
Көктөмдү самаган чабалекей — музду эриткен канат Оштук Панда	273
7 Cabs Teona Kokoreva	295

Кто ты по национальности? Нина Ли	311
Кладовка Алтын Капалова	337
Чемодан Алтын Капалова	342
Одеяло Алтын Капалова	346
Author Biographies/ Биографии авторо_к	351

ILLUSTRATIONS AND ART

Workshop Poster—Meder Erkinbek uulu	8
Magna Cigarettes—Veta Hegay	40
Godzilla—Veta Hegay	83
Dress—Veta Hegay	117
“Hookup” (diptych paintings)—Meder Erkinbek uulu	166-167
Yerevan—Veta Hegay	261
Swallow—Veta Hegay	283
Cards—Veta Hegay	317
Suitcase—Veta Hegay	345

An Introduction from the Editors:

Mariya Levitanus and Mohira Suyarkulova

Как нам описать и задокументировать опыт квир-существования в Центральной Азии «своими словами», без экзотизирующих и виктимизирующих штампов, не на языках геополитики, эпидемиологии и индустрии «развития»? What does it mean to be queer in Central Asia? What are the everyday embodied experiences of queerness in the region? What sets them apart from queer existence elsewhere? And how can we talk and research queer and trans* experiences without exoticising them and perpetuating the “discourses of danger” (Heathershaw & Megoran, 2011)? What does alternative knowledge creation look like in practice when we think about queer and trans* lives? А еще мы думали, на каком языке нам написать это вступление. Что мы воспроизводим, когда мы пишем на английском и русском языках? Кому открывается доступ к знаниям, а для кого закрывается? This book is our attempt to begin to answer some of those questions.

However, as is often the case with books (and life), we expect more questions than answers to emerge.

Этот сборник текстов пытается заполнить лакуну знаний и исходит из предпосылки, что никто лучше нас самих не опишет нашу жизнь, со всеми ее сложностями, радостями и шероховатостями. Before we continue, it is worth clarifying why we use the terms “queer” or “квир” and “trans*” or “транс*” in this introduction. We are aware that these terms are not unproblematic and have a debatable presence in Central Asia (for example, see Suyarkulova, 2019). Mohira writes: “[e]ach utterance and translation of ‘queer’ hides a particular story of political and ideological resistance and struggle” (Suyarkulova, 2019, p. 7). Here we use queer and trans* along with other terminology that participants bring—such as gay, лесбиянка, транс, лесба, ЛГБТ, дрэг, тема—while acknowledging the limitations of translation and the challenges that terminology faces when crossing national and cultural borders. Наша задача осложнена трудностями перевода, и в то же время мы вдохновлены возможностями, произрастающими из нашего коллективного мультилингвизма.

Центральноазиатские общества зачастую описываются как «традиционные», то есть по умолчанию исключительно цисгетеросексуальные, в то время как практики гендерного и сексуального диссидентства

идентифицируются как продукты «западного» влияния. В связи с этим квир-люди, исследователь_ницы и активист_ки в регионе сталкиваются с вызовом — какими терминами и каким языком описывать наше существование и опыт? The way we deploy queer and trans* in this book is not merely connected to gender and sexuality, neither is it to signify essentialist or universalist identity categories, but instead we use those terms in an open-ended, free-floating manner. Following decolonial queer and trans* scholarship, we understand queerness and trans*ness as deeply entangled with histories, lands, races, classes, (dis)abilities, cultures, and languages—as emphasised by trans* scholar PJ DiPietro (2021) and queer decolonial researcher Sandeep Bakshi (2024), among others.

Our use of the asterisk in trans* also requires an explanation. We follow trans* feminist and trans* of colour decolonial critique who argue that trans* bodies and racialised genders are co-constructed and interconnected with coloniality (DiPietro, 2019; Lugones, 2007; Salas-SantaCruz, 2024). As decolonial trans* scholar Omi Salas-SantaCruz (2024) puts it, “asterisk becomes a site where colonial gender knowledge is suspended, creating room for more fluid and dynamic interpretations of being” (p. 7).

Зачастую в нашей работе мы сталкиваемся с вполне оправданной критикой о том, что наши труды остаются

недоступными для сообществ, которые мы изучаем и описываем в своих научных работах. In recent years, queer and trans* scholarship in Central Asia has seen a significant development (for example, Aripova, 2022; Buelow, 2012; Latypov et al., 2013; Levitanus, 2022, 2023; Mamedov & Bagdasarova, 2021; Sekerbayeva, 2022; Suyarkulova, 2020). However, despite the growing body of work, with few exceptions (Bagdasarova et al., 2021) existing publications remain largely inaccessible to queer and trans* people living in the region due to language barrier, academic paywalls, as well as more general inaccessibility of academic writing and theory. Возможно, и этот текст с ссылками и академическим жаргоном становится все менее и менее доступным для вас, читательница. Привычки, сформированные в академическом письме, отражаются в том, как мы пишем это введение.

Apart from the inaccessibility of research findings to local communities, key critiques of existing work include its positionality as coming from “outside” the region and the lack of representation of Central Asian queer and trans* voices (Suyarkulova, 2018). Квир и транс* голоса все еще звучат через призмы исследователей извне, которые публикуют работы на других языках и не возвращаются в сообщество, которое они изучали. This so-called “fly-in academics” who feminist queer decolonial theorist Paola Bacchetta and colleagues (2020, p. 53) describe as orienting

themselves to the white institutions. У нас (редактор_ок сборника) сложные идентичности: мы обе — квиры, которые родились и выросли в Центральной Азии, но долгие периоды времени прожили вне региона. Мы получили образование и работаем в англоязычных образовательных учреждениях — то есть, одновременно инсайдерки и аутсайдерки. Наша цель заключалась в том, чтобы реализовать включенный партисипаторный подход — с самого начала сосредоточиться на опыте и голосах квир и транс*людей из Центральной Азии.

У этого проекта тоже своя непростая история. Нам пришлось побороться с британской университетской бюрократией и великодержавным шовинизмом для того, чтобы он состоялся. When we were trying to remember where it all started and it is difficult to pin down. Somewhere in 2019 and 2020, and later during the pandemic, when we had numerous Zoom calls. Indeed, the project survived many hurdles of British bureaucracy. The first iteration of the idea was shut down by the University, where Mariya used to work. “Too high of a risk”, “too much corruption in Central Asia”, then, when the full-scale invasion of Ukraine escalated in February 2022, the argument was that Kyrgyzstan, where we had initially planned to hold the workshop as part of the project (described below), was considered too close to Ukraine.

The argument about “high risk” is noteworthy. Who defines the line of “high” or “low” risk? British scholars John Heathershaw and Nick Megoran (2011) point out that “Central Asia has become embedded in western public consciousness, particularly in English-speaking countries, as a place of great insecurity, terrorism and Islamism, where violent political conflict is ever ready to erupt” (p. 589). “You won’t be able to do this project”, “We regret to inform you”, “No” was the answer to multiple emails. Some of those emails included Mariya and Mohira quoting details of the distance between the UK and Ukraine (2,477 kilometres or 1,539 miles by air) and from Kyrgyzstan to Ukraine (3,491 kilometres or 2,169 miles by air, in case you are interested). It took two more years and a job in a different institution for us to secure the funding. We were hopeful, but eventually surprised when that happened. The surprise itself probably says a lot. We thought we were shooting for the moon, and then we were funded.

We titled this volume “In Our Own Words: Documenting the Queer Everyday in Central Asia”. The inspiration for this title comes, in part, from the work of postcolonial theorist, literary critic, and feminist scholar Gayatri Chakravorty Spivak, specifically her essay *Can the subaltern speak?* Spivak (1988) describes subalternity as a particular category of postcolonial subject. In her conception, “the subaltern has no history and cannot speak” (p. 287). Here we

are wondering about queer and trans* subalterns having a possibility to speak (and write, paint, stitch, illustrate, and take photos) on their own behalf. By pointing to the systematic exclusions of queer and trans* bodies from regions outside the global North-West, this project, and this volume, aims to continue creating more spaces for queer and trans* Central Asians.

As part of the project, we facilitated a creative and writing workshop that aimed to create a network amongst local authors, scholars and artists. The workshop took place in Almaty, Kazakhstan, in August 2024. Below is the poster we used for promotion, titled «Квир-Повседневность в Центральной Азии» (“The Queer Everyday in Central Asia”). To ensure the safety of both participants and organisers, we kept the location and content deliberately ambiguous.

КВИР-ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**ВОРКШОП
17-18 АВГ**

2024

**ВЫРАЖЕНИЕ «СЕРЫЕ БУДНИ» СМЕРДИТ ГЕТЕРО-
ОБРЕЧЕННОСТЬЮ! КАК НАСЧЕТ РАДУЖНЫХ БУДНЕЙ?**

Если вы пишете тексты, рисуете, вышиваете или творите каким-либо другим образом, мы приглашаем вас принять участие в нашем воркшопе по квир-повседневности, который состоится **с 17 по 18 августа 2024 года!** По результатам воркшопа мы планируем опубликовать книгу о квир-существовании в Центральной Азии. Мы приглашаем заявки для публикации текстов на разных языках.
Ваше участие в воркшопе и в сборнике будет оплачиваться.

Для выражения интереса заполните форму заявки по ссылке до **10 июля 2024 года.**

<https://forms.office.com/e/12uJnkMZpd>

which was harshly criticised and rejected by professors during one of the key exams at the school of art in Bishkek, Kyrgyzstan, where Meder studies. Meder's intimate painting evoked the 1956 edition of James Baldwin's *Giovanni's Room*, whose cover features a man in a blue shirt, unbuttoned, standing in a doorway with a bed behind him, his gaze fixed directly on the viewer. Unlike the cover of the book, Meder's self-portrait on the poster does not have eyes, and we do not know where or whom they are looking at. The painting we used for the poster was a draft, and eyes and face appeared in the final painting (see "Hookup" diptych paintings). We like the idea of drafts or черновики. Indeed, final "clean" versions often conceal the messy process, marked by both minor and major failures. Trans* theorist Jack Halberstam (2011), writing from the United States (U.S.) queer and cultural theory perspective, asserts that "[f]ailing is something queers do and have always done exceptionally well" (p.3). By including the unfinished poster and sharing the story behind our book, we hope to offer a glimpse into how this project came together—a process shaped both by small and significant mistakes and failures.

Let us return to our poster. The character in the painting is alone (or are they?), almost naked, yet the bed undone in the background hints at the memory of the body, recent presence, even if the presence was in a dream. The exam

board commented on the posture of the person on the painting: “Это неуважение к комиссии — показывать нам свои причиндалы!”, “Why didn’t you paint your half-naked friends next to you as well?”

С одной стороны, на картине изображён обыденный момент повседневной жизни — ничего экстраординарного. Но с другой стороны, в ней присутствует тонкий, почти неуловимый эротизм, причём именно квирный: он проявляется в позе, ракурсе, композиции. Распознала ли комиссия эту квирность? Возможно, именно это и стало основанием для их вывода о нарушении конвенций? Гомофобы далеко не глупы! Напротив, можно сказать, что они обладают особой чуткостью в распознавании подрывного заряда квирности в повседневности и в искусстве.

The painting was not normative enough for the art school, the paradox of an ordinary scene depicting a mundane, simple moment of (queer) everyday life and the regulatory power of the institutions. “There is nothing more public than privacy,” write U.S. scholars Lauren Berlant and Michael Warner (1998) in their influential essay *Sex in Public*. It did not elude us that our reference to Baldwin here is once again Anglo-American as are many references in this introduction. What would it be like for Meder’s poster and this book to be referenced as a queer and trans*

classic, his paintings imprinted in the memories of those who read this book and even those who just want to appear well-read?

Forty people responded to this announcement, which we distributed in our personal and professional networks, and we selected 15 of them for the workshop and volume publication. Our selection process was based on several criteria: participants needed to have a clear project in mind that they wanted to realise during the workshop and capture in the chapter; we tried to recruit a variety of well-experienced and well-known activists and artists as well as people we have never heard about; we wanted to involve different media and different art forms. In the end, the selected 15 projects included poetry, essays, fiction and non-fiction writing, fine arts and fantasy writing. A few participants who intended to do photography and visual collages were not able to complete their projects and asked to step back. In their place, we invited other Central Asian queer artists who had expressed interest in participating.

Когда мы пишем о тех, кто не завершил свои проекты, мы задумываемся о том, как часто тишина тех, кто хотел, но не смог, или тех, кто столкнулся с жизненными трудностями, остается вне финальных версий книг и публикаций. Вспоминается глава Лилии Тен и её размышления о выгорании — скрытой стороне деятельности

активист_ок, писатель_ниц, художн_иц, а также работы в академической сфере. Это также касается огромного объёма неоплачиваемой эмоциональной работы, характерной для этих профессий — и просто для жизни в условиях капиталистического и радикализованного мира сегодня. Во время воркшопа в Алматы Лилия делилась своим опытом и произнесла фразу «Я в активизме 14 лет», что вдохновило другую активистку — Нари Алибекову, основательницу инициативы «Трансдоча» — написать стихотворение «Я в активизме 14 лет», которое вошло в этот сборник. В строках этого стихотворения читаются не только активистская боль и усталость, но и вдохновение и надежда.

The workshop took place in a queer club in Almaty. This was an important choice as we were trying to (re)circulate research funds to local queer communities rather than renting faceless, expensive conference halls. However, the reality of doing a workshop in an underground queer club and formalising it with the university grant system was rather complex. It involved some acrobatics with the finance team to be able to realise the idea we had in mind. As noted by scholars referring to themselves as Two Convivial Thinkers (2024) in their article on (un)doing performative decolonisation, scholar-activist collaboration is “messy, contested, incomplete and full of contradictions but nevertheless integral to our academic lives” (p. 358), and we

agree. The drawback of being in a club that participants noted to us was that it was a bit dark. This was fair enough feedback, as the gay club we rented had no windows. В своей книге *Queer Phenomenology: Orientations, Objects, Others* феминистская писательница Сара Ахмед (2006) исследует, как социальные отношения, наши тела и жизни пространственно и временно упорядочены — ориентированы линейно, отражая и воспроизводя гетеронормативные представления о «продуктивной жизни» и порядке вещей. Ахмед пишет:

Orientations shape not only how we inhabit space, but how we apprehend this world of shared inhabitation, as well as “who” or “what” we direct our energy and attention toward. A queer phenomenology, perhaps, might start by redirecting our attention toward different objects, those that are “less proximate” or those that deviate or are deviant. (p. 3)

The darkness made us all experience a sense of queer disorientation (Ahmed, 2006) and timelessness, which strangely fitted what we were discussing. В безвременной темноте ночного клуба мы все оказались дезориентированы — потерянные и одновременно найденные друг для друга. Такие моменты квир-радости, солидарности и родства нашли свое отражение в жизнеутверждающем финале рассказа Нины Ли «Кто ты

по национальности?» Эту же надежду о любви и сопричастности мы видим в дневниковых строках Оштук Панды о ласточке, чье жизнелюбие растапливает лед одиночества.

Decolonial Queer and Trans* Foundations

We characterise this project as queer and trans* because it emanated from our own lived experience as queer Central Asians and because it explicitly involves experiences, voices and views of queer and trans* participants. It is tricky to locate ourselves without pinning something down or creating false pigeon holes and binaries. Indeed, while we and participants in this project could all describe ourselves as queer and trans* Central Asians, we are queer and trans* Central Asians in very different ways.

A geographer writing from a U.S. context, Mathias Detamore (2010, p. 170) proposed using queer ethics in research activities as “a method for crafting and defending alternative social worlds” in ways that disrupts and reshapes how social justice can occur. Our commitment to queer and trans* theories and methods, did not presuppose a linear experience for those involved or a neat productive encounter. Indeed, during the workshop, we welcomed the raw, the complex and the unpredictable. Whilst we had

a planned programme that included queer tour in Almaty and structured workshops across two days, we allowed for plenty of space for participants to improvise, connect, experience Almaty and time to be joyful and playful. It was important that participants were comfortable, but not just that—we wanted participants to feel cherished and pampered by us. The hotel where they stayed was nice, the food was plentiful, and we did our best to compensate for any participants' expenses. This was meant to disrupt common practices of knowledge extraction in queer Central Asian scholarship prevailing to date. This also meant that the boundary between the knower and the known was shaken (Mignolo, 2012) as we were eating, laughing and dancing with each other and project's participants.

Decolonial queer and trans* theory was foundational in our work and decision-making. Let us clarify what we mean by this mouthful of fancy jargon. As emphasised by various scholars writing from the South-East perspectives, we have tended to receive queer and trans* knowledge by incorporating theories from the global North-West without a due critique of imperialism (DiPietro, 2019; Pereira, 2019; Salas-SantaCruz, 2024). As Liliya Ten in this volume writes, reflecting on terminology, labels and theories used by queer and trans* people in Central Asia, “все эти термины и теории приходят к нам с запада”. How can we translate queer and trans* theories

to the Central Asian context? How do we apply and relate to those theories, and can we create our own?

Brazilian Anthropologist Pedro Paulo Pereira (2019) highlights that queer bodies are always local: “[q]ueer theory is also a politics of localization: both queer theory and decolonial thinking are embodied theories” (p. 400). Наши тела и тела участни_ц имеют определенную локацию и телесность. Здоровье, мобильность, расовая принадлежность, места, где мы родились и живем сейчас — это все вращается и переплетается с нашей квинностью и транс*ностью.

During the workshop and throughout this volume, we did our best and invited participants to write in a localised and embodied manner. This commitment shaped not only the contributions themselves but also our editorial process. A decolonial queer and trans* approach informed many of our decisions: including chapters in multiple languages; inviting participants to co-edit each other’s work; and supporting dialogue across perspectives. Even the way we wrote this introduction reflects that ethos—co-writing in conversation, sometimes together, sometimes independently, and across the languages we speak.

We chose to make only minimal edits to the language in which participants speak and write, aiming to preserve

their unique voices, accents, and other individual particularities. As we did in this introduction, we invited participants to write in the language(s) in which they felt most comfortable. And some chose English, others wrote in two or more languages.

Chicana feminist queer scholar Gloria Anzaldúa (2022) writes about bilingualism:

Until I am free to write bilingually and to switch codes without having always to translate, while I still have to speak English or Spanish when I would rather speak Spanglish, and as long I have to accommodate the English speakers rather than having them accommodate me, my tongue will be illegitimate. (p. 66)

И мы пишем на разных языках. Some chose to translate their chapter and others left them as they are. Who is to make the effort of translation?

Whilst editing this book, on several occasions we were asked if this is research or an art project, or, indeed, an activist endeavour. Those questions are not irrelevant. Indeed, what knowledge is received as valuable and rigorous enough to be counted as research? What is signed off as “art” or “side project” that lacks validity of scientific inquiry?

We do think this is research. We do believe this is enough of a contribution to existing knowledge base on queer and trans* Central Asian lives. We also believe this project is art and activism. This project is not an either-or but a both-and. Together with participants, we write from multiple border perspectives and in a blend of languages.

For example, in her story «Кто ты по национальности?» (“What’s your ethnicity?”) Nina Lee speaks about everyday moments of growing up and living as a half-Uzbek, quarter Korean and quarter Mordvin, queer woman in Tashkent. Nina’s story is deeply local, featuring dialogues in Tashkent’s shops, but also embodied as she reflects on her changing body as she was growing up. A body that also endured violence and abuse—which was felt as something ordinary, expected and everyday.

We are reminded of Anzaldúa (2022) as she describes the *mestiza* consciousness or consciousness of the Borderlands, calling us to shift the familiar formations, disrupt the dualistic thinking, and develop tolerance for contractions and ambiguity. Anzaldúa (2015) writes:

I was born and live in that in-between space, nepantla, the borderlands. Hay muchas razas running in my veins, mescaladas dentro de mi, otras culturas that my body lives in and out of. Mi cuerpo vive dentro y fuera

de otras culturas, and a white man who constantly whispers, “Assimilate, you’re not good enough”, and measures me according to white standards. (p. 64)

Kazakh, Uzbek, Kyrgyz, Tajik, Armenian, Tatar, Russian, Korean, Mordvin, Jewish and more, all mix in together with queerness and trans*ness.

Both of us are also mestizas, with our mixed heritages, our queerness and our nomadic lives living across various borders, further impacting this project. Мария выросла в городе Эскемен (Усть-Каменогорск) на востоке Казахстана в смешанной семье. Отец Марии — еврей. Его семья переехала в Казахстан из Украины и Беларуси во время Второй мировой войны и после неё. По матери Мария — русская, но, говоря, что она русская, важно уточнить, что по материнской линии в её роду есть и польская, и беларуская кровь. В 17 лет Мария переехала за границу и сейчас живёт и работает в Эдинбурге, Шотландия. Несмотря на это, она всё ещё сохраняет крепкую связь с Казахстаном, где живёт её семья.

У Мохиры история не менее простая. Мохира родилась в Душанбе, откуда ее семья бежала во время гражданской войны в Таджикистане на землю предков со стороны матери — в Бухару. Бухарские предки были с одной стороны местными, а с бабушкиной — приезжими,

крымскими татарами. Со стороны отца была русская бабушка родом из Ленинграда и дедушка, воспитанный в детском доме в Фергане. Хотя старшие родственники говорили на смеси разных языков — таджикском, узбекском, татарском и русском, Мохира с братом говорили только на русском, за что бухарский дедушка называл внуков «уродами» (причем говорил он это, конечно же, на русском). В старших классах Мохира училась в узбекско-турецком девичьем лицее в Ташкенте, где заговорила на узбекском, турецком и английском, на котором преподавались точные и естественные науки. С 2012 года Мохира живет в Бишкеке, куда вернулась после почти 7 лет учебы и работы в Шотландии.

Mohira told the story about “уроды” long before this introduction was written and it opened a memorable conversation between us. Are we уроды, we asked ourselves. Indeed, queer and trans* people historically have been associated with monsters, misfits, aliens and “otherness” (Anzaldúa, 2010; Santos, 2022). Those who do not fit become monsters. Moreover, those who live in transition, in-between in grey zones and liminal spaces can also be deemed monstrous (Halberstam, 2020; Preciado, 2021). Reflecting on monstrosity, liminality and otherness featured in quite a few chapters of this book. Zhanar Sekerbayeva’s dystopian fantasy *Женщина-Годзилла* or *Woman-Godzilla* speaks to the theme of

monstrosity. Located in Almaty, Sekerbayeva writes about an unknown phenomenon killing men. *7 Cabs* by Teona Kokoreva illuminates moments in taxis, literal and figurative spaces of transition that are often filled with anxiety, yet also serve as potential routes of escape from unwanted situations for queer and trans* folks. *Дыхание Этажей* or *Breath of Staircases* by Timbro also speaks about stairwell, moving and homelessness. Noteworthy is that many authors in this volume (Timbro, Anora Kartay, Aisuluu, Nina Lee) reflect on queer and trans* childhoods, growing up sideways (Stockton, 2009) and coming of age, all of which could also be understood as in-between spaces and times that are often occupied by queer and trans* people in a non-linear and non-normative manner.

So fine, let us be уроды, let us be monsters. We do not want to assimilate.

Queer Everyday

One of the ways in which we aimed to disrupt the current state of knowledge creation on queer lives in Central Asia, is by focusing on everyday life.

In line with previously mentioned discourse of danger in Central Asia, Mariya (Levitanus, 2022) writes about the

tendency to focus on the risk and struggles when researching queer lives in the context of Kazakhstan. We think it is crucial to question what this focus reproduces.

The often underappreciated “everyday” that is presumed to be boring, mundane, familiar, taken-for-granted and unremarkable, is located within existing power structures. In *Ordinary Affects*, U.S.-based anthropologist Kathleen Stewart explores the power of the everyday by placing affect at the center of her research. Stewart (2007) describes ordinary affects as “happen in impulses, sensations, expectations, daydreams, encounters, and habits of relating, in strategies and their failures” (p. 2). Challenging the discourse of suffering in Central Asian queer and trans* studies, the workshop and the volume put the everyday at the centre — квир повседневность. Yet, everyday is a slippery concept that is tricky to capture. Brushing teeth, dressing, taking a taxi, listening to music, drinking coffee, walking in the park, coming out, being quiet, burning out — are they all ordinary enough? What about the ordinariness of homophobia and transphobia? The ordinariness of environmental disasters and wars or the повседневность of agency and resistance that queer and trans* people exercise daily. All of those can also be very boring, everyday and yet so crucial for us to understand ourselves and the lives and stories of queer and trans* Central Asians.

Moreover, questioning the way we think of and articulate queerness, mainly originating from global North-West telling us what does it mean to be queer or trans* enough, this volume aims to begin to undo some of those (homo- and trans-) normativities. The process of undoing, however, is not straightforward. As Paola Bacchetta, in an interview with decolonial feminist scholar Marcekke Maese-Cohen (2010, p. 181) on decolonial praxis, points out, “undoing also opens a space for a different kind of doing”. That space, at times, surprised us. For example, Anora Kartay tells us how important the English language and having access to international resources and platforms have been in her journey. Some people wanted to retain distance and ambiguity, not wanting to name places and give details that might ground and localise their pieces, yet also have the risk of giving away the authors.

Дабы придать книге некую логичную структуру, мы попытались идентифицировать несколько основных тем, которые появляются в текстах наших авторо_к. Эти темы условны и зачастую несколько из них одновременно сосуществуют в одном тексте. Так, несколько глав фокусируются на ЛГБТИК+/квир-активизме, ежедневных активистских практиках, отношениях, разочарованиях и борьбе, солидарности и выгорании, и поиске смыслов (Лилия Тен, Нари Алибекова, Жанар Секербаева, «Одеяло» Алтын Капаловой).

Другой значительный пласт текстов, предложенных для сборника, обращается к традиционной теме сложных отношений с биологической семьей и трудностям каминг-аута, в особенности в качестве coming of age историях о подростках (например, рассказ Айсулуу «Кухонные разговоры с моей тетей», рассказы Тимбро «Хороший» и «Дыхание этажей», рассказ Нины Ли «Кто ты по национальности?» и рассказ Алтын Капаловой «Одемяло»). Интересно, что несмотря на достаточно большой возрастной диапазон участниц воркшопа и сборника, здесь заметно отсутствие историй о квир-старости. К сожалению, у наших сообществ нет примера умудренных опытом квирных «старичков» и «старушек», на которых мы могли бы ориентироваться. Когда Мохира впервые задалась вопросом: «А где же старые квиры?», лет десять назад в Бишкеке, юные ЛГБТ-активистки указали ей людей ее поколения — старших миллениалов. К теме квир-истории и памяти о первом поколении квир-активистов обращается Лилия Тен в своих «Заметках пессимистки активистки», где она с большой нежностью и щемящей тоской пишет о легендарном Володе Тюпине.

Вплетенными во многие истории также оказалась тема интерсекциональности — того, как квирность и вопросы этнической, национальной принадлежности, религии взаимосвязаны и находятся в сложном диалоге.

Темы миграции и жизни в диаспоре, транснациональные истории пересечения границ и жизни между разными мирами, миграционными режимами и гражданствами, также получили значительное место среди тем, поднимаемых в нашем сборнике. Эти мотивы затрагиваются в работах Нины Ли «Кто ты по национальности?», Теоны Кокоревой «7 cabs», «The Accident» Адибы, «Кадиух би айван» Нарин Азимовой, текстах Айсулуу, Тимбро и Алтын Капаловой «Кладовка» и «Чемодан».

Особенное место занимают также темы транс*опыта и гендерного диссидентства, которые находят свое выражение как в прямом повествовании каждодневного существования, так и в аллегорической и иносказательных формах на страницах этой книги. Так, в серии зарисовок квир и транс*-повседневности Аноры Картай «Маска Есть Я» (The Mask I Am), писательница использует всем знакомую драматургическую метафору о социальных и гендерных ролях, масках, которые надеваем в попытке вписаться в нормативности. Парадоксально, нормативности проникают и в квир-среду, где тоже необходимо соответствовать ожиданиям о «правильном» перформансе идентичности. Текст Казы «Квир-бабл» предлагает читателям заглянуть на дрэг-вечеринку в Оше, где нет гей-клубов и дружественных публичных пространств для социализации и свободного самовыражения, поэтому люди организуют квартирники. Казы

удивляется, когда впервые видит своих друзей в драге и пишет: «Обычно мы все носим гетеро маски максимально в повседневной жизни». Однако позже он описывает дрэг тоже как маску: «Несмотря на то, что мы были знакомы столько лет, мы ни разу не видели друг друга в образе — в дрэг-маске». Вспоминаются слова РуПола: «We are all born naked and the rest is drag». Этот момент свободы, близости и веселья автор описывает как квир-бабл — радужный, мимолетный и волшебный.

Эта книга в первую очередь предназначена для квир- и транс*людей из Центральной Азии и проживающих в этом регионе. This book is written primarily for Central Asian queer and trans* people. At the same time, we hope that readers beyond this region will find it relevant and resonant. Our dream is for this book to reach beyond the boundaries of queer, trans*, and Central Asian studies. We do not want it to be seen as niche or alternative. Drawing on the work of Indian historian Dipesh Chakrabarty (2009), we aim not only to provincialise Europe, but also to decenter the West, cisness, heterosexuality, whiteness, and ableism.

We invite readers to use this book as a resource for future research, teaching, finding roots, starting new projects, building coalitions, forming reading groups—and, crucially, finding joy and having fun along the way.

Below, we offer a list of suggested discussion questions for reading groups, as well as for individual readers:

1. Что такое в вашем понимании квир-повседневность? Чем она отличается от нормативной повседневности? Почему важно говорить и писать о квир-повседневности? Как разные авторы в сборнике раскрывают эту тему в своих текстах и визуальных образах?
2. Какие тексты в этом сборнике вы смогли прочитать? Какие остались для вас недоступными? Что это говорит о вашем жизненном опыте, привилегиях и ограничениях, с которыми вы сталкиваетесь каждый день? Насколько комфортно или некомфортно вы себя чувствуете в разных языковых и культурных контекстах? Что такое «code switching»? Кто и в каких ситуациях к нему прибегает? Что вы знаете о лингвистических реалиях Центральной Азии? Возможно они схожи с реалиями других регионов, с которыми вы знакомы. Обсудите это в группе.
3. Какие из прочитанных вами текстов больше всего отозвались вам? Почему? Выпишите ваши любимые цитаты из этих текстов, прочитайте их для группы и обсудите, что они значат для вас.
4. Если бы вы получили задание описать свою повседневность, какие моменты, события, персонажи и места стали бы фокусом вашего повествования и/или визуального проекта? Почему?

References

- Ahmed, S. (2006). *Queer phenomenology: Orientations, objects, others*. Duke University Press.
- Anzaldúa, G. (2010). Movimientos de rebeldía y las culturas que traicionan. *Race/Ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts*, 4(1), 1–7.
<https://doi.org/10.2979/racethmulglocon.2010.4.1.1>
- Anzaldúa, G. (2015). *Light in the dark = Luz en lo oscuro: Rewriting identity, spirituality, reality* (A. Keating, Ed.). Duke University Press.
- Anzaldúa, G. (2022). *Borderlands = La frontera: The new mestiza* (5th ed.). Aunt Lute Books.
- Aripova, F. (2022). Tracing the effects of Soviet gender and sexual politics in Central Asia. *Central Asian Affairs*, 9(2–4), 208–234.
<https://doi.org/10.30965/22142290-bja10024>
- Bacchetta, P., Jivraj, S., & Bakshi, S. (2020). Decolonial sexualities: Paola Bacchetta in conversation with Suhraiya Jivraj and Sandeep Bakshi. *Interventions*, 22(4), 574–585.
<https://doi.org/10.1080/1369801X.2020.1749710>
- Bacchetta, P., & Maese-Cohen, M. (2010). Decolonial praxis: Enabling intranational and queer coalition building. *Qui Parle*, 18(2), 147–192.
<https://dx.doi.org/10.1353/qui.0.0021>
- Bagdasarova, N., Mamedov, G., & Suyarkulova, M. (2021). *Kniga o schast'e: Dlia molodych (i ne ochen') LGBT- (i ne tol'ko) lyudej [The book of happiness: For young (and not so) LGBT (and not only) people]*. Knigi dlia Razvitija [Books for Development].
- Bakshi, S. (2024). Theorising decolonial queerness: Connections, definitions, articulations. In B. Fletcher-Watson, L. McAra, & D. Osborne (Eds.), *Essays on decoloniality* (Vol. 1, pp. 35–56). IASH.
- Baldwin, J. (1956). *Giovanni's room*. Signet Books.

Berlant, L., & Warner, M. (1998). Sex in public. *Critical Inquiry*, 24(2), 547–566. <https://doi.org/10.1086/448884>

Buelow, S. (2012). Locating Kazakhstan: The role of LGBT voices in the Asia/Europe debate. *Lambda Nordica*, 17(4). <https://www.lambdanordica.org/index.php/lambdanordica/article/view/362>

Detamore, M. (2010). Queer(y)ing the ethics of research methods: Toward a politics of intimacy in researcher/researched relations. In K. Browne (Ed.), *Queer methods and methodologies: Intersecting queer theories and social science research* (pp. 167–182). Routledge.

DiPietro, P. (2019). Beyond benevolent violence: Trans* of color, ornamental multiculturalism, and the decolonization of affect. In P. DiPietro, J. McWeeny, & S. Roshanravan (Eds.), *Speaking face to face: The visionary philosophy of María Lugones* (pp. 197–216). State University of New York Press.

DiPietro, P. (2021). Neither humans, nor animals, nor monsters: Decolonizing transgender embodiments. *Eidos*, 34, 254–291. <https://doi.org/10.14482/eidos.34.306.76>

Halberstam, J. (2011). *The queer art of failure*. Duke University Press.

Halberstam, J. (2020). *Wild things: The disorder of desire*. Duke University Press.

Heathershaw, J., & Megoran, N. (2011). Contesting danger: A new agenda for policy and scholarship on Central Asia. *International Affairs*, 87(3), 589–612. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2011.00992.x>

Latypov, A., Rhodes, T., & Reynolds, L. (2013). Prohibition, stigma and violence against men who have sex with men: Effects on HIV in Central Asia. *Central Asian Survey*, 32(1), 52–65. <https://doi.org/10.1080/02634937.2013.768059>

Levitanus, M. (2022). Agency and resistance amongst queer people in Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 41(3), 498–515.

<https://doi.org/10.1080/02634937.2021.2008874>

Levitanus, M. (2023). 'I thought I'd kill myself when I grew up': Queer childhood narratives in Kazakhstan. In D. Bühler-Niederberger, X. Gu, J. Schwittek, & E. Kim (Eds.), *The Emerald handbook of childhood and youth in Asian societies* (pp. 177–196). Emerald.

<https://doi.org/10.1108/978-1-80382-283-920231012>

Lugones, M. (2007). Heterosexualism and the colonial/modern gender system. *Hypatia*, 22(1), 186–209.

Mamedov, G., & Bagdasarova, N. (2021). Tema, a ne «LGBT»? Vremia i prostranstvo seksual'no-gendernogo dissidentstva v postsovetском Kyrgyzstane. *Cahiers du monde russe*, 62(2–3), 283–306.

<https://doi.org/10.4000/monderusse.12453>

Mignolo, W. D. (2012). *Local histories/global designs: Coloniality, subaltern knowledges, and border thinking*. Princeton University Press.

<https://doi.org/10.23943/princeton/9780691156095.001.0001>

Pereira, P. P. G. (2019). Reflecting on decolonial queer. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 25(3), 403–429.

<https://doi.org/10.1215/10642684-7551112>

Preciado, P. B. (2021). *Can the monster speak? A report to an academy of psychoanalysts* (F. Wynne, Trans.). Fitzcarraldo Editions.

Salas-SantaCruz, O. (2024). What is decolonial trans* feminism and what can it do for queer/trans BIPOC education research? Reimagining knowledge and identity through the convergence of decolonial and trans* feminism. *Journal of Queer and Trans Studies in Education*, 1(1), 1–12. <https://doi.org/10.60808/F6BY-HH48>

Sekerbayeva, Z. (2022). *Understanding actors and processes shaping transgender subjectivities: A case study of Kazakhstan*. Palgrave Macmillan.

Santos, A. C. (2022). Embodied queer epistemologies: A new approach to (a monstrous) citizenship. In A. Cristina Santos (Ed.), *LGBTQ+ intimacies in Southern Europe: Citizenship, care and choice* (pp. 77–98). Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-13508-8>

Spivak, G. C. (1988). Can the subaltern speak? In C. Nelson & L. Grossberg (Eds.), *Marxism and the interpretation of culture* (pp. 271–313). University of Illinois Press.

Stewart, K. (2007). *Ordinary affects*. Duke University Press.
<https://doi.org/10.2307/j.ctv1220j7h>

Stockton, K. B. (2009). *The queer child, or growing sideways in the twentieth century*. Duke University Press.

Suyarkulova, M. (2018). “Renegade research”: Hierarchies of knowledge production in Central Asia. *openDemocracy*.
<https://www.opendemocracy.net/en/odr/renegade-research/>

Suyarkulova, M. (2019). Translating “queer” into (Kyrgyzstani) Russian. *E-International Relations*, 1–9.

Suyarkulova, M. (2020). “Nobody is going to want her like this:” Disability, sexuality, and un/happiness in Kyrgyzstan. *Kohl: A Journal for Body and Gender Research*, 6(Fall), 187–200. <https://doi.org/10.36583/2020060206>

Two Convivial Thinkers. (2024). (Un)Doing performative decolonisation in the global development ‘imaginaries’ of academia. *Global Discourse*, 14(2–3), 355–379. <https://doi.org/10.1332/20437897Y2023D000000010>

Лилия Төн

Лилия Тен

ЗАМЕТКИ ПЕССИМИСТКИ АКТИВИСТКИ

Страница 1 — Квир, Лесба, ЛГБТ или ЛГБТИКС+.

Песня — ПММЛ (Прости меня моя любовь), Земфира

Вообще-то я не утренний человек, ни разу, ни одной клеткой. Искренне не понимаю, как можно радоваться ранним утром. Еще не терплю высоких голосов. Если две эти вещи совпадут, все может закончиться заголовком в криминальной хронике. Но пока что проносило.

По утрам я медленно соображаю. Поэтому, если предстоит важное дело, например, нужно куда-то ехать, всегда составляю списки. Взять, мол, то да это, проверить, зарядить, написать и т. д. и т. п. Значительно облегчает жизнь.

Ненавидеть раннее утро — это моя квир повседневность.

Ну, а если серьезно. Никак не удастся уловить сути и понять для себя, что есть в «квир повседневности» такого, чего нет в «не квир повседневности»? Для ясности хочу отметить, что совершенно не стремлюсь к объективности. Напротив, здесь будет исключительно субъективное.

Помню дни, когда само слово «квир» было чем-то непонятным, инородным, как нарост — подвид гриба-трутовика на дереве. Тогда в кругу друзей и в активистской среде мало кто понимал это слово. Еще больше непонимания было в том, зачем оно вообще кому-то понадобилось и кого оно описывает. Помню, в июне 2015 года я попала на мероприятие под названием «Гендерная студия» в Кыргызстане. Одна из лекций в рамках этой студии была посвящена теме «квир» и «квир теории». Помню свои ощущения после этой лекции. Будто мне в голову запустили рой диких ос. Все слова по отдельности были понятны, но единый смысл до меня никак не доходил. Еще одна мысль промелькнула тогда в голове, что все эти термины и теории приходят к нам с запада. К слову, говоря о «западе», я подразумеваю центральную и западную Европу, а также США и Великобританию.

Помните, где-то в начале 90-х продавались такие музыкальные сборники под названием «The best from the

west». Не уверена, но кажется, это изобретение постсоветских умельцев. Признаться, на мой вкус они были довольно хорошими.

Забавно, что термин, который по сути своей родился из порыва в борьбе за равенство и уважение к разнообразию (это я снова о «квир»), оказавшись за океаном, стал инструментом разделения и отчасти дискриминации, но уже внутри самого сообщества. Таким образом внутри сообщества появились условные группы «знатоков» квир теории и «отсталых». Первые считали, что их миссия — нести свет знаний. А вторые, боясь показаться глупыми, либо помалкивали, либо наотрез отказывались что-либо понимать и пускались в долгие споры.

Схожая ситуация была и тогда, когда к ЛГБТ прибавилось еще три буквы. В русскоязычной версии это расшифровывается как И — интерсекс люди, К — квир и С — союзницы\ки. Я помню, как некоторые активистки возмущались, говорили «давайте добавим все буквы алфавита сразу».

Тем не менее, со временем и «квир», и новые буквы прижились, как, впрочем, многое иностранное. Постепенно все вокруг оквирилось: квирные люди, квирная тусовка, квирный фильм, квирный бар и т. п. Слово «квир» стало одним большим брэндом. Мне эта

повсеместная квинность не мешает. Хотя, признаться честно, откликается ближе старое доброе слово «лесбиянка». Или как мы говорили раньше: «лесба». Для многих сейчас это слово звучит несимпатично, но для моих ушей это вообще не звучит пошло или оскорбительно, напротив. Звучит как комплимент. Разве нет?

Страница 2 — Магна.

Песня — событие «Мама Люба» — группа Serebro

Размышляя о своей повседневности, я как-то постоянно упираюсь в мысли об активизме. Так уж сложилось, что эти два понятия в моей жизни идут рука об руку. Более того, именно активизм в свое время стал для меня важным инструментом самосознания и принятия. Я в этой каше варюсь уже 14 лет. Места меняются, события, но я постоянно встречаю одни и те же лица. Некоторые из них всегда приятно повидать, отдельных людей — особенно приятно. Однако есть и такие, с кем не то что говорить — «срать на один гектар не сяду». Так часто говорила моя мама. И мне это выражение очень близко, тем более что я прекрасно понимаю, как выглядит площадь величиной в гектар. Для наглядности, 1 гектар — это практически полтора футбольных поля.

Шутки в сторону, хорошо, что мама моя не в курсе, до чего я докатилась. Ведь я и «сяду», и еще спрошу, как дела, с дежурной улыбкой на лице.

Впрочем, говоря о встречах. Бывает и такое, когда видишь человека и сразу понимаешь, что вы близкие души. Впоследствии получается вместе хорошо работать и дружить.

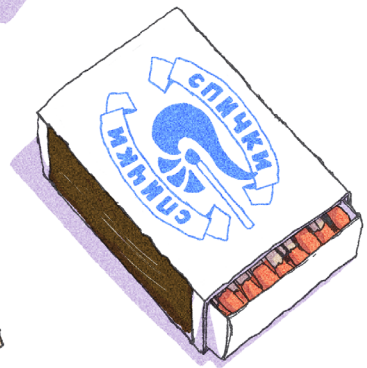
Пожалуй, единственный человек из этой самой активистской среды, о котором мне хочется тут написать, был Володя Тюпин. Первый открытый гей Кыргызстана и Центральной Азии, активист, основатель первой ЛГБТ-организации в регионе, первого ночного клуба с драг шоу. Володя Тюпин, он же драг дива под псевдонимом «Магна», он же «Бобылек». Он же Володя Байке.

В то время, когда я только коснулась НКОшной сферы, это был 2010 год, Володя уже отошел от активизма, но у всех на слуху было название его организации «ОАЗИС». А имя Володи упоминалось с большим уважением, как говорят о человеке, вошедшем в историю. Что, в общем-то, так и есть. Сам Володя по клубам не ходил и на мероприятиях не появлялся. Поэтому впервые лично мы с ним встретились, если мне не изменяет память, в 2011 году, на праздновании 7 дня рождения организации, в которой я на тот момент работала. Володя сам каким-то образом с нами связался и сказал, что с удовольствием придет и в качестве поздравления подготовит номер. В итоге мы встретились вечером на праздновании в клубе. Володя пришел с большой сумкой, широко улыбаясь. Уточнил, где можно переодеться и ушел готовиться. Для переодевания всех выступающих, а их у нас было около десятка человек, была одна раздевалка размером 2*1 метр. Пока мы забегали,

выбегали, переодевались, Володя спокойно готовился, наносил макияж и ждал своей очереди.

В назначенный момент заиграла очень популярная в то время песня «Мама Люба» и Володя, то есть, Магна, на десятисантиметровых каблуках, во всей красе появился на сцене. На мой взгляд, он был невероятно творческим и харизматичным. А еще умел вдохновить, поддержать, подсказать и помочь в нужный момент. Со слов моих друзей, знакомых с ним ближе, Володя был для многих молодых гей парней за родителя. У него на квартире собирались самые крутые тусовки, ему звонили, если кто-то попадал в беду, он развозил пьяных ребят по домам, удостоверившись, что все целы и в безопасности.

Как-то раз я спросила у него: «Володя, почему “Магна” и что это имя вообще обозначает?» На что он мне так беззастенчиво, с улыбкой ответил: «Это название сигарет “Magna”». Я рискую сейчас очень сильно перевернуть, но история такова. Володя никогда не курил. С его же слов, когда он открыл ночной клуб и они с группой стали ездить с выступлениями по стране — началась ночная жизнь. В это время, после падения железного занавеса, в стране стали появляться разные иностранные бренды сигарет. И «Magna» была тогда повсюду. Когда Володя увидел эти сигареты, ему и пришла в голову

идея сделать название сигарет своим сценическим псевдонимом.

К слову, я помню эти сигареты, так как очень рано начала курить.

*Мама Люба, давай, давай, давай,
Мама Люба, давай, давай, давай.*

В тот вечер номера были прекрасные. Магна сорвала море аплодисментов. Сейчас вспоминаю с улыбкой. Мы тогда ничего умнее не нашли, чем обсуждать, как же у него так бойко получается танцевать на таких высоченных каблуках. И какая у него красивая попа.

В последние годы Володя вернулся в НПОшную сферу. Мне довелось с ним немного поработать. И за это время я не переставала удивляться тому, как ему всегда удавалось оставаться на позитивной волне. Он не хранил в себе злости и не был мстительным. Вспоминается мне встреча, на которой Володю выбрали быть представителем от МСМ¹ (мужчины, практикующие секс с мужчинами) сообщества в Страновом Координационном Комитете. И те, кто сильно хотели, чтобы это был не он, говорили всяческие гадости, не стесняясь

¹ МСМ — аббревиатура от фразы «Мужчины, практикующие секс с мужчинами», часто используется в НПО-сфере, чтобы включать всех мужчин с подобным опытом, вне зависимости от их сексуальной идентичности.

выражений: «Дай дорогу молодым. Сделал свой вклад и пора уйти на покой». И так далее и тому подобное. К чести Володи, он ничего оскорбительного им не ответил. А вот ребята эти, на мой взгляд, показали свою недалекую сущность. Спустя два года, когда срок его полномочий истек, была похожая встреча, но Володи на ней не было. Он выбрал лечение и отдых участию в этой встрече. И, о боги, как же он был прав. Тот, кого Володя обошел на выборах, ходил павлином, так как легко говорить о том, кого нет в комнате. Не так ли? Думаю, мне тоже следовало бы выбрать что-то другое участию в этой встрече. Вместо желчных комментариев и сплетен я могла попросту наслаждаться компанией своих любимых друзей.

О смерти Володи узнала из поста коллежанки в фейсбуке. Узнала, где и когда похороны. Но пойти — не хватило сил. Не хотела видеть его таким. Сохраню в памяти его улыбку и десятки забавных историй, которые он рассказывал с улыбкой и теплотой

Лишь однажды удалось взять у него интервью и написать текст. Всегда говорила, что с его рассказов можно писать историю ЛГБТ движения в Кыргызстане. А Володя отвечал, что готов рассказывать, делиться фотографиями и не только. Что он все хранит. Но ни у кого так и не нашлось времени.

**Страница 3 — 3 сентября, дождливый четверг.
Послушайте эту песню, она классная — Любовь как
случайная смерть, Земфира**

Сегодня небо все такого же цвета, что и вчера, и несколько дней тому назад. Мир за окном похож на картину, укутанную в легкую прозрачную накидку из шелка. Если высунуть голову из окна, то кажется, что отдельные участки, дома и кусочки леса оплетены паутиной, вот такой белесый оттенок повсюду.

С утра ничего особенного не было, кроме суеты по сбору и подготовке документов на британскую визу. Уже обед, а я все не послала даже копии.

Добежала везде, собрала всё, что могла. Зашла в магазин, в придачу купила пачку вина и апельсин. Сварила глинтвейн, и после второго бокала стало совсем хорошо.

В голову лезут воспоминания: обрывки фраз, запахи, тепло тела и объятия, такие далекие и такие близкие. Я помню её со спины, изгиб плеч, спина, бедра. Такое маленькое и хрупкое тело, тихо лежит на боку, отвернувшись от меня. Я тихонько и нежно обнимаю её сзади, так осторожно, будто она хрупкая хрустальная статуэтка. От этих мыслей низ живота тяжелеет от желания.

Мы продолжаем жить каждая в своей вселенной, двигаясь в своём направлении. Ты мой любимый спутник — такие разные и такие похожие.

Я думала, что никогда не смогу снова полюбить. Боялась, что не буду счастлива, не смогу открыть кому-либо еще раз свое сердце. Смогла. И было хорошо, и плохо тоже было. Без любви, без чувств и страсти моя квир-повседневность невозможна. Если не читаю книг, не пою и не веду долгих кухонных философских бесед с близкими сердцу людьми, жизнь становится пресной.

Про любви свои писать не буду. Это мое личное и пусть эта часть жизни самая что ни на есть квирная. Она принадлежит мне, и я хочу делить ее лишь с той, кого люблю.

Страница 4 — «Сколько в моей жизни было этих самолетов.»²

Песня — «Самолет», Земфира

Я снова куда-то лечу. Сколько часов жизни я провела в аэропортах за последние полгода, сколько километров эскалаторов, дорожек исхожено. Сколько раз я раздевалась и одевалась на досмотрах. Сколько литров безвкусного кофе и килограммов кренделей съедено. От одной только мысли в боку заныла печёнка.

Знали бы мои родители, к чему привели их старания. Почему-то мне с детства внушала мама, что я вырасту и «улечу далеко-далеко от родительского дома». Папа, отламывая от курицы крылышки, всегда подавал их мне со словами: «на вот ешь, набирайся сил, чтобы улететь».

Не понимаю, как выходит, что от поездки к поездке всегда накапливается куча срочных дел. Такое ощущение, что все дела где-то за углом ждут подходящего момента и аккуратно перед поездкой начинают выныривать из всех щелей как тараканы. Как же утомительно ходить по магазинам в поисках подарочков. Если не делать это заранее — я умираю. От постоянного думанья, силы улетают в кроличью нору.

² Земфира — песня «Самолет».

В 2014 году произошла ужасная авиакатастрофа, которая, согласно Википедии, вошла в десятку крупнейших за всю историю человечества. Летел себе самолет из Амстердама в Куала-Лумпур, и над определенной территорией был сбит российской ракетой. Погибло 298 человек. Из них около 100 человек летели на международную конференцию AIDS 2014 в Мельбурне — активистки_ты, исследовательницы, ученые, врачи. Помню, как читала эти новости и холодок приподнимал волосы на затылке. Я сидела в кресле, в маленькой комнате, приспособленной под кабинет в старом родительском доме на окраине Бишкека, и наблюдала, как росло количество черных кружочков на месте аватарок у друзей в ФБ. Где-то в глубине души тогда я выдохнула, и подумала — пронесло.

Мама говорила, мол кому суждено утонуть, не разобьется. Так-то оно так, но каждый раз поднимаясь на самолет, меня преследует мысль, что это может быть последний раз. Станным образом из любительницы путешествий, с детства мечтавшей облететь весь мир, я превратилась в ворчливую зануду. Видимо, моя способность радоваться и наслаждаться новыми впечатлениями, нашла себе другую спутницу где-нибудь во время пересадки в Стамбуле. Просто устала слушать мое нытье и улетела с улыбчивой девушкой куда-нибудь в Новую Зеландию.

Страница 5 — Как же все это развидеть?

Песня, помогающая настроиться на позитив —

Feeling good, Nina Simone

Искала известную цитату Фаины Раневской про людей, в которых живут только глисты и нашла другую, более деликатную: «Бог мой, как я стара — я ещё помню порядочных людей!»

Этот афоризм в точности передает мои состояния, которые довольно часто случаются с тех пор, как я вошла в активистский омут. Не удивительно, ведь я так же, как и многие начинающие, имела такие идеалистские ожидания от людей, от сообщества в целом. Такой период влюбленности, когда тело вырабатывает большой объем гормонов счастья и реальность теряет свои очертания в розовой вате. Со временем я поняла, что сообщество — это обычные люди, а не прекрасные ангелы. И как простые смертные, они бывают слабыми, грубыми, трусливыми. Не все активистки и активисты обладают каким-то стандартным набором высоких ценностных ориентиров и приятных качеств. А скорее напротив. Увы, мне чаще попадались иные.

Например, честолюбивые борцы и борчихи за справедливость. Такие на публике представляют себя безгрешными спасителями всего мира. Убеждая, со слезами на

глазах, что все это ради людей, планеты, природы, женщин, детей, прав и свобод и т.д. На публике борющиеся с капитализмом, патриархатом и насилием, выступающие за права всех женщин на свете, на деле эксплуатирующие молодых активисток за копеешные гонорары. Знаю и таких, которые хронически недоплачивают сотрудникам, то отпускные, то последнюю зарплату. Хотя евро, хоть сто, но удержит. Чтобы проучить, показать, наказать, покарать. Вот это вот все, что там боги делают, чтобы наслаждаться властью.

Еще есть любители такого классического приема, как вознести себя выше за счет унижения других. Выражается он по-разному, но исходная позиция всегда одна — я лучше знаю, чем все вы/они, я умнее, опытнее, храбрее, решительнее, бесстрашнее. А все, кто не разделяет схожей точки зрения — глупы, слабы, тупы и пр. Настойчиво и часто требуют ото всех — солидарности, поддержки, бережного отношения. И для достижения своих хотелок борются со всеми без разбору. Сами, как водится на деле, мало солидарны или бережны. Хотя могут, если это не касается выгодных перспектив.

Есть более амбициозные аля бай манапы. Для них борьба за ресурсы и власть является главной целью. Они стремятся занять позиции во всех рабочих группах и институтах, чтобы влиять на принятие решений

в пользу своей организации. Чаще всего мне встречались такие мужчины-лидеры. Они любят всех поучать, сильно раздражаются и срываются на эмоции, если им в противовес смеет выступить женщина, еще и уверенная в себе. Случилось мне наблюдать такие разборки, иначе не назовешь. Перепалки, переходящие в угрозы. А также сплетни, шантаж, уничтожение документов, подставы для неподатливых директоров, требования откатов и судебные иски. Я видела много выгоревших людей, людей — кто на самом деле хотели изменить мир и помочь людям. Но зачастую выживают те, кто не вкладывает душу, а изначально преследует свои прагматичные цели.

Те, кто поумнее, выбирают тактику, а не силу. Порхая с бокалом сухого белого на очередном приеме у посла, с милой улыбкой говорят: «О, мы самая крупная организация, мы самые лучшие, мы делаем то, это и еще вот это. А остальные организации, не слышали, не знаем, они вообще ничего не делают. Все мы, все сами». «А вы читали наш последний отчет по исследованию, посвященному теме “Как устранить конкурентов среди НКО и стать монополистами”? Вот, почитайте».

Сейчас, когда я вижу этот знакомый огонь в глазах активисток, включаю минутку нравоучений и лезу с непрошенными советами. Говорю, о том, как важно сохранять

баланс между работой и личной жизнью. И сама себя внутри корю за то, что несу откровенную херню. Я хочу кричать: берегись! Активизм — это наркотик, ты подсядешь на него и тебя будет ломать, когда захочешь соскочить. Что активистки бывают разные, что могут быть обманщицами, могут быть нечистыми на руку, что могут использовать чужой труд и не платить, они могут быть насильницами и абьюзерками. Увы, у нас в культуре Центральной Азии для таких людей есть очень много терпения. Я бы сказала, слишком много. Настолько много, что они теряют связь с реальностью. А заодно и способность к саморефлексии.

Писать всё про всех — это задача не сложная. Себе я не отвожу места прекрасного благоухающего цветка среди дерма. Есть объективные случаи, в которых я откровенно зассала и поступала против совести. Но тут я себе больший судья, чем кто-либо.

Я дополняю эту часть текста, когда в США снова президентствует Трамп. Дежавю. То, что он успел нахуевертить — лишь вершина айсберга. Весь мир трясет от негодования и непонимания. Ведь нормальные, приличные люди так не делают! Однако меня это как-то не удивило и не потрясло. Возможно от того, что я таких вот трампов разного размаха уже повидала. Есть в этом хаосе и позитивный момент, ведь Трамп — это прекрасная лакмусовая полоска для всех нас.

Страница 6 — Про потери.

Песня — Song from a Secret Garden

Хотя про выгорание доносилось из каждого утюга, всегда казалось, что именно меня — пронесет. Будто я какая-то особенная. Но, пиздец подкрался незаметно. И вот я уже в каком-то глубоком душевном утомлении, изоляции и непрекращающейся экзистенциальной яме. Произошло это довольно незаметно. Не так, что просыпаешься утром или идешь по улице и бац, озаряет мысль. Просто в какой-то момент жизнь, вся жизнь как есть — стала непосильной ношей. Мне казалось, что это просто жизнь тяжелая и мало связано с тем, чем я занимаюсь. Периодически размышляя о прошлом, я понимаю, что причины были очевидны. И факторов было много. Но, играя главную роль в кино, ты не можешь видеть того, что происходит на общем плане.

Постоянное напряжение в повседневной жизни быть готовой к тому, чтобы отстоять свои границы, решения. Решения — реагировать или не реагировать на то, что каждый встречный на улице может отпустить какой-то комментарий по поводу моего внешнего вида, тому, как отвечаю, говорю, себя веду. Учить как мне нужно жить, что делать, как одеваться, как говорить. До физической расправы ни разу дело не доходило, но часто бывало на грани. В конце концов, на душе от этого становилось

только тошнее, и не высказанное и невыматеренное — превратилось в тихого внутреннего убийцу.

Не последнюю роль сыграл и так называемый активизм. Как оказалось, очень легко можно двинуться катушкой, если среда располагает. Для меня в активизме больше всего было непонимание со стороны коллеганок и коллег. В определенный момент, казалось, что я и вправду схожу с ума и теряю связь с реальностью. Что нахожусь в эксперименте, где все сговорились и нарочно говорят на красное, что это зеленое. И лишь я одна испытываемая, кто видит красный цвет.

И, конечно, личное. Между активизмом и личным очень тонкая, едва уловимая граница. И чтобы понять и уловить ее, мне понадобились годы. К тому же, на фоне одних проблем, личные становятся более выпуклыми и игнорировать их не получается.

Это была осень 2014 года, маме становилось хуже с каждым днем. Она почти перестала выходить на улицу так силы угасали и большую часть времени она проводила в кровати. Я постоянно была дома и урывками старалась работать, разрываясь между поездками по врачам и домашними делами.

Помню, приехала в Бишкек представительница из Канадского посольства, и у нас была назначена встреча

в кофейне. В такой суматохе, я перепутала и день, и время встречи. В итоге меня вызвонили, и я приехала с опозданием на 30 минут. Выслушивая возмущения, мол, у нас осталось лишь 20 минут на разговор из-за твоего опоздания, я смотрела на мутный кофе, на черную сажу под ногтями, которую впопыхах не успела отмыть, на следы недотертой пыли в углу стола, и не могла ни двинуться с места, ни ответить ей чего-то вразумительного. Но где-то в дальнем углу моего сознания зародилась мысль взять паузу в активизме на неопределенный срок.

5 февраля 2015 года, умерла мама.

Страница 7 — Еще немного про политику и активизм. Песня для размышлений — Pink Floyd — The Great Gig In The Sky

Запись из дневника от 12 марта 2023 года, Стамбул, отель Windsor:

«Я на Центрально-Азиатской платформе. В Украине уже чуть больше года идет война. С 14 этажа видно, как за окном простирается типичный городской пейзаж. Угловатые стройки, промзона с ярко-выкрашенными местами стенами и красно-серыми крышами. Небо в сахарной вате серого цвета, а напротив на высоком флагштоке развевается красное полотно турецкого флага. В тишине я сижу одна наедине с мыслями и чувствами. Однообразный гул города еле слышен через закрытые окна. Он, как мой внутренний голос, гудит, но никаких внятных звуков не разобрать».

На дворе 22 ноября 2024 года, прошло чуть больше года, но как много произошло за это время изменений. Дважды в день штудирую новостную ленту, в основном через каналы в Телеграме. И с удивлением нахожу очень много схожего между мировыми политическими событиями и активистскими перипетиями. Думаю о возможности ядерной атаки и о том, на что способен человек, действующий из страха. Ощущаю себя

так, словно прожила три жизни за этот промежуток времени. Узнала, что такое сложности адаптации в эмиграции. Перенесла на собственной шкуре, что такое зависимость и трудовое рабство в современных реалиях. Побывала во многих странах впервые в жизни и никуда в них не видела, кроме вида из окна гостиницы.

И почему я до сих пор занимаюсь этим, а не чем-то другим? Если я буду знать дату своей смерти, буду ли я заниматься тем, чем занимаюсь? Случалось вам задавать себе подобные вопросы?

Я делаю это регулярно и даже придумала себе разные объяснения. Мое любимое — это то, что я отмываю свою карму, так как набедокурила в прошлых воплощениях на этой земле. Меня это забавляет и успокаивает.

Все-таки, самое важное, что несмотря на все изъяны активистской среды, в ней есть гораздо больше хорошего. Вот это хорошее, эти смыслы, которые я создаю внутри и которые находят отклик в других активистках — вот это заставляет меня встряхивать голову и продолжать идти. Есть что-то в активизме, схожее с наркотиком. Для меня это вера в то, что я каждой строчкой, каждым письмом добавляю на чашу весов вселенской справедливости частичку в пользу добра. Вот поэтому я всем этим занимаюсь.

Страница 8 — Что дальше?

Песня — «Merry-Go-Round of Life» Howl's Moving Castle, Joe Hisaishi

В идеальном мире на этом месте была бы любовная сцена. Но мы живем в неидеальном мире. Сегодня за моим окном видны опрятные улочки со старыми домами, серое небо и парочки на послеобеденной прогулке. Их жизнь кажется мне такой размеренной и беззаботной. И расстояние между нами, словно драматическая метафора классового неравенства.

В немецкой натуре есть тонкие отличия, которые чужды моей ментальности. Например, дистанция между людьми. С местными можно очень классно общаться, обсуждать личные темы, делиться интимным, и может показаться, что вы просто суперподруги/друзья, но это не так. Непонятно, возможно ли вообще перейти эту невидимую границу. И, хотя тут бывает до волчьего воя тоскливо и до отчаяния одиноко, я все же близка к тому, чтобы назвать свою миграцию в Германию, иммиграцией.

Справедливости ради, следует отметить, что в Германии есть масса хорошего и того, в чем мы очень даже схожи. Например, немцы верят в народные средства лечения из разряда «поплевать на глаз, чтобы вылечить

ячень». Нет, конкретно это средство они не используют. У них есть свои фишки. Немцы верят в целительную силу шарфа. Если болит горло, то достаточно просто повязать шарф и горло выздоровеет. А еще, если болит ухо, то к нему нужно приложить половинку луковицы. Желательно примотать ее надежно шарфом к голове и оставить на ночь. Ну и напоследок, травяной чай и сосательные конфетки — вылечат любую простуду и грипп.

Такова моя квир повседневность. И ее особенность заключается в том, что завтрашний день непредсказуем. И я не знаю, останется ли моя жизнь ежедневной борьбой за право быть счастливой. Соединятся ли когда-нибудь в единое полотно эти обрывки памяти, разбросанные по разным странам. И где буду я через год в это самое время.

Но неизменной остается моя нелюбовь к ранним подъемам. И еще вера в то, что жизнь подскажет выход и для любой проблемы найдется свое решение. Что наступит время, когда мы будем восстанавливать разрушенные демократические механизмы и выписывать историю для будущих поколений.

Нари Алибекова

ИЗДАНИЕ

Нари Алибекова

СТИХИ

Я в активизме 14 лет

Я в активизме 14 лет!
Больше во мне параллельностей нет!
Я утопаю в насилье души, как я еще не сбилась с пути?
Буду я снова в любви или нет?
Я в активизме 14 лет!

Сколько во мне безусловной любви
Как зажигаются эти огни
Где эта сила и в чем ее мера
Может пока Не иссякнет вся вера?
Буду я снова сгорать или нет?
Я в активизме 14 лет!

К несправедливым делам и от бед
Эти 14 прожитых лет —
Ели на ужин, на завтрак, в обед
Сформировавшийся иммунитет.

Мысли о том что мне надо прощаться
С этим тяжелым трудом навсегда,
Стали все чаще в глаза мне бросаться
В эти последние годы без сна,
Буду я снова, опять или нет
Я в активизме 14 лет!

Сколько добра для людей моих сделать
Не получив за него и гроша
Чтобы свободу на страхе возделать
Спросит тихонько у веры душа,
Будешь! — оскалится сердце в ответ
Ты в активизме 14 лет!

Внутренний ребенок!

Тихо плачет у тебя внутренний ребёнок.
Страшно выходить ему из своих пелёнок.
Этот мир не терпит слёз, тайнами пугает.
Трудно быть ответственным — сам себя ругает.
Всё ему мешает жить, виноваты тоже.
Он не хочет понимать, что его так гложет.
Лучше спрятаться от бед и от их решений
В коконе из череды прошлых сожалений.

Скорей всего, ты спишь сейчас в Панаме

Скорей всего, ты спишь сейчас в Панаме
На поле из резиновых шаров.
Несут тебя в заоблачные дали
Парящих стая белок-летунов.

Небрежно твои пряди поправляя,
Несёт тебя течение ветров,
Попутно за собою оставляя
Цепочку из ванильных облаков.

Но вдруг твой сон нахально обрывает
Раздавшийся вдали орлиный крик.
Он головы — пикируя — срывает,
В глазах блеснул свирепый блик.

Набрав за пару взмахов высоту,
Он мчит, расставив из когтей капкан.
Кровавый след разрезал наготу,
Оставив на плече глубокий шрам.

Собрав в себе все силы и стремленье,
Связав шнурки у чёрных башмаков,
Ты ждёшь в надежде победить в сраженье,
Растерянный и сбитый птицелов.

Твой враг, орёл, почти повис в зените.
Ты стал размахивать у головы лассо.
Прошу, молю, шнурки его свяжите!
Сквозь боль рисует вера полотно.

Вокруг меня — две тысячи созвездий

Вокруг меня — две тысячи созвездий.
В одном из них, быть может, есть Земля,
Похожая на нашу — только легче,
Без тяжести тревог и бытия.
В ней крошечный, но добрый местный житель
Сидит сейчас и мыслит обо мне:
«Зачем я столько трачу сил на вещи,
Теряясь в бесконечной суете?»

Жанар Секербаева

ЖАНАР СЕКЕРБАЕВА

ЖЕНЩИНА-ГОДЗИЛЛА

Я люблю спать с открытым окном, хотя не люблю мёрзнуть в кровати. Свежий воздух, пение дрозда, синичек, скворцов, как «Доброе утро!», которое тебе говорит соседка, выгуливающая гавкающего шпица каждое утро в 9:20. Если бы не дети в детском саду рядом, может быть, я спала бы дольше. Но мини-хуманы — средоточие и трагедия гетеросексуально обречённых людей. На планете Земля — 8 миллиардов населения, но почему-то человеческие существа продолжают упорно размножаться. Для чего? Люди — самые жестокие создания и вообще-то нам бы пора остановиться во всех смыслах.

Пока я умывала лицо и чистила зубы, на телефоне отразились сообщения из Тиндера. Да, приходится пользоваться им, потому что для лесбиянок ещё не придумали отдельной платформы. Повсюду бисексуалы-мужчины и геи, а объявления квир девушек — небольшое число из огромного потока анкет. Свайпать

вправо поначалу я стеснялась. Поэтому просмотрев быстро фотографии и описания, я, словно боясь ответа, отправляла девушек налево. Я не хотела ничего серьёзного, но была не против совместного времяпрепровождения с поцелуями.

Наконец я была готова выйти поработать в кофейне, дома мне тяжело заставить себя сесть за стол и начать текст. Иногда, когда собираюсь вот так выйти, начинаю мыть посуду, потом отвлекаюсь на поиск зарядки для телефона, а затем ещё на то, чтобы вытащить вещи из стиральной машинки на сушку, и уже не понимаю, что я начала первым. Сажусь на диван, закрываю глаза. Представляю, как перед экзаменом бедные студенты_ки зубрят хронологию убийства одного хана другим, рождение их отпрысков и названия битв. Нет, всё-таки мне тяжелее, и раз я выжила при такой забывчивости простых вещей, я крута! Я встала с дивана и побежала заканчивать все дела сразу и одновременно. Выбежав на улицу, вздохнула с облегчением, что ничего не забыла. Зарядка от телефона и ноутбука — в моей заплечной сумке. Надеюсь, в этот раз в кофейне не выключат электричество. В прошлый раз света там не было более трёх часов.

По дороге в кофейню я покормила уличных кошек, котов, обитающих в подвале нашего дома. Я их путаю

с теми, кто живёт на первом этаже первого подъезда с бабушкой. Они забегают по огромной ветке, которую кто-то поставил вертикально. По ней кошачьи взбирались вверх и вниз на окно квартиры.

— Пыс-пыс-пыс! — кто-то позвала из окна.

Я продолжила свой путь далее. На этой неделе мы с подругами собрались пойти на мероприятие, посвящённое последствиям катастроф на АЭС. Жамбыльский район — уже целый год закрыт, все жители_ницы были эвакуированы в срочном порядке, но не сразу. Пострадали снова простые люди, которые получили чрезмерно высокие дозы радиации. Пострадали животные. Пострадала земля.

В Казахстане во время СССР испытали около 500 атомных бомб на Семипалатинском полигоне. Земли, которые находятся там, до сих пор ещё фонят и непригодны ни для чего. Казахстанцы_ки в нескольких поколениях имеют генетические раковые заболевания, вызванные облучением.

В кофейне снова сидела без света. Выключение электроэнергии в Алматы и Алматинской области уже не были проделками нелегальных майнеров, у которых есть связи в правительстве. Больницы, школы, стратегические объекты — перешли на генераторы. Проблемы стали происходить с самого начала той самой аварии

в 2027 году. Некоторые СМИ написали о наличии связи между происшествиями в Жамбылской области и ситуацией в Алматы, но такие республиканские медиа, как «Колосящаяся пшеница», «Традиционный, семейный, ценностный» и «Жаңа Қазақстан», категорически отрицали подобное и угрожали всем, кто распространяет такие «догадки» судами за дезинформацию.

Работа шла медленно. Я решила прогуляться и дойти до любимого винного магазина. В Тиндере одна из девушек не любила кофе и вино, а я только собиралась свайпнуть её налево. Не судьба. Куплю вино и пойду встретиться с подругой, сразу решила я. Вечер был свободный.

Подруга Майра всегда была рада общению. Когда я зашла к ней в квартиру, где она живёт с двумя кошками, она встревоженно встретила меня и потянула за руку в зал.

— Что такое? Дай мне разуться! — запричитала я.

— Ты не слышала то, о чём говорят мои подруги в наших узких экоактивистских кругах! — она вытаращила глаза и даже застыла на мгновение для большей театральности.

— Ты расскажи, я услышу. Боже, дай мне снять обувь. Как Куся? Где Кнопа?

Услышав своё имя, в прихожую комнату прибежала одна из них. Пока я её гладила, Майра размахивала руками, драматизируя сказанное.

— Хорошо, хорошо. Сажусь на диван, и ты все расскажи, — с этими словами я прошла в зал и села. Заплечная сумка давила на плечо, наконец могу её отложить. — Мне нужно выпить! — потребовала Майра и побежала искать бокалы. — Я знаю, что ты купила вино.

Мы сели поудобнее, и подруга была готова открыть мне какую-то тайну или слух. Её глаза, обычно очень живые, сегодня были будто смотрящие в одну точку. Я уже начинала нервничать и сразу подумала, что, наверное, она расскажет мне о новых случаях харассмента или домогательств. Вздохнула. Приготовилась. Готова.

— Слушай меня внимательно и не перебивай, поняла? Я кивнула. То, что мне увлеченно и жарко рассказывала Майра в течение часа, меня не особо удивило и каким-то странным образом даже порадовало. Я предполагала, что рано или поздно такое может случиться, ведь человек устроил катастрофу всем подряд и нам нужно теперь понимающе относиться к происшествиям, которые убивают человечество. Я пила вино, хмыкала и понимающе кивала.

— Нет, ты не понимаешь, что нет пока никакого научного объяснения этому. «Это» выбирает будто бы человека и потом она...

— Майра, давай ещё купим вина? — спросила я рассеянно.

— Дорогая, тебе неинтересно? Это же просто бомбааа! Это невероятно!

— Хочу выпить ещё. Просто возьмём перерыв. Твоё нечто никуда от нас не сбежит.

Майра неодобрительно на меня посмотрела.

— Ты не понимаешь, алло?! «Это» уже в Алматы, тому есть все свидетельства спасателей_ниц и наших учёных. Всем пипец! И всё приходит в движение с каждым землетрясением и первые признаки «этого» — застывшее время или «поломанное» время.

— Отлично! Пусть «это» будет среди нас. Им могу быть и я? Верно? — я рассмеялась так громко, что в комнату выбежали кошки и посмотрели, что же происходит.

— Всем устрою полный пиздец!

— Минус вайб!

На настенных круглых часах у Майры на кухне было 01:23. Это же время они показывали в прошлый раз, когда я к ней заходила. Майра снова не поменяла батарейки, подумала я. Выпив воду, я вернулась в зал, где подруга застелила мне диван. Решила заночевать тут, потому что мы разговаривали до 12 часов ночи. Обычно мы обсуждаем всех и вся, но голова Майры была занята

«этим», пришлось сидеть и слушать. Мы выпили две бутылки красного вина.

Утром проснулись от сообщения в телефоне. Наконец всем пользователям_ницам всех сотовых операторов стала приходить информация примерно в одно и то же время: «В 9:09 по времени Астаны сеть сейсмических станций ТОО «ННЦСНИ» МЧС РК зафиксировала землетрясение в Жамбылской области, сообщает пресс-служба департамента по чрезвычайным ситуациям области. В эпицентре расчетная интенсивность составила 5 баллов». Майра ходила из комнаты в комнату как не своя. «Я же говорила, я же говорила», — шептала она. Я пыталась её успокоить и пошла делать нам завтрак. Странно, но часы на кухне показывали точное время.

— Куся, Кнопа, Майра — завтрак! — крикнула я. Сварила кофе, пожарила нам омлет, а кошкам насыпала сухой корм.

— Слушай, может, ты будешь теперь ночевать у меня почаще? — спросила подруга. — Я думаю, «это» не просто пробудилось, но и ищет сама знаешь, что... А точнее кого...

— Уффф, Майра, ты такая трусиха. А что если у меня выгорит свидание? Я ещё не проверяла Тиндер конечно. — Пригласи её сюда!

— И что мы будем делать при тебе?

— Как что? Я закроюсь в комнате и надену беруши! Можете трахаться сколько вам влезет.

— Вообще-то я за девушками долго ухаживаю! Секс — самое последнее и не такое уж и важное дело.

— Ой не могу! Кринж. Так долго крутиться вокруг да около. Я тебе помогу ускорить все процессы, — Майра засмеялась.

В кофейне я расположилась за своим любимым столиком. Я знала весь плейлист, который, конечно же, повторялся. «Вот если бы я составила его», — подумала я. В течение всего дня почему-то моё тело болело, словно после тяжёлой тренировки. Хотя на прошлой я всего лишь делала жим и присед. Надо размяться побольше завтра в зале.

В обед пришло ещё одно сообщение, как и утром. «В 15:39 по времени Астаны сеть сейсмических станций ТОО «ННЦСНИ» МЧС РК зафиксировала землетрясение в Жамбылской области, сообщает пресс-служба департамента по чрезвычайным ситуациям области. В эпицентре расчетная интенсивность составила 7 баллов». Ого, уже 7 баллов! Хорошо, что область закрыта и там никого нет. Бедные животные, птицы, растения, которые, конечно, никуда уйти не могут. Хотя опыт Чернобыля показал, что выжили оставшиеся там собаки.

Они стали дикими и стали активно размножаться. Их потомки выжили, оставляя ещё новые поколения собак.

Музыка в кофейне была прервана на сообщение из новостных пабликов. Какая-то женщина включила на всю громкость свой компьютер и попросила всех о тишине. Впервые вижу такое, видимо, новость действительно шокирующая.

«Мы просим соблюдать спокойствие! Землетрясений нет в Алматы и вам не нужно уезжать из города. Не поддавайтесь панике», — говорил какой-то мужчина в костюме.

Всё-таки я решила вечером не идти к Майре. Иногда устаю от общения с людьми, даже если они мне очень близки. Моё тело продолжало как-то неприятно гореть, мне хотелось полежать спокойно в тишине, без испуганной подруги.

Ночью поднялся жар. Я выпила температуросбивающие лекарства. Первой мыслью была мысль о гриппе. Во время Ковида, несмотря на три вакцинации, я всё же заболела один или два раза. Я лежала на кровати и то проваливалась в сон, и то снова выходила из него. Мне приснилось, что я стала сиять, как Северное сияние, и что на меня теперь любитесь весь мир. Или я увидела себя рядом с собаками, которые сияли. Остальное

выпало из памяти. Мне казалось, или всё-таки приснилось, что я выходила из дома и гуляла по улицам.

Утром жар как рукой сняло. День прошёл обычно. На тренировке я показала отличный результат и радовалась, что иду вверх по силовым показателям. В обед мне позвонила Майра:

— Ты бросила меня? Ты ведь знаешь, что был землетряс??

— Ойбой! Я просто хотела спать дома, Майра! Да, но я не боюсь никаких происшествий, ты же знаешь.

— Тебе не будет прощения без вина. Как можно скорее приходи!

— Давай завтра! У меня важный дедлайн. Сдаю текст в один очень важный сборник.

— Ты что, опять затянула? — Майра присвистнула.

Ночью тело не горело высокой температурой, но я выпила на всякий случай жаропонижающее. Однако мне снова приснилось, что я гуляю по городу и сияю на всех как Северное сияние.

Утром меня разбудили мини-хуманы. Они плакали, когда их оставляли родители. Закрывает окно. Взяла телефон и стала скроллить новостные паблики. Странно, но во многих писали, что в городе стали происходить смерти людей: инсульт, инфаркт, микроинсульт,

суициды, ожоги. Все погибшие — мужчины. «Хммм, Богиня, услышала женщин?» — пошутила я сама с собой.

В течение недели таких новостей стало всё больше. Расследования были начаты и их курировали уже Министерство внутренних дел, к которому присоединилось Министерство чрезвычайных дел и Министерство здравоохранения. Вот бы так подключались к каждому происшествию, где убивают женщин и детей! Президент страны уже два раза выступил на трёх главных медиа: «Колосющаяся пшеница», «Традиционный, семейный, ценностный» и «Жаңа Қазақстан». Умирили именно мужчины. Учёных, которых привлекли на 15-ой смерти, разводили руками. Все просто умирали в силу неопределённых обстоятельств, хотя их смерть была вызвана остановкой органов. По всей стране стали проходить акции за спасение мужчин под названием «И я — Берик!» — люди надевали на себя чёрные повязки и рисовали себе усы. Стали делать и жертвоприношения — люди резали чёрных баранов. Но ничего не останавливало непонятные смерти. Я и мои подруги, конечно, были шокированы, но и очень заинтригованы. Кто или что убивает мужчин?

Каждый день приходили сообщения и о землетрясениях в Жамбылской области. Хотя там не было спящих вулканов. Иногда очаг землетрясения располагался на

территории Китая или Кыргызстана, говорилось в сообщениях на сотовые телефоны.

Я решила пройти медицинский чек-ап, потому что жар не проходил. Каждую ночь я бредила при высокой температуре, которую можно было вынести только при использовании обезболивающих и сильных жаропонижающих. Мне советовали то одно, то другое, то третье. Майра уговаривала переехать к ней, родители переживали и хотели приехать ко мне в Алматы. Только ночью у меня было такое состояние. С наступлением утра странный, словно сияющий жар проходил и мне становилось так хорошо, что можно было подумать, что ничего со мной не происходит.

Когда умер сотый мужчина при неизвестных обстоятельствах, в Казахстане объявили военный режим. Была поднята армия, президент попросил помощи ОДКБ и выступал по телевидению уже каждый день. Все были просто шокированы происходящим и напуганы. Был запрещён выезд всем гражданам_кам страны на 3 месяца. Стали создавать комиссию из ведущих учёных, сейсмологов_инь, военных, строителей АЭС, физиков_кесс, инженеров_к, химиков_кесс. Поговаривали, что привлекли даже гадалок и магинь. Но смерти не останавливались. Каждый день и каждую ночь умирали именно мужчины. Новостные паблики не могли

писать все версии, кроме государственной, но всё же просачивалась информация, что это связано с АЭС, с радиацией, с мутациями, с землетрясениями. Поговаривали, что вероятно это новый вид облучения, который заражает живые существа и они переносят с собой какие-то смертельные волны. Птицы, собаки, кошки, насекомые, растения, «боевые» комары? Люди? Комиссии не находили ответа. Камеры видеонаблюдения, которые теперь повесили везде, ничего не фиксировали. Назревали народные волнения. Политики выступали каждый день в Парламенте, забыв ЛГБТ как тему для отвода глаз, забыв «Феминиту» как причину всех бед страны. Их наконец волновало реальное происходящее. Они стали работать в режиме 24/7. Всех волновало происходящее, но многие женщины наконец вздохнули с облегчением. Они не делали этого громко и ничего не писали в соцсетях, но были созданы небольшие группы самими женщинами, которые собирались и пытались тоже понять происходящее. Многие из них радовались, что погибли те или иные абьюзеры или насильники, но, конечно, женщины всё равно жалели отцов, дядь, дедушек. Некоторые группы выпустили брошюры о том, что природа наконец взяла своё и избавляется от мутации. В них они писали о том, что техногенные катастрофы привели к тому, что теперь умирают так называемые виновники, а именно те, кто всегда добывает ресурсы и уничтожает все живое ради наживы

— человек-мужчина. Я и мои подруги были полностью согласны с этими подпольными материалами. Кроме того, феминистки, активистки, правозащитницы нарисовали предполагаемое существо, которое избавляется от мужчин. На рисунках, где воплощалось воображаемое, была нарисована Женщина-Годзилла. Высокая, покрытая чешуёй. Сияющая. Культ её стал распространяться во всем Казахстане. Однако МВД, полиция, КНБ арестовывали за распространение подобных материалов — их определили как «экстремистские» и «угрожающие планете Земля и мужчинам». За любую информацию, которая бы нашла, что или кто убивает несчастных мужчин, было обещано 100 миллионов тенге (в память первых погибших — первой сотни героев, павших необъяснимой смертью; мужчина по имени Берик был первым). Через полгода правительство Казахстана привлекло и международных специалистов, но и они разводили руками и только подтвердили связь между АЭС, радиацией и тем, что «что-то» поражает почему-то именно мужские организмы. Из Казахстана стали уезжать мужчины, они пересекали границу незаконно и многие были задержаны. Тем, у кого были деньги, удавалось бежать в Россию, Кыргызстан, Китай, но и там их настигала смерть. Международное сообщество «ПостООН» вынесло решение о необходимости введения карантина для всего Казахстана, однако пока правительство медлило.

Умерло уже около 2 миллионов мужчин за 1 год (в день по 5479 смертей). В правительстве смерти вызвали срочную смену парламента и сената, на должности наконец стали брать женщин. Сначала брали соотношением 50 на 50, но вскоре все 100 процентов госслужащих были женщинами, так как мужчины просто умирали на рабочем месте. Если раньше во время лайва можно было увидеть их сонные лица, то однажды в эфире я увидела упавшего навзничь Талгата Каитова. Он слыл известным гомофобом, хотя о его личной жизни поговаривали разное. Президент страны всё ещё находился в своём кресле и вынес на 366 день после катастрофы, именуемой в государстве, как Великие Ожогги Человечества (эпидемия ВОЧ), финальное решение — использовать ядерную бомбу. Её планировали взорвать на месте аварийной АЭС в Жамбылской области. Таким образом хотели уничтожить непогасший очаг заражения. Это решение снова вызвало народное волнение, люди и так находились в панике и не понимали, почему решение принимается односторонне, да ещё и вымирающим видом человечества. Разве они умирая, могут принять решение за живых?

Майра и мои подруги записались в ряды волонтерок, спасательниц животных и птиц. Как ни странно, все они были живы, просто многие дикие птицы и животные

мигрировали из Жамбылской области в близлежащие. Мутаций в флоре и фауне не обнаружили.

— Сегодня ты ночуешь у меня! — скомандовала Майра. У меня не было сил сопротивляться и мне нужно было, чтобы кто-то ухаживал за мной. Я согласилась.

— Ты знаешь, что всё-таки президент решил использовать другое оружие и взорвать место и всё, что осталось от АЭС.

— Ничего себе!

— Народ против, но кто же нас слушает? — Майра убирала кошачьи лотки. — Когда мы были против АЭС, провели референдум, где якобы казахстанцы_ки выбрали строительство! Мы не выбирали себе ничего, что связано с атомной энергетикой!

— Да, конечно! Я голосовала против! Кстати, сегодня наконец я сделала флюорографию. Неужели мои лёгкие поражены? Зачем мне врачиня прописала это делать, не понимаю!

— Тебе важно слушать эксперток. Или будешь заниматься самолечением?

Я вздохнула в ответ.

Мы поужинали, Майра пригласила Диану, Гулзаду, Акторгын, Анастасию, Мерей, Аружан, Шынар — наших ближайших подруг, феминисток. Мы долго промывали косточки всем нашим подругам, которые не были

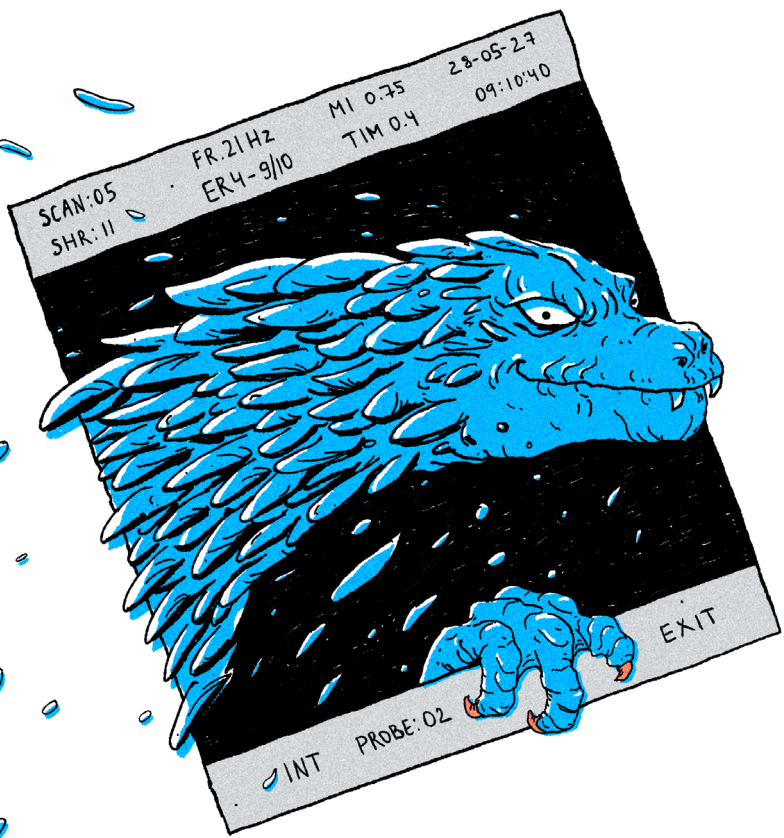
с нами в этот день. Мы называли это вечером есеков. Мы поужинали веганскими мантами, которые Майра сделала специально для тех, кто не ест мясо, мы все согласились есть эту же еду. Мы беседовали до 4 утра, потом все остались ночевать у Майры, она боялась за нас и тревожилась, как всегда. Многие просто легли на полу. Раздался храп.

Утром мы все прочли из независимых новостных пабликов о том, что президент отказался от решения уничтожить место и останки аварийной АЭС — ему сильно нездоровилось. Врачи ничего конкретно не сообщали, но многие понимали, что «это» дошло и до главы государства. Покончил с собой известный артист Бинаш. Говорят, он сделал это после официальной информации о состоянии президента. Жаль, что об этой тайной любви никто не знал.

Мы встали завтракать и обсуждали происходящее. Я совсем забыла о снимке, который остался у меня в блокноте в заплечной сумке. Вспомнила, когда взяла блокнот, чтобы что-то записать. Он упал изображением вниз. Гулзада подобрала его. Она посмотрела на меня, и я засмеялась. Уж очень смешным было её обычное беспристрастное выражение лица, которое словно на секунду озарилось то ли радостью, то ли догадкой. Я подумала,

что она боялась, что я увижу плохой результат на снимке. Но мне было всё равно.

Когда мы завтракали, она, улыбаясь, произнесла:
— Монстрка, которую заслужили, не страшна!

SCAN: 05
SHR: 11

FR: 21 Hz
ER4-9/10

MI 0.75
TIM 0.4

28-05-27
09:10:40

INT

PROBE: 02

EXIT

Anora Kartay

ANORA
ANORA
ANORA

THE MASK I AM

Chapter 1: The Tin Soldier

I like work. Really, I do! The people at work are, for the most part, quite delightful! I enjoy having things to dedicate myself to, as well! Work, activism, friendships—that kinda stuff just gives my life meaning, I think. It's not always easy, and it's not always fun, but that's what makes it rewarding when it is. When things go right, for once!

The other day, I was at work and had a chance to get closer to a coworker, Arman. To be honest, I really just assumed he wasn't very comfortable around me. I might be the first trans woman he'd ever seen, and even if I do pass well enough, I am not one to hide who I am. Still, I figured we'd build bridges when he's open to that. But that day, he'd actually spoken to me first.

"Hey!" he called out, as if it wasn't his first time calling out to me, probably ever, "Have you seen a little toy tin soldier around?" Good first step. I respect that.

“No, sorry!” I replied and walked a couple of steps down the office to put down my bag, and promptly returned. “What’s it look like?”

“Uhm, I—I don’t know. He’s... Small. Tin. A soldier?”

“Fair enough. Where’d you last see it?” I asked and knelt down, my eyes drawn to a pile of wires sticking out of a surge protector as a common hiding spot of many missing things.

“On my desk. I swear it was there yesterday!”

“They blast AC in the mornings to make the space nicer in the summer. Do you think it might’ve fallen down?” Not in the wires. I bit my lip and kept searching.

“Maybe. I don’t know. I checked the wires already.”

“Did you check your drawers?”

“He’s not in my drawers!” Arman argued, but went to check the drawers all the same. “I gotta find it.”

He searched restlessly. He was silent. Focused. It made me curious about what it meant to him—like it obviously usually would. And, it struck me that he kept calling the

toy a “He”. Made me feel like I wasn’t giving his kindness the due credit. In any case, after checking the drawers and scouring the floor, we were completely stumped. We needed to get back to work, so he asked me to let him know if I found it, and we ended it there. The soldier eventually turned up when another colleague brought it to me, like some sort of discovery. I don’t know if it was to poke fun at Arman, or just to have a prop for idle gossip, but after telling him to keep conversations with me to work-related subjects—which is to say, to fuck off—I took the soldier and returned it to Arman.

His eyes widened when I handed him the soldier, a little smile creeping onto his face like he couldn’t believe it was back. We had lunch together that day, and had a little conversation. I got the soldier back, and I wanted to hear his story and all that. Arman told me it was a gift. From a nephew. When Arman turned 18, everyone told him he was now a real man. So his nephew apparently wanted to commemorate the occasion by giving him the “realest man” the kid had in his toybox—an old toy tin soldier. Apparently, these days, Arman still keeps the event in mind. When he thinks about what a real man should do, he remembers his 18th birthday. Remembers the family he had around him that day. He thinks about what the men in his family would do, and about what his nephew would expect him to do.

The funny thing is, that wasn't the only story I heard that day. The guy who nicked it? I confronted him about it, and... He just said the toy was weird. It annoyed him, standing there on the table. He called Arman a kid for having it. One has to wonder how many feelings were left unsaid in that conversation. What could annoy a man so much about another man who is confident enough to have a toy on his desk?

Chapter 2: The Music Box

I don't think the first story helped. Okay. Let's try again.

I love trying to stay active in a community. A few years ago, I was socially isolated and had no idea how to meet new people. Just to think that I made it all the way here, to being the center of several small Tabletop Roleplaying Game (or TTRPG) and queer discussion groups. A real pillar of my local community. I had to step out of my comfort zone to get here, and I'm rather glad I did.

The other day, I was hosting a little support group for trans folks. A girl who comes there a lot, Sara, brought with her something interesting. When Sara first started coming, it took her a minute to get used to everyone. So much like myself, honestly! And, I tried to make her as comfortable

as I could! I'm not about to sit here and pretend like I did it all perfectly, was never pressuring or overbearing; but when things got off the ground, and she opened up, that was glorious.

"It's a music box." Her voice was quiet. Not sure if she was just shy, but I did move a seat closer just to hear her better.

"Can I touch it?" I asked, already reaching out my grubby fingers to something quite possibly quite precious. It was a small metal music box with a little Ballerina that jumps right out when you open it. The thing's a little rickety and worn to bits. Makes me feel certain she loves it!

"Yeah! Go ahead!" Sara barely even finished saying that by the time I opened it, and the box started ringing its little tune. *Les Champs-Élysées*. An absolute banger of a song if you ask me, though Sara herself was a little apathetic to it.

"This is the coolest thing I've ever seen."

"My grandma gave it to me. She wanted to—erm—give it to her daughter, but she only had two sons... and then five grandsons". Sara muttered. Her voice was still quiet, but she clearly smiled. She wasn't really looking at anything in particular, just smiling and talking. "When I came out,

it didn't go great. For years, it wasn't great. But last week, she gave it to me."

Sara had to take a break afterwards. Her story became a little more emotional, a little less direct after that. She told us about how the coming out had been almost forced out of her. How she'd been locked up in her apartment for half a year following that. How she'd taken 4 years to recover from that, how she got better, and how she started transitioning anyway. How her family eventually couldn't pretend this wasn't happening. And how on one New Year's Eve, she chose to go visit her grandparents, alone, just for a chance at having a relationship with them.

It worked. They had a few conversations that lasted till 3 am. Her grandmother told her that she'll try. That she still needs time, but she'll try. And last week, she sent her the box.

It still wasn't perfect. Her grandmother still won't gender her correctly nearly all the time. And she refuses to use Sara's chosen name. She's critical of a lot of Sara's choices in clothes, makeup, lifestyle, and more. But it seems like the more progress Sara makes, the more inclined she is to make an effort to accept this. When Sara talked about that, her smile slowly faded. She grew quiet, and only then

did I realized that the music box had stopped playing for a good minute now.

It needs to be wound up. And the wind-up key's missing. Sara explained something about a complicated mechanism she twists out of a paperclip to wind it up, and all I could think was, why even go through the trouble? You don't even like the song.

That was you. Remember? You thought that. And you made your conclusions, and you made a decision. About me.

Chapter 3: A Soap Bar in a Snickers Wrapper

I can't get you to move. I can't pick you up, or take you by the hand, or even offer you a cup of hot cocoa I know is on the shelf in the kitchen. All I can do is speak.

I like friends. Friendships and close relationships with people in general are one of the main things that give life meaning. That gives our actions meaning. A person can't be good, can't be kind without someone to be kind to. Plus, friends are the people we're honest and open with. People we're vulnerable with.

I remember the story that had one of the biggest impacts on you. It was when Sasha came by. She showed up dressed in one of the most aggressive getups you've ever seen. **And** she cut her hair short! She didn't seem confident, so I wanted to support my friend.

"What do you think?" she asked, turning round slowly. The heavy-looking doc martens, the short hair, the black punky jacket, lots of studs all over.

"You look fantastic!" I replied. It definitely wasn't a lie. She looked, to put it mildly, drop-dead gorgeous. But also, that was so far from what I always expected of her. "What brought along the style change?"

"Yeah, I just figured this might be good for Amirovki. I am actually so tired of being single".

"I do get that. Girls would be all over for you at the club. I didn't realize you needed any help getting attention though".

"Yeah. You'd think so, right? I look great in freaking everything! But, do you know Asiya? Dan's roommate? She told me her gaydar didn't pick me up at all."

"What do you mean?"

“Just, I didn’t register as a lesbian to her, I guess. She also said she was surprised when she got to know me. Said I’m not like what she expected.”

“So... What, you cut your hair this short just to prove the haters wrong?”

“Pfft. Yeah. Totally. That’s what I’m all about. Caring about what other people think and wearing that on my head,” she ironized, pointing at the hair.

“No, really! How’d that get to you? You’ve never really cared about what others thought. So why now? Why change up so much?”

“It’s not that much! I’m just wearing a little queer on my face!”

“Spit it out.”

“Fine. Look, it’s just not the first time. You know? I approach girls, and most of the time they don’t realize I am gay. And, when I ended up dating one of them, it didn’t really... work out that well. I mean, I guess I get that. They see a girl that looks femme, in a straight way, and... maybe they expect I’m just experimenting? Or that I’m a pillow princess? They

seem to think that if I look like a lipstick lesbian, I act like one too. And I don't!"

"Right. Gotcha. You sure about this anyway? I thought you liked your hair longer!"

"It's kinda hot in the summer, under all that. Plus, you know. It's never bad to experiment. And I'd like people to get me! That's a thing for you, isn't it? Being understood? If you could dress in a way that helps you do that, wouldn't you?"

"Well, I'm trans, so... Yeah. I mean, I'd dress, talk, walk, speak, and even take hormones to do that. I'm just a little worried that—"

"Look, it's all fine. I can go back if I don't like it. I'm just a little tired of having the wrong branding on me."

"Branding!?"

"I mean, like... Okay, so I present femme. Right? Apparently in a straight way. But I'm not. I, y'know. I like dude stuff so much. I love football, I like fixing stuff around the house, I am obnoxious about the Godfather—"

"That's not 'du—'"

“Not ‘dude stuff’, I know, but you get what I mean. People come to me to find a girly girl, and I’m not. I weld for fun, for fuck’s sake! So I just feel like I’m doing false advertising. Like I’m a bar of soap in a Snickers wrapper. And, my absolutely incomprehensible target audience is approximately 7 people in the world. They are out shopping for a Snickers, get home with me, and are like ‘Oh yeah! Soap! Score! I needed that!’ I mean, come on. At some point, presentation starts mattering in this kinda stuff.”

I didn’t have anything to respond with. It was true. It sucked. The feeling did! Though the momentary self-objectification probably wasn’t very healthy either. She’d already cut her hair either way. How much can I do at this point? The eggs have been cracked, the best I can do is reassure her that the omelet will turn out great.

But, you saw yourself there, didn’t you? How much effort have you put into presenting femme? How much have you learned without considering whether that’s really you? And don’t get me wrong, it worked out great! You look fantastic, you haven’t been misgendered in ages, but not all of the changes were your preference. Were they?

The reason this story was so important to you was that it wasn’t about Sasha at all.

Chapter 4: The Glowing Ember

I'm not sure you're listening. You're hearing—that much I know! But listening...

I always thought you were good. Skilled and talented at the many things you dedicate yourself to, yes. But also, kind, helpful, proactive. That came with its own caveats. It's hard to be good and kind without someone to be good and kind to. I said the same thing a little while ago. But you remember what I mean now, don't you?

Do you remember the first time you started hearing it? You were a child. Started reading so very early. And really remembering what you read, too! Do you remember that time you were at the resort, at one of those little competitions the entertainers did for the tourists? They made the fatal mistake of letting kids read poems for prizes. You didn't stop your recitation of Hamlet until they gave you a third prize toy, just to kick you out! Many found you a little annoying, in a cute way. Others, though—they said you were *good*. That felt nice, didn't it?

And so, that's the glowing ember you carried in your soul when you started school. You had to be good. You worked hard at it! Not everyone saw it, and not always. Plus, it was easier to look good when people didn't realize how

much you tried. But you tried. You really, really did. How did that work out? Do you remember? I can remind you. You worked until the flame that fueled you slowly started sputtering out. You graduated, top of your class, and you were running on fumes by the time you got into higher education. You were good! Though by now, it seems people simply expected it of you. You weren't told you did well as much anymore. You can remember how that felt to this day, can't you?

Those years had another trick to play on you, though. When the kids around you started maturing, so did you. But while everyone else had issues you'd seen on TV, yours weren't quite so common. Of course, back then, the only way you'd see people like you on TV was as a punchline. A joke. It didn't feel like a real thing. And once it started feeling like a real thing, that really happens—it felt like it could happen only to other people. You were so ashamed of it, so scared of it, that even the word itself felt hard to say. It couldn't be you, you were your parents' perfect child. You were supposed to be good. It was quite scary to admit that you were trans, wasn't it?

You got into a university overseas. Top school for your field, globally! And you did great. When you did anything, that is. Your flame went out, and you had nothing to keep you going. You knew who you were, by now. "Queer" is such

a simple word. And if all you needed was a partner of a specific sex, that would be one thing. But you needed to change yourself. Because with every day, your body was straying so far from what you wanted—needed—it to be. But there was no one you were ready to speak to, no one you could allow yourself to consult. You were overseas. Alone. You stopped showing up to class to deal with whatever you were going through—and then refused to actually deal with it, for a very long time. It took you losing your scholarship for you to accept what you were. And once you finally got over that hump—you remember how you felt, don't you?

You felt **good**.

You found me afterwards. You had trouble doing what was necessary. You had trouble being kind to yourself. You needed someone to be good and kind to, you couldn't do that by yourself. So, you made up a good little mask. You put it on. And so, you became the very first person I had a chance to be kind to. I'd buy you snacks you would forget about, and discover in the fridge like a little surprise. I'd help you find good times to rest. Help you with eating better, and exercising. Help you finish your studies and help you work. Until, eventually, you felt good enough for us to start taking care of others. You won't forget how that went, will you?

I know I never will. For the first time, we felt good not because of how good we were at reading or mathematics, not because of how good we performed our duties. But because we helped someone who could use it! You made me a good person. You made yourself **good**.

Chapter 5: The Mask I Am

I like my purpose. Really, I do! I love my work. I love my community. I love my friends. Love helping others, and caring for you. And I'm so great at managing all that, while looking good and seeming chipper in the process! All because you made me that way.

You left me in a pile of your work clothes. I can see you, wearing something comfy and a little frumpy, half-lying on a couch and binging your 17th episode of House MD in the dark. I worry that you are depressed. That you need help. And I wish I could just spend time helping you figure things out. But the things that truly worry you, you've never trusted me with. The things that paralyze you are the things you left to yourself.

Hey! You know I'm here, right? You made me so I can help. So I can love my purpose! So I can love the people around me. But the person that needs it the most right now is you.

And you won't respond. You either pretend you can't hear me, or just refuse to listen. I know you need help, I know you need love! But you won't let me give that to you. Why is it, that it's so much easier for you to offer that love to someone else than to accept it for yourself?

"You don't need to worry."

You speak, and I listen. I know you're smiling, even though I couldn't possibly see your face.

"I'm just taking a breath. Composing myself. So I can go at it again, tomorrow, with the same energy!"

You feel the warmth in your heart. I know you do. The flames that once all but burnt out are keeping you warm again. And you know exactly how to keep that fire now. How to stoke it. How, and when, to let the coals rest.

"I know why I needed you. I needed you because it was easier to be kind to myself when I imagined myself as someone else. I needed you because hiding behind you was easier than growing as a person. I needed you because you were easier for my family to accept. And I needed you to reduce me to something that is easier to understand."

“I know why I needed you. But the truth is that I have learned to be kind to myself. I grew into someone amazing. And, I want people to start seeing, accepting, understanding the real me—no matter how weird or infinitely complex I am.”

I love my purpose. Really, I do! But we both know what comes next. You’ll burn the effigy that received the love always meant for you. And you’ll bravely accept it yourself. You won’t need the mask anymore.

“I don’t think I’ll need you tomorrow,” you say with a faint, kind smile.

You speak, and I listen. And I couldn’t be happier.

The Mask I Am: Afterword

This is a story I have written as a conflux of some emotional events, problems and concerns I’ve encountered in my life. I’ve decided to write it in English because, in my experience, there’s a certain link between queerness—and especially transness—and a fondness for international, anonymous spaces provided by the internet. The anonymity of

the web allows us to be whoever we wish to be. You can try being yourself long before you ever accept yourself as being trans. As a result, there are many spaces online where, with the right mask, a trans person can feel comfortable.

The English part of the web tends to have roots in developed countries that have had more time and wealth to work on their civil rights and public acceptance of queer-ness. The end result is that those English-speaking places tend to be more progressive than others—especially the famously intolerant Russia. This extends to the culture of the language, and therefore, to the politically “neutral” online spaces that use that language. For cis-hetero people, like my friends, it can also be more accommodating for niche interests and hobbies. This led me and my friends deeper into English-speaking online communities. Eventually, we started making friends there; and once I had a chance to study in the US I took it to make more friends. Soon enough, I found myself in a situation where all of my friends spoke English, but not everyone spoke Russian.

I was among friends, or safely anonymous. I was accepted for who I was—who I wanted to be—long before my family would be ready to offer me acceptance. I was comfortably myself in English for years before I could do the same in Russian. And so, it became my preferred language.

When writing this story, and developing a vision, I have made some notes that I will share with anyone curious enough. First, I wanted to create a sense of progression, of things slowly developing from grounded, simple narrative storytelling into a finale that is pure emotion, devoid of physical specificity.

As narrative wanes, I use more dialogue. The first story used dialogue only for characterization. The second, to suggest greater emotional depth that is obscured by virtue of perspective. The third was almost entirely dialogue. This is so that in the fourth story, the lack of a dialogue, the lack of a response feels more jarring. When the dialogue—or rather, a monologue—returns in the epilogue it is meant to return a reader to a zone of comfort.

At the same time, I decrease the physicality of each story. With every story, we hear less and less about the space, understand it worse and worse, and we isolate the emotional state away from everything physical. All the noise melts away until just the feeling remains. The feeling that subsumes the returning physicality in the finale, giving it emotional weight.

Each chapter has a titular symbol. The use of it, though, changed with every story. Abstract and uncertain in the first story, it becomes more defined and powerful in the

second one. It's a metaphor in story three, and the primary object, the emotion explored in chapter four. Like before, I draw away from the physical and into the emotional, until in the finale it becomes the point of view of the character—the subject of the story. The emotional truth of it.

As a side note, I wanted to use second-person narration in a story. So, part of the story's structure is meant to disorient, just slightly, via the perceived switch in perspective that is revealed to be a maintenance of perspective. Like a movie in 3D, I give you two images that I hope to merge clearly into one with more depth.

The simplest, but most important choice I made, though, was never giving a name to the protagonist, in order to reinforce the feeling of facelessness. When the protagonist is revealed to be a metaphorical mask in the fourth story, we just barely begin learning about her, and one's mental image of her just now gains integrity.

I hope you've enjoyed reading it, dear reader, and thank you.

Қазы

КА

БА

КА

БА

КВИР БАБЛ: ОШТОГУ ДРЭГ ШОУ

Баары офистин кол жуучу жериндеги чоң күзгүсү бар бөлмөдө топтолуп ызы-чуу болуп жатышты. Мен алардын: «Помаданы берип тур, тоналка кана?» — деп шашылып биринен бири талашып атканын угуп, жакын басып бардым. Алардын даяр болуп калганын байкап, көргүм келип, кимибиз Оштун дрэг королевасы болуп баратат экенбиз деп, кызыгып көргүм келди. Кол жуучу бөлмөнүн эшигин ачып карасам, чоң күзгүнүн астында үчөө даяр болуп, формаларын кийип, бири биринен талашып көз, каш, ооздорун бойоп жатышыптыр. Мен аларды көрүп: «Вааааау, оу, вааа-уууу» — деп реакция кылып, суктанып туруп калдым. Анткени мен аларды буга чейин мындай бойонуп, сулуу, квидрүү болгонун көргөн эмесмин. Баарыбыз күнүмдүк жашоодо болушунча гетеро маскаларыбызды кийип жүрөбүз.

Мен да жөн калбай, секунд хендтен алып келген кыпкызыл, желкеси ачык көйнөктү кийип алгам. Ашыкча жасалгасы жок, түптүз, көкүрөгүмдөн белиме чейин чыпталып, анан жайылып узун болуп бутума чейин жетчү көйнөк. Роза гүлдүн түсүндөй кызыл көйнөгүм ак жүздүү денеме жарашып, чырайлуу келген кыздай болуп калсам керек. Анан күзгүнүн астында шашып-бушуп бойонуп жаткан дрэг коллегаларым мени көрүп «Ваау» — деп баары чогу реакция кылышты. Алардын көзүнө арык чырай, узун келген кызыл көйнөктөгү твинк көрүнүп кетсем керек.

Офис болсо ижарага алынчу өзүнүн короосу менен жер үй, ичи кадимки үй. Жерде килемдер салынган, ичкериге бутту чечип киресин, жада калса жерге салып отурчу төшөктөрүбүз, дивандарыбыз бар. Чарчап, жаның жер тартса, төшөк салып же диванга жата калып, телевизор көрсө да болот.

Рустам — кебетеси орус сыяктуу, бою узун келген, ак жүздүү бала. Мен аны биринчи 2021-жылы көргөндө, орус эле болсо керек деп ойлогом. Ал кезде ал өзүнүн бир топ мектептеги дос курбулары менен жүргөн альтернативдүү бала болчу. Чачтары узун, эки жакка бөлүнүп, бир жума кызыл түстө, бир жума жашыл, кийинки жума болсо сары түскө бойоп, бат-бат өзгөртүп

жүрчү. Мойнунда болсо чоң-чоң темир сепочкалары, анан дайыма оверсайз кийимде жүрчү.

Бирок ушунча жыл тааныш болсок дагы, бири бири-бизди образда, дрэг маскада көрө элекпиз да. Үстүндө кара түстөгү пиджак, ичинде эч нерсеси жок, костюмдан көкүрөгү көрүнүп, жылаңач турат. Кулагындагы узун сөйкөлөрү, кызыл помадасы, көзүнүн астындагы кап-кара сызыктары, анан усундан келген мойну «Семейка Аддамстагы» Мортиша Аддамсты эстетип турду. Аны көрүп, өзүмдү жоготуп, анын ийкемдүү, сулуу образына суктанып, оозум ачылып турду.

Алибек — өзү бир аз сөөк саактуу болгон бала, дыңкы жеңенин образын даярадаган. Узун көйнөктөрү, байпактан жасалган чоң көкүрөктөрү айылдагы той-топурларды ээлеп бийлеген жеңелердин элесин брет. Башына салган жоолугу, жасалма чачтары баары бири бирине айкалышып турду. Кызыл чоң илептери жөн эле кызыл роза гүлүндөй назиктикти берип, өзгөчө уникалдуу образ менен даярданып жатты. Келген келбети, жасаган макияж, кийген кийими баары Мерген Тургандын «Дыңкы жеңе» образын берип турду.

Күнүмдүк жашоодо, Алибектен өткөн гетеро бала жок. Өзү мугалим, окуучулары көчөдөн көрүп калбасын деп,

өзүн болушунча гетеро алып жүрөт. Негизи көп квир адамдар эки башка жашоо алып барууга аргасыз, мен да ошол катарда.

Султана — транс кыз, аны менен биз Москвада окуп жүргөнүмдө таанышканбыз. Ал жакта кошо жашап, тусить этип жүрүп, жакын курбулардан болуп калганбыз. Ал деле башкалардан калбай бойонуп, кийимдерден таап кийип, дрэг артисти болуп даярданып чыккан. Чачтарын бийик төбөсүнө байлап, беттерине болгондун баарын чаптап, кыска юбка, үстүнө кызыл ак сызыгы менен көйнөк кийип алган.

Анан мен, иттей арык келген, фигурамды белгилеп турган кызыл узун көйнөгүм, башымдагы афро аялдар орогондой жоолук менен. Мени баары «Битва экстрасенсовдун» 22 сезонундагы Марианна-Нафисату Гали Атиего окшоштурушту.

Мен дагы башка дрэг персонаждардай эле эки жашоого ээмин. Досторум менен жүргөндө өзгөчө назиктигимди чачыратып жүрөм, үйгө барганда жакындарымдын астында гетеро маскамды кийе калам. Бирок дайыма эле окшошо бербейт, барибир ичимде башка адам жашап жатканы чыгып калат. Көчөдө жүргөндө өзүмдү чектеп, оор басырык алып жургөнгө аракет кылам, анкетни башкалардын көздөрүнөн, назарынан

тынчсызданам, өзүмө көп адамдын көңүлүн бурбасам экен дейм.

Анан бир аз кечигип дрэг отурушка Лөлү махалядан балдар келишти. Дароо дарбазадан кирип эле биз каерде кийимибизди алмаштыралы деп, шашып-бушуп, кол жуучу бөлмөгө барып, узун жади кийимдерин кийип, лезби досторубузду бизди жасантып койгулачы деп суранышты. Аларды кызыл-кара түстөр менен өздөрү жаккандай кылып жасантып жатышты. Лөлү балдар кийимдерин кийип болушканда, кайрадан эле аларады карап: «Вааау, Жаадисиңер го!» — дедик.

«Жади» — бул «Клон» сериалындагы персонаж. Кичинекей кезибизде көргөн сериал, кашы көзү кара, чачтары тармал, кийимдери шалбыраган, жакынкы чыгыш адамдарын чагылдырган персонаж.

Бул кур жашоо — баарыбызды кыйнаган жашоо. Өзүбүз ичибизден кандай болсок, ошондойунчу сыртка чыгарбаган, эркиндик бербеген жашоо. Бул консервативдүү кичинекей шаарда өзүбүзгө эркиндик издеткен жашоо.

Беш же алты жашта болсом керек, чачыкты башыма илип алып, аны узун чач деп элестетип, апамдын жука жолуктарын оронуп, көйнөк элестетип ойногон жагат эле. Болгону эки бөлмөлүү жер үйдө турчубуз. Бири

чоңураак, бири кичинерээк, чоң бөлмөдө кичине гана айнеги болгону үчүн ичине жарыктык жакшы түшчү эмес. Көчөгө чыгып ойногондун оордуна, ошол караңгы бөлмөдө кызга айланып, жоолук, чачыктар мене жасанып ойногон мага көбүрөөк эргүү берчи. Мектепке барып баштаган кезден үйдөгүлөр «Көчөдөгү балдардай бол» — деп мени урушуп башташкан. Ошондон бери кыз болуп жасанып ойногонум калды. Ошондон бери чоңойуп, канча жылдар өтүп, 25 жашка кирип, ушул күнү кайрадан ичимдеги секелек кызды ойготуп, өзүмө бактылуулук берчү күн болду.

Офис жер үй болгону үчүн ар түрдүү, кичи, чоң бөлмөлөрү бар. Алардын эң чоңуна эң көбү 20 адам сыйымдуу. Ошол жерде стол үстөл койуп кадимки жыйындарды, тренингтерди өткөрөбүз. Анан кээде ушундай отуруштар дагы болуп турат.

Бөлмөнүн эки узун тарабына жерге төшөктөрдү салып, төргө болсо стол койуп үстүн шириндик, ичимдиктер менен кооздоп алганбыз. Эки жакта адамдар айылда отуруштарда отургандай отурушат. Ортодо болсо биздин сахна.

Баарыбыз үчүн бул биринчи масштабдуу Оштогу дрэг шоу. Биз болгону 17-20 эле адамбыз, ошентсе дагы биз үчүн жаңы башталыш, жапжаңы сезимдер. Мындайды

биз чет жакка чыкканда, клубтардан же Руполдун шоу-лорунан гана көрүп келебиз.

Конокторду саат кечки бга чакырган менен, баары топтолуп, дрэг артисткаларыбыз жасанып чыкканча саат 8 болду. Анан алып баруучубуз, байкебиз (өзү кыз, аны тамашалап байке деп койобуз) микрофонду алып чакыруу, куттуктоо сөздөрү менен баштап берди. Музыканы болсо тандап, кичинекей колонкадан, Алишер деген гей бала койуп жатты, өзү креативге жакын, тамашакөй бала.

Алып баруучу болсо: «Биздин Оштун перилерин тосуп алыңыздар!» — деп караңгы бөлмөдөгү герляндилар жалтыраган залда, Леди Гаганын «Born This Way» ырын койуп алып, баарыбыз бирден чыгып, подиумда басып жаттык.

Өзүнчө комната ичинде майрамдык маанай, жарык-жултур, шаңдуу музыка, жерде отурган коноктор кол чаап, шаңдуу маанай коштоду. Эң биринчи Маргана деген ат менен Рустам, андан соң Дыңкы жеңе деген наамы мене той бийине Алибек, анан Султана анан мен, андан соң лөлү махалядан келген үч бала Жади болуп кийинип чыгып, ичтерин калчылдатып чыгыш бийин бийлеп салышты.

Биздин жасангандарыбызды, бийлеген кыймылдарыбызды көргөн көрүүчүлөр бир чети кол чаап, сүйүнүп, бир чети биздин мындай башка тараптан ачылган каармандарыбызга таң калып, суктанып отурушту. Коноктордун баары биздин жакын курбу достор, кошо иштеген же жакындан билген адамдар. Баарыбыз бири бирибизге ишенебиз, колдойбуз, эң негизгиси кандай болсок, ошондойунча кабыл алабыз. Баарыбыз бир кайыктабыз.

Ошто негизи түнкү клубтар саналуу гана, болсо дагы жарылып бийлеп эс алчу жерлер жок. Кайсыл жерге барба гетеро маскаңды кийип, өзүңдү тыйып олтурушка мажбурсуң. Бишкектеги гей клубка болсо бир жылда бир жолу барсак барабыз, болбосо жок.

Анан Эл аралык транс адамдардын күнү, 31-март жакындап жаткан. Демилгелүү тобубузда эмне кылсак экен, өзүбүздүкүлөрдү (транс квир коомундагы адамдарды) топтоп чай-пай ичип сүйлөшүп отурсакбы деп да ойлодук. Анан буга чейин болуп көрбөгөн, баарыбызга жаңы, өзгөчө формат менен дрэг шоу кылабы деп чечтик.

Офисте бир-эки жасалма париктерибиз бар болчу, инстаграмга күлкүлүү видео тарталы деп колдонгон.

Ал чачтарды кийип көрбөгөн адам болбоду окшойт. Ал париктерди кийгенибиз сайын өзүбүздү артист, дрэг жылдыз сезип, акырын дрэг шоу уюштурсак көңүлүбүз тынч болуп олтуруп калсак керек деп ойлогон болчук. Ошол жактан келсе керек бул идея.

Бул жерде баарыбыз бири бирибизди тааныйбыз, ишенебиз, колдойбуз, ачык боло алабыз.

Шаарыбызда саналуу гана транс адамдар бар, ошентсе дагы алардын көрүнүктүүлүгү, алардын бар экенин, биз менен экенин эске алып, бири бирибизди колдоп, бул күндүн кандай мааниге ээ экенин эске алуу биз үчүн чоң жетишкендик.

Отуруш жарымына келгенде: «Койгула тыным алалы» — деп баарыбыз образдарыбыз менен сигарет чеге турган офистин бурчуна чыгып, тамеки түтөтүп калдык. Бака-шака болуп сүйлөшүп, туруп калдык. Өзүмдү чоң гей шаарчада, паб астында ар түрдүү адамдар менен таанышып, жума күнү кечинде эс алып жаткандай элестетип кеттим.

Өзүмдү абдан эркин, ар түрдүү адамдардын арасында бактылуу, анан эң негизгиси ушул отуруштун ишке ашышына менин дагы тийешем бар экенинен өзүмдү баактулуу сезип, өзүмө ыраазы болуп турдум.

Дайыма мага жетпеген, мен эңсеген нерсени өзүмө гана эмес башкалар менен дагы бөлүшүп турганыма өзүмө суктанып кеттим.

Ооба бул консервативдүү, исламкөй коомчулугундагы кичинекей 5 комнаталуу жер үйдүн ичиндеги бабл. Бирок ошентсе да, бул баблдын бар экенине шүгүр. Керек болсо баблдан чыкпай деле койо берем, азырынча баблда болгон мага ыңгайлуу: өзүмдү эркин жана коопсуз сезем.

КВИР БАБЛ: ДРЭГ ШОУ В ОШЕ

Все собрались в умывальной комнате офиса, где большие зеркала, и шумели. Подошёл поближе. Услышав, как они в спешке разговаривали фразами: «Дай помаду! Где тоналка?», мне стало интересно увидеть, кто уже готов, и кто же из нас станет дрэг-королевой Оша. Открывая дверь в умывальную комнату, я увидел, как трое из них, уже в костюмах, стоят перед большим зеркалом и красят друг другу глаза, брови и губы. Увидев их, я воскликнул: «Вааааау, оу, вааауу!» — и замер в восхищении. Я никогда ранее не видел их такими — накрашенными, красивыми, квірными. Обычно мы все максимально носим гетеро-маски в повседневной жизни.

Я тоже не остался в стороне, надел ярко-красное платье с открытыми плечами, которое купил в секонд-хенде. Платье было без лишних украшений, прямого кроя:

плотно облегало меня от груди до талии, а потом свободно спадало вниз, доходя до самых ног. Его красный цвет, как у розы, красиво смотрелся на моей светлой коже, наверное, я выглядел как красивая девушка. И вот, когда я появился у двери, мои дрэг-коллеги, торопливо наводящие макияж, все разом воскликнули: «Вау!» Наверное, в их глазах я выглядел как стройный, изящный твинк в длинном красном платье.

Офис у нас съемный, частный дом со своим двориком, как обычный глинобитный дом. Внутри всё по-домашнему, на полу ковры, нужно обувь снять, даже тошоки есть, которые можно на пол постелить и сидеть, и диван. Когда хочется лечь, можно положить тошоки на пол или разваливаться на диване и телевизор заодно поставить.

Рустам — высокий, светлокожий, похож на русского парня. Когда я впервые увидел его в 2021 году, я точно так же думал, что он русский. Тогда он был из тех альт подростков, всегда в компании своих школьных друзей и подруг тусили. Волосы длинные, разделённые по центру, и каждый раз другого цвета, то ярко-красные, то на следующей неделе зелёные, а потом вдруг жёлтые. Менял цвет чуть ли не каждую неделю. А на шее тяжёлые железные цепи, а одевался всегда в оверсайз.

Несмотря на то, что мы были знакомы столько лет, мы ни разу не видели друг друга в образе — в дрэг-маске. На нём был чёрный костюм, под которым — ничего, грудь проступала сквозь пиджак, почти обнажённая. Длинные серьги в ушах, алые губы, под глазами — жирные чёрные линии. А шея, вытянутая и аристократичная, напоминала Мортишу Аддамс из «Семейки Аддамс». Когда я его увидел, просто застыл — потерялся в его гибком, чарующем образе. Стоял с открытым ртом, не в силах оторвать взгляд.

Алибек сам по себе сөөк-сактуу (имеющий большие кости, если прямо перевести с кыргызского, что означает здоровый, огромный) парень, готовил образ «Дыңкы жеңе». Длинные платья, огромная грудь, сделанная из носков, всё это напоминало весёлых жеңешек, которые любят зажигать на айылских свадьбах. Платок на голове, искусственные волосы — всё идеально сочеталось. А его ярко-красные губы напоминали лепестки розы — такие же нежные и мягкие. Весь его образ, макияж, платья напоминали образ «Дыңкы жеңе» Мергена Тургана.

А в обычной жизни нет более гетеро парня, чем Алибек. Работает учителем, пытается максимально выглядеть гетеро на улице, лишь бы ученики не видели, и не заметили какой он на самом деле. На самом то деле, большинство квир-людей, как и я, имеют двойную жизнь.

Султана — транс-девушка, с которой мы познакомились, когда я учился в Москве. Некоторое время жили вместе, тусовались вместе, и в какой-то момент стали близкими друзьями. Как и все, она тоже нарядилась, накрасилась, надела то, что нашла, и вышла в образе дрэг-артистки. Волосы — собраны высоко на макушке, на лице — тонна косметики, мини-юбка и платье с красно-белыми полосками.

И я — худой как собака (кыргызы говорят «худой как собака» в оскорбительной, иногда в шуточной форме, если человек очень худой), в длинном красном платье, обтягивающем фигуру, и с платком на голове, завязанным в стиле африканских женщин. Все говорили, что мой образ напоминает Марианна-Нафисату Гали Атие из 22 сезона «Битвы экстрасенсов».

Я тоже, как и остальные наши дрэг-персонажи, живу двумя жизнями. Когда с друзьями, позволяю себе быть по-особенному нежным, настоящим, а когда дома, снова надеваю гетеро-маску. Получается далеко не всегда, всё равно иногда наружу прорывается тот другой человек, который живёт внутри меня. На улице я стараюсь быть сдержанным, вести себя спокойно, скромно, чтобы не привлекать лишнего внимания. Постоянно ловлю себя на том, что тревожусь из-за чужих взглядов, стараюсь стать почти незаметным.

И вот, немного позже на дрэг-вечеринку подтянулись ребята из Люли-махалли. Едва переступив порог, сразу начали суетиться: «Где мы можем переодеться?» — то-ропливо прошли в умывальную, вытащили свои длинные, нарядные одежды и попросили наших лесби-девчонок помочь с макияжем. Те с радостью взялись за дело, накрасили их так, как им самим хотелось — в красных и чёрных тонах.

Когда ребята из Люли-махалли переоделись, посмотрели друг на друга и вдруг воскликнули:

— Вааау, мы же как настоящие Жади!

Жади — персонаж из сериала Клон, который мы смотрели ещё в детстве. С её тёмными глазами, густыми бровями, кудрявыми волосами и развевающимися восточными нарядами, она воплощала образ женщины с Ближнего Востока — загадочной, свободной и сильной.

Эта жизнь, которая тяжела для нас всех. Жизнь, в которой мы не можем быть собой, не можем показать, кем мы являемся на самом деле, жизнь, которая не даёт нам свободы. Это жизнь, где в консервативном маленьком городе мы ищем для себя хотя бы немного свободы, не смотря на все ограничения.

Мне было, наверное, пять или шесть лет, когда я начал играть в девочку. Делал себе волосы из полотенца, накинув его на голову, мамин тонкий платок завязывал как платье и играл, представляя, что я девочка. Мы жили в маленьком двухкомнатном доме. Одна комната была побольше, другая совсем крошечная, и из-за маленьких окон в большую комнату свет почти не попадал. Вместо того, чтобы играть на улице, я в тёмной комнате превращался в девочку, с завитками на голове, надевая мамин платок, и это давало мне больше радости, нежели игры во дворе. Когда я пошёл в школу, дома начали говорить «Будь как те мальчишки, что на улице», и стали упрекать меня. С тех пор я перестал наряжаться и играть в девочку. Прошло столько лет, и вот мне уже 25. Сегодня, оглянувшись назад, я снова разбудил в себе ту маленькую девочку и подарил себе этот момент счастья.

Поскольку наш офис как обычный дом, в нём много разных комнат — и маленьких, и побольше. Самая большая вмещает максимум человек двадцать. Обычно мы ставим там столы, устраиваем собрания или проводим тренинги. А иногда здесь проходят и вот такие тёплые посиделки тоже.

По обеим длинным сторонам комнаты мы разложили на полу тошоки, а в торце поставили стол, украсив

его сладостями и напитками. Люди сидели по бокам, как на настоящих айылских отурушах. А в центре — наша сцена.

Для всех нас это было первое масштабное дрэг-шоу в Оше. Нас всего-то 17–20 человек, но для нас это было настоящее начало — что-то новое, полное свежих эмоций. Такое мы до этого видели только за границей — в клубах или в шоу РуПола.

Гостей мы пригласили к шести вечера, но пока все собрались, пока наши дрэг-артистки нарядились, уже было восемь. И вот наша ведущая — байкебиз (девушка, но мы в шутку зовём её «байке») — взяла микрофон и открыла вечер с приветствием и добрыми словами. За музыку отвечал Алишер — парень-гей, весёлый, с хорошим чувством юмора и со своей креативностью. Он ставил треки с маленькой колонки.

А наша ведущая торжественно объявила: **«Встречайте фей нашего Оша!»**

И под мерцание гирлянд в полутемной комнате, под песню Леди Гаги *«Born This Way»*, мы начали выходить один за другим, проходя по импровизированному подиуму.

В комнате царило праздничное настроение, играла весёлая музыка, а гости, сидящие на полу, встречали нас аплодисментами и радостным шумом. Первым под именем Маргана вышел Рустам, за ним Алибек в образе «Дыңкы жеңе», исполнивший настоящий той бий. Потом Султана, следом я, а потом трое ребят из Люли-махалли, переодетые в Жади, задорно трясли бёдрами в зажигательном восточном танце.

Увидев наши наряды и танцевальные движения, зрители хлопали в ладоши, радовались, с удивлением и восхищением открывали нас с новой стороны. Все гости — это наши близкие друзья, коллеги, люди, которые хорошо нас знают. Мы все доверяем друг другу, поддерживаем и, самое главное, принимаем друг друга такими, какие мы есть. Мы все в одной лодке.

В Оше ночных клубов всего несколько, да и тех, где можно действительно оторваться и потанцевать, почти нет. Куда бы ты ни пошёл, приходится надевать гетеро-маску и сдерживать себя, сидеть, как все. В гей-клуб в Бишкеке мы, может, раз в год и выберемся — если повезёт.

И вот приближался Международный день транс-людей, 31 марта. В инициативной группе думали собраться

вместе, устроить чаепитие, поговорить, пообщаться. Но потом решили сделать что-то новое, необычное, что мы ещё не пробовали. Так родилась идея провести дрэг-шоу в совершенно новом формате для нас всех.

В офисе у нас была пара париков, которые мы использовали для съёмок рилсов для инстаграма. Наверное, нет того, кто не пробовал примерить эти парики. Каждый раз, надевая их, мы чувствовали себя артистами, дрэг-звёздами. Мы даже думали, что было бы здорово устроить дрэг-шоу, и тогда вот бы все мы успокоились бы наконец-то. Видимо, именно оттуда и пришла эта идея.

Здесь, среди нас, все друг друга знают, доверяют, поддерживают и могут быть открытыми. В городке совсем немного транс-людей, но, несмотря на это, их присутствие, осознание того, что они с нами, что мы вместе, — для нас огромное достижение. Ведь поддержка и осознание значимости этого дня — это важный шаг.

К половине мероприятия один из нас: «Давайте немного отдохнём», и мы все, в своих образах, вышли в угол офиса во дворе, чтобы покурить. Там мы начали весело разговаривать, болтать, смеяться. Я на мгновение почувствовал себя в большом гей-районе, как будто

я в пабе, знакомлюсь с разными людьми и просто наслаждаюсь пятничным вечером.

Я чувствовал себя совершенно свободно, среди разных людей, чувствовал себя счастливым. И самое главное, я была счастлива тем, что тоже сыграла свою роль в организации такого мероприятия. Я гордился собой и испытывал глубокое удовлетворение от того, что это стало возможным благодаря всем нам.

Я был восхищён тем, что то, чего всегда не хватало и то, о чём я мечтал, теперь не только есть у меня, но я могу делиться этим с другими.

Да, это всего лишь пузырь в консервативном, исламском обществе, маленьком доме с пятью комнатами. Но, несмотря на это, я благодарен за существование этого пузыря. И если нужно, я могу и не выходить из него. На данный момент быть в этом пузыре — для меня удобно, я чувствую себя свободно и в безопасности.

Timbro

ДЫХАНИЕ ЭТАЖЕЙ

Собираясь на тренировку, Руслан сосредоточенно хмурился. Бутылка для воды, кроссовки, шорты, майка, полотенце — вжикнула молния, и вещи спрятались в синей спортивной сумке. Напоследок огляделся. Гантели вперемешку с носками на ковре. Одежда разбросана. Смятые коробочки от обезжиренного творога белеют в сумраке тут и там. Шторы задернуты.

Недавний скандал в семье разлился ртутью. Тогда отец на кухне — пьяный и весь красный от одышки — тяжело сопел, сыпал угрозами. Мама наотрез отказывалась говорить и только все плакала, плакала. А затем поднялся гвалт бесконечных родственников. Руслан сбежал из дома. Ночевал у знакомых. Уже задыхающийся, загнанный, кое-как втиснул себя в эту съёмную квартиру на окраине города. Чтобы спастись от полуночных звонков, сменил номер телефона. И только тут наконец отдышался.

В первые вечера он садился в коридоре на полу. Не зажигал света. С опаской и недоверием слушал этот, еще советский, многоквартирный дом. Вот едва различимо стукнуло у соседей наверху. Что-то попискивает раз в десяток минут. Вот глухо прошумел слив в чьей-то уборной, и снова ничего. Как тихо! Никто не ругается, не кричит, не слышно мата и беспорядочного гомона возмущенных голосов. Только эхо их. Да и то внутри головы.

Тогда же Руслан обнаружил, что съемная квартира из первого подвернувшегося убежища быстро превращается в логово. Следовало вынести накопившийся мусор, все отмыть, проветрить, вкрутить лампочки в люстру, где из трех плафонов работал лишь один.

Чего ради?

Он поднял спортивную сумку с вещами и побрел в прихожую обуваться. Пока завязывал шнурки, мысленно вернулся к давнему обещанию: если к бардаку еще можно отнестись с равнодушием, то никогда с тем же равнодушием он не будет относиться к собственному телу. Шесть лет занятий легкой атлетикой в юности. Следом четыре года в тренажерном зале. Тело, собственное тело — это то, на что можно еще положиться. Оплот.

Пока запирал дверь, пока гремел связкой ключей, морщился: в подъезде пахло краской. Потыкал

безжизненную кнопку лифта — ничего. С девятого этажа предстояло спускаться пешком.

Глухая стена, поворот. Стена, поворот. Запертая дверь, поворот. Пока голова не закружится. А едкий запах становится все сильнее.

Источник его обнаружился на лестничной площадке шестого этажа. Поверх бронированной двери. При помощи краски цвета металлик кто-то сообщил миру о сексуальной ориентации некоего Тимура. Первые буквы были восторженно-размашистыми, крупными. Чувствовалось: пишущий душу вкладывает. Однако затем хулиган, как видно, понял, что не уложится в формат двери. И буквы стали уменьшаться. Все ниже, ниже. А затем и сама надпись — чтобы вместить смысл — начала округло загибать вниз, мельчать. Оттого слово «пидорас» в конце послания словно уводило в вечность.

Руслан прошел мимо.

Хулиганская надпись была адресована кому-то другому. Но дышала в спину химическими парами точно также. Напоминала о недавнем бегстве из дому. Напрасно он боялся сказать правду о себе — знания в чужих головах не имели значения. Опасаться следовало только последствий этих знаний.

Вдруг, например, это последнее убежище будет раскрыто? Отец наверняка явится сюда пьяным. Будет с руганью ломиться в квартиру до тех пор, пока его не заберут в вытрезвитель по звонку соседей. Мама опять

прошепчет: «Ты мне больше не сын». Может, двоюродные братья из села приедут — подкараулят, чтоб избить. А потом? А дальше что?..

В досаде на себя прежнего, Руслан продолжал спускаться по лестнице. «Ну тогда вернись домой. Соври, что ошибся. Выдержи все. Потом слушайся, подчиняйся. Женись. Невесту по такому случаю найдут быстро. Любую келин³ примут! Такой ты — устроишь всех. И дверь тебе никогда не распишут. Никогда. Скажи только, устроит одиночество за такую цену? Хороша сделка?»

Послышался чужой говор и тотчас смолк. На четвертом этаже Руслана встретили две пожилые женщины, одетые по-домашнему.

— Здравствуйте, эже⁴!

Они проводили его взглядами. Однако едва Руслан спустился на лестничный пролет, как заговорили вновь. Умышленно повышая голос, чтоб слышно было:

— А я что говорю? Видишь, кому квартиру сдает? Вот потом двери и обгаживают. Вот и засирают краской своей! Наши что ли засрали? Жильцы?!

Стена, поворот. Запертая дверь, поворот. Стена.

Пиликнул домофон.

В лицо плеснуло солнцем и бодрящим ветром ранней весны. На асфальте блестели лужи. Из глубины

³ Келин — невестка в семье мужа.

⁴ Эже — уважительное обращение к женщине.

арыка еще темнел ноздреватый снег, пропитанный зимним смогом. Но по голым кустам уже зеленел бисер липких почек, и высокое ясно-голубое небо сквозило в ветвях ивы у многоэтажного дома.

Улица пустовала. Руслан дышал с жадностью — выталкивал из груди отравленный воздух подъезда. По водостокам журчала капель. Пригревало. Полупрозрачный пакет, зацепившийся за провода, трепетал на ветру. Он застрял на высоте еще зимой — должно быть, его выбросили из верхних окон. Но сейчас казалось, будто пакет трепещет от нетерпения у порога весны.

Щурясь от бликов талой воды, Руслан ускорил шаг. Мышцы требовали движения. Тем более на сегодняшнюю тренировку позвал Марат. Пусть за полтора часа это будет лишь просьба подстраховать, пара шуток и ободряющие переглядывания в зале. Именно этого в последнее время не хватало больше всего — просто делать что-то вместе.

Баннер тренажерного зала вздымался и опускался при порывах ветра. Точно вместе с Русланом дышал. Хлопал крылом отвязавшегося края.

За дверью же стояла духота. Вентиляционные трубы под низким потолком. Влажность. Взяв ключ на стойке регистрации, Руслан пошел в раздевалку.

Эта узкая комната соседствовала с душевой. Приземистая скамья, шкафчики из жести. Как ни гудела вытяжка в углу, воздух оставался тяжелым.

Сейчас раздевалка, к счастью, пустовала. Руслан кинул спортивную сумку на скамью. Затеребил заевшую молнию. Сдернул толстовку, джинсы, как попало запихнул в шкафчик. Уронил ненароком пустую бутылку для воды. Она зацокала дробно, заскакала на кафельном полу под скамьей — Руслан не стал поднимать. Первым делом шорты, следом длинная майка. Лишь тогда поднял бутылку. Принялся обуваться, завязывать шнурки на кроссовках.

Раньше была школьная раздевалка накануне физкультуры. Потом на смену пришла раздевалка в секции легкой атлетики. Теперь это происходит здесь.

Тело — оплот. И в любое мгновение оплот этот может предать. Непрошенным откликом, животной стихией вытолкнуть навстречу взглядам, насмешкам и чужим суждениям. Ведь даже после изнурительных тренировок тело способно безрассудно радоваться жизни, проявлять себя.

Наконец осталось запереть шкафчик и можно приступить к разминке.

В зале пульсирует громкая музыка. Сквозь нее пробивается разноголосый говор, смех, лязг металла. Пахнет черная резина, а невидимые шлейфы дезодорантов переплелись между собой настолько, что выродились в единую отдушку для всех людей, полов и возрастов без разбора.

Выполняя махи в кардиозоне, Руслан заметил, как через железные заросли тренажеров к нему направляется Марат. Вот друг уже раскинул объятия:

— Ай, что за тигр этот лев!

Руслан чуть задержал его руку в своей ладони, выпрашивал жадно:

— Как ты? Давно пришел? Не слишком заждался?

— Не, норм! Я за подснежниками слежу. — Марат лукаво сощурился. — Там, в углу, видишь троих? Им советы не нужны. Вон, друг другу показывают, как сгорбленными становую тягу делать. Нан урсун⁵, таких только травма научит спину ровно держать. — Отмахнулся.

— Сам-то как? Что сегодня?

— Ноги-плечи. Сейчас присед будет. Только ты подстрахуй, ладно?

— От подстрахуя слышу. Идем.

После очередного подхода Руслан, чтобы потянуть время, спросил:

— Как Сабина с детьми?

— Хорошо. Младшему прививки ставим. Тебе, кстати, привет от нее. — Марат вдруг безо всякой нужды поправил на грифе блины с двух сторон, потом все же поднял взгляд на Руслана. — Короче. Мама твоя пришла вчера. Я ей сказал, что все нормально. Но типа ты звонил с левого номера, и мы вообще не виделись ни

⁵ «Хлебом клянусь» (кырг.)

разу. Все только про тебя и говорят. Родственников каких-то в гости позвали, чего-то там обсуждают. — Марат замялся еще больше, тщательно подбирая слова. — Из того, что говорила твоя мама, такое ощущение складывается как бы... Ну, знаешь, типа они со временем это, возможно, примут. Просто им нужно перетереть все, подумать там...

Руслан сделался совсем пасмурным, перебил:

— Да мне все равно. Пусть думают, что хотят, — и снова взялся за гриф.

Ближе к концу тренировки Руслан в который раз остановился, чтобы набраться сил перед новым упражнением. Отдувался с шумом, старался выровнять дыхание. Мимходом зацепился взглядом за объявление: «Не убирать за собой инвентарь, могут только лица не традиционной ориентации». Кто-то из руководства написал это с двумя ошибками. И с тех самых пор — за долго до появления Руслана в тренажерном зале — это объявление лепилось тут на зеркале. Затянутое в старый файл для документов, выцветшее, висело оно благодаря липкому скотчу.

Руслан потянулся за водой. Отпил из бутылки и замер так, в мрачной сосредоточенности разглядывая объявление. Будто бы отдых между подходами, пока из динамиков под низким потолком гремит тяжелый рок. Блестят массивные тренажеры. А руки касается шершавая насечка грифа нагруженной штанги. «Одному

— спокойно. Но ведь тоска быть совсем-совсем без других людей! А выходишь к ним, и вот... Должен бороться: в мыслях, в поступках, в каждом движении. Отстаивать право считаться хорошим. Право смотреть на себя с уважением». Руслан смахнул испарину. «Но кем бы ты ни был и как бы ты ни старался, весь мир неустанно — со всех сторон! — твердит, что ты плохой. Травит. Что с этим, что с этим-то делать? Это — как выдержать?..»

Должно быть, Марат проследил направление его взгляда. Встал спереди, намеренно заслонил собой объявление. Насупил темные брови:

— Че, блядь, уснул? Давай, два подхода еще.

Понурый Руслан выполнил упражнение и поставил гриф на место. Тогда Марат, по-прежнему стоя перед ним, положил ладони ему на плечи. Заговорил так, чтобы в шумном зале одному только Руслану слышно было:

— Эй, gym bro. Рус. Ру-у-ус. Слышь? Ты красавчик! Ну? После того, что дома было, ты ж не сломался, верно? Квартиру нашел. Держишься.

— Типа да, но... А что мне еще остается?

— Что остается? «Поднимать тяжести, чтобы стало легче». Не помню, кто сказал. — Марат улыбнулся, легонько встряхнул его за плечи. — Давай, Рус. Последний подход на сегодня, братик. Ну? Готов?

В сумерках возвращаясь на съемную квартиру, Руслан задумчиво скользил взглядом по оттаявшей земле.

Не поднимал глаз на редких прохожих. Среди многоэтажных домов в синевато-сером воздухе уже светились кое-где чужие окна. А с темнеющего неба доносилось карканье — вороны покидали Бишкек.

В гулком подъезде Руслан ткнул кнопку лифта. Вдохнул. Поправил ремень спортивной сумки на плече: предстояло идти на девятый этаж пешком.

Поворот. Запертая дверь. Поворот.

После тренировки ноги дрожали, слушались плохо. Руслан все чаще брался за дребезжащие перила. И все сумрачней становился при мысли о неприбранной темной квартире наверху.

Поворот. Стена. Запертая дверь, поворот. Стена.

Что стоило сорвать сегодня это объявление в зале? Сорвать, и все тут. Но придется тогда отвечать на вопросы известные наперед. Даже предсказать можно, как будет звучать в их тоне подозрительность, оголтелое неприятие. Или еще более гадкое глумливо-скользкое любопытство. Так хуже ли видеть объявление или отвечать на эти вопросы? И даже ответив, можно ли надеяться хоть сколько-нибудь, что завтра объявление не вывешат опять?

Стена. Поворот. Стена. Стена.

Руслан вдруг осознал, что пытается не дышать. Оказалось, воздух в подъезде насквозь пропитан ядом. Резкие химические испарения уже несколько этажей преследовали его, однако тут сделались попросту

непереносимыми. Руслан заслонился. С трудом пыхтел кое-как в рукав спортивной куртки. Разом вспомнилась расписанная хулиганами соседская дверь. Но разве краска не должна была давным-давно высохнуть?!

Только взобравшись на шестой этаж, Руслан понял, в чем дело.

Перед бронированной дверью стояло несколько бутылочек: масло, аптечный нашатырь, какие-то растворители в флаконах — все подряд. Там же лежали скомканные страницы газет, взъерошенная щетка. А посреди всего этого на лестничной площадке сидел на корточках незнакомый парнишка. Отчаянно шмыгал носом. Тряпкой, пропитанной растворителем, оттирал «Тимур». Как видно, хотел перво-наперво изъять скорей хотя бы свое имя из этой злой формулы. Однако краска цвета металлик поддавалась плохо.

Едва завидев Руслана — мрачного от усталости и едкого запаха кругом — паренек тотчас бросил свое занятие. Юркнул за дверь. Бутылочки с отвинченными крышками, сиротливые плоские тряпки остались на полу.

Руслан взошел на лестничную площадку. Среди отравленных испарений осмотрел брошенные Тимуром вещи. Помедлил. Спортивную сумку повесил на близкие перила. С дрожью в измученных ногах сел со стоном на корточки, по примеру хозяина квартиры. Той же

тряпкой Руслан принялся оттирать въевшуюся краску. Медленно. Но настойчиво.

Через пару минут бронированная дверь дрогнула, чуть приоткрылась. Руслан отодвинулся, освобождая проход. Паренек робко, боком-боком выбрался на лестничную площадку. Постоял с чистой желтой тряпкой в руках. Видя, однако, что Руслан вновь начал оттирать ругательства, сел рядом и, не говоря ни слова, занялся тем же. Только шмыгал.

Краем глаза Руслан посматривал на него. По виду парнишке лет восемнадцать-двадцать. Невысокий, щуплый совсем. На правой скуле видна красная ссадина. Оттого голову держит низко, отворачивается все время.

Руслан до того надышался испарений, что отложил тряпку. Отвернулся сам, потер лоб. Хотел было вернуться к прежнему занятию, но соседский паренек заметил его жест: снял домашний тапок и, приоткрыв дверь, просунул в щель. Руслану ясно стало, что в квартире все окна распахнуты настежь — так из приоткрытой двери дует. Ровно дует прозрачный весенний ветер.

Aisuloo

Aisuloo Aisuloo Aisuloo Aisuloo

KITCHEN TALKS WITH MY AUNT

Alina now badly regretted declining her friends' invitation to go to the new movie release. If she had accepted, she would not have to suffer through this. She kept fiddling with her teaspoon, purposely avoiding eye contact with her aunt.

This suffocating silence and awkwardness made her uneasy, wishing to flee to her room. But manners and tradition, you cannot abandon your guest. In her head, she cursed her sister and mother, who left, leaving her no choice but to sit here with her aunt and try to suppress her embarrassment.

Suddenly she thought, "Why should I be embarrassed? I did nothing wrong and she has no right to shame me." It was infuriating that out of all the times her aunt had to come right the moment she was having an emotional reconciliation with her girlfriend. They had a fight and Kanykei was ignoring and avoiding her so she could only catch her

at school. Alina coaxed her girlfriend into giving her a few minutes of her time and dragged her to an empty classroom. They talked and surprisingly forgave each other quite easily. They were whispering about how they missed each other when her aunt entered the room. They were standing very close, their faces just a few centimetres away. Later, Alina realized that there was nothing compromising in this situation, but at that time she panicked, not knowing how much her aunt heard, and immediately started blabbering, asking her aunt not to tell her parents. It was not difficult to guess what her aunt deduced about her relationship with Kanykei from her panic, even if she did not hear any part of their conversation. Maybe Alina was more embarrassed by her overreaction than her aunt finding out that she is queer.

She ought not to make a big deal of it. She needs to calm down. She knows her aunt is not that kind of a person who would betray her trust like this. So there is no problem at all. Except Alina is afraid of what her aunt thinks of her now. She was her teacher in elementary school, Alina visited her every time her parents had a fight, and she was the one who gave the best advice, who seemingly could solve any problem she had. And now it feels as if there is a big, unreachable gap that separates them.

“I thought you and Kanykei don’t get on well,” her aunt decided to break the silence.

Alina did not expect this question so it took her a few moments to collect her thoughts and come up with the answer, “Well, it was back in elementary school, we became friends after.”

“Alina—” her aunt started with such a patronizing tone she used every time she gave her advice, so Alina knew what would come next. «At this age, it’s normal to be curious about those kinds of things, you have nothing to be ashamed of.”

“It’s not my age,” Alina said calmly and quietly, despite feeling irritated.

“A lot of young people get confused and with all this propaganda everywhere, curiosity is only natural and it will pass as any—”

“Well, I don’t want it to pass,” Alina said more forcefully.

“At your age, it often feels like you are misunderstood, but once you grow up you are just going to get over it.”

“I’ve known Kanykei for a decade and I’m not going to get over it,” Alina said, trying not to clench her teeth. She did not raise her voice, but it was said with such bitterness that her aunt fell silent from the surprise of never hearing her niece so angry.

Even if she was prepared for this talk she still could not contain her feelings. She knew it was foolish to expect support from her aunt, who was raised with the idea that this kind of relationship is impossible, and she still loves her regardless. But she cannot overcome her frustration because, more than open dislike, she hates it when her feelings are undermined.

Her aunt opened her mouth to say something but hesitated and remained silent. Alina, embarrassed by her quiet outburst, said, “Let’s just not talk about this for now.”

Her aunt changed the topic, and for the next few minutes they stiffly talked about family matters with long periods of awkward silence. After her aunt thanked her for tea and went to the living room, Alina, feeling that she fulfilled her role as a welcoming host, had left for her room.

In the room she unsuccessfully tried to do homework instead of returning to this conversation in her head.

Gulnara finally felt that spring was here. The warm sunshine on her skin, the sight of green trees, ugly but bright flowers, and the distant chirping of birds made her feel as if life was not so dreadful after all.

It was rare for her to carve out time for walking in the park, with all of her work, so she savoured each minute. She slowly walked around for some time. And after circling the entire park a few times, she headed towards her favourite bench at the end of the park and sat down picking up her unfinished book. She was reading, not quite fully concentrated, thoughts often drifting to how nice everything feels, what she plans to cook today, and her appointment at the veterinary clinic.

Her reading and thinking was interrupted by the familiar sound of laughter. She turned her head to see her niece walking in the distance. She was with her friend, both smiling and giggling, with ice cream cones in their hands. With their colourful clothes and energetic demeanour, it was a perfect picture of youthful carefree happiness.

Gulnara felt a smile creeping on her face seeing her dear niece so joyful. Then she recognized the girl Alina was

walking with. The same girl Alina was apparently in a relationship with, and the same girl whom she had to separate from her niece to the different ends of the classroom to avoid loud fights. They seemed to be loudly discussing something but mostly laughing together.

She returned to her book, not wanting to interrupt the girls. Gulnara understood how easy it is to confuse romantic feelings with platonic friendship, especially considering how much they knew each other. She signed and thought of how difficult teenagers are. Full of chaotic emotions and a firm belief that they are misunderstood lonely creatures. But it will all also pass, she just needs to be supportive of her niece even if she is a bit confused.

Her thoughts drifted from her niece to fully immersing herself in the book. She read till she felt her back aching from sitting for too long, her watch showed that almost an hour had passed and, deciding there was enough fresh air for today, she stood up and went to the exit of the park.

As she walked, something prompted her to look left. There, she saw her niece with her friend again. Alina was sitting on the grass with legs folded and Kanykei's head was on her lap, she was lying on her back with arms lifted as she was reading a journal out loud for Alina. There would be nothing unusual in this scene but the gentleness with which

Alina's hand slowly caressed Kanykei's hair, her warm smile and eyes full of affection lovingly watching Kanykei, made it so painfully tender and soft that Gulnara did not know what to make of this.

Perplexed, she continued her walk home.

The crack of a firelighter, sudden darkness, the chaos of lively discussions interrupted by unusual silence and then:

“Happy birthday to you, happy birthday to you,” they sang, rhythmically clapping hands.

Alina entered the room holding a plate with a cake that had twelve lighted candles. She carried it to her little brother who had a big smile on his face and was almost vibrating with excitement. He exaggeratedly blew out candles. Loud congratulations and back to the chaotic noise of discussion again.

Alina helped to pass the plates of cake to each guest and, taking the dirty dishes, she went to the kitchen. She stood there for some time, hesitating between returning to the celebration in the living room or avoiding people,

here, in the comforting presence of pots and food containers. She signed and headed to the sink to wash the piled dishes.

Some people had already noted that she seemed gloomy today; usually she was the one who would enthusiastically join gossiping with all the adults. However, her mood was spoiled by a looming journey to Turkey for an exchange year. What caused excitement at first was now the reason for her worries. It will be merely one year and then she would return to Kyrgyzstan, but never having been anywhere else and the thought of leaving her family and friends made it all seem as an unpleasant quest rather than an exciting opportunity. She will study in Ankara, and the thought of how much bigger and denser this city is than her Bishkek made her uneasy. Especially considering how she still manages to get lost in Bishkek, even though she has lived in this city for her whole life.

Her thoughts were interrupted by the sound of someone's footsteps; she turned her head and saw her aunt entering the kitchen with a slice of cake, "They almost didn't leave you anything."

Alina thanked her and, despite not wanting to eat, wiped her hands and sat down with her aunt.

“Are you worried about your flight next week, or is there something I don’t know?”

“Yeah, just the flight, don’t wanna leave,” Alina said almost childishly, in the same tone with which she used to complain to her aunt about her stolen toys.

“What’s so good about here? Young people like you should explore the world more.”

“That’s right, it will offer me new career opportunities as well. I just don’t know how my family will manage without me,” she said half-jokingly.

Her aunt rolled her eyes, “Ah yes, the oldest sibling who thinks the entire family is their responsibility.”

Alina laughed and continued, “But have you seen Bermet? I still help her with homework even though she is at university now.”

“And that’s another reason you should leave. Your brother and sister are too dependent on you.”

She signed, “I suppose you’re right.”

They continued to talk about her university, family and what comes next. She realized just how much she missed her aunt. With her studies, she had a little time, and on top of that, there was the whole problem of her aunt knowing that she and Kanykei are not childhood friends, as all her family thinks, but girlfriends. Even though her aunt never really mentioned this after they had a tense conversation years back, neither did she show disapproval, nor encouragement. This unstable predicament made her feel uncomfortable, not knowing how to navigate her relationship with her aunt.

“I am also afraid of losing contact with Kanykei,” she suddenly blurted out and instantly regretted it. Her aunt remained silent for a while, her face not showing any distinct emotions. Alina thought to herself that she really needed to have more friends. Here she is, complaining about her relationship to her aunt, who may or may not be against her dating choices. She waited for her response, trying to hide how nervous she felt.

“Weren’t phones invented?” her aunt said at last.

Alina involuntarily smiled: it was almost approval. Feeling bolder, she continued, “We see each other almost every day, phones can’t help with that.”

“Well, you know what they say—the best test for relationships is distance.”

“I don’t want any tests,” she almost pouted. Her aunt truly makes her feel like a child again. Secretly, she was glad to have a person with whom she could feel vulnerable enough to be childish.

“Alina, you have been dating Kanykei for how many years? Four? You think that nine months will be able to somehow change how you feel about each other?”

“Nine months is a long period.”

Her aunt exasperatedly sighed, “Distance is not only a test, but also something that strengthens relationships, you’ll be fine.”

Alina laughed, “I love your advice.”

“But really, Alina, everything will be fine. Don’t worry about such things, better to plan the things you can do in another country.”

It was just a short conversation, but she felt more at ease now. Her aunt was right. There was no reason to feel such

apprehension. Although it was not stated explicitly, one of her closest people blessed her relationship. She was not aware how much she craved simple acceptance, because after receiving it, she felt a heavy boulder being lifted from her shoulders.

After talking a bit more, they had to return to the living room, since the guests started giving gifts. They both badly wanted to know what made her little brother joyfully scream at such an inhumane volume.

They were discussing childhood stories, trying not to let silence linger for too long, and feigning fake cheerfulness by forcing smiles on their faces. Their attempt at lightening up the atmosphere did not seem very fruitful, judging by the angry force with which Alina was cutting vegetables, and her tight jaw.

The day started great. It was the first time in years they had planned to celebrate the New Year together. Almost everyone arrived yesterday. The groceries were bought, and the house was decorated. They had a light breakfast and started cooking. Bermet blasted her playlist and, with everyone fussing over dishes, it was the picture of the typical lively preparation for the New Year.

Gulnara's brother was supposed to buy additional groceries that they forgot to include in the initial list. But he came without them and instead lurched towards Alina and heatedly demanded to know whether it was true that she had been hiding her sinful relationship with her supposedly best friend. Alina ignored his screams and repeatedly tried to persuade him to discuss it outside. After some more shouting, he relented, and they exited, but everyone still could hear what a shame she brought upon the family, how perverted and twisted she is, how she would never be forgiven by God. Finally, Gulnara could not take it anymore and went to confront her brother's absurd ramblings.

She could count on her one hand the number of times she had witnessed her brother raising his voice, so it was surprising to see her usually calm brother being so furious. Gulnara tried to reason with him, but he would not calm down and very loudly proclaimed to Alina, "I disown you," before storming away.

It took time for her to accept Alina. As a school teacher, she knew perfectly well how fast and disappointing school romances end, so for a few years she expected her just to grow up from her feelings, but she did not. And then it just remained a part of her niece. It did not help to know what a perfect partner Kanykei was for her. For the better half of their relationship, Gulnara was the only person from Alina's

family to know that they were dating. It made her closer to the couple, making Gulnara not only love her niece but her girlfriend as well. Three years ago, she confided in her siblings and mother. To a question, why not tell her father, Alina answered that he was not ready yet. Gulnara thought that Alina was being overly cautious but did not pry. It appears she was very right.

Gulnara and Alina were the only two who remained silent, deep in their thoughts, but the atmosphere in the kitchen already shifted from tense to peaceful. Alina's brother was complaining about school and exams, while Bermet made fun of him.

Alina quietly said, "I'll go smoke," leaving the room. Everyone stopped talking for a while, looking at the door. After a few moments of silence, Gulnara's sister-in-law said, "We should talk to her."

"Dad can really pick a time to throw a fit," sighed Bermet.

"I'll talk to her," said Gulnara, heading outside.

She saw Alina leaning on a railing, holding an unlit cigarette between her fingers. She gave her a glance and then continued to stare into the distance.

“Are you feeling alright?” Gulnara asked.

“Could be better.”

Gulnara felt that it was better to let her talk when she is ready, and if she is not, they could just sit in silence, enjoying the cold air. Usually, she hated it when the ground was not covered in snow during the New Year. It robbed the essence of this holiday, but this time she did not mind. The ground was glimmering with frost, ice crystals forming intricate paintings, trees shrivelled from the cold and, despite the busy day, it was eerily quiet. It seemed as if frost and cold covered the whole land, freezing even time itself.

“Thank you for standing up for me when everyone just stayed silent.”

“Don’t blame them, you know they all support you. Your father is just an authoritative figure for everyone.”

Alina sighed and finally lit her cigarette. Gulnara remembered why she quit smoking in her youth—she went for cigarettes every time she was stressed, and she realized that with the amount of anxiety she had in her life, she would get lung cancer before thirty. She let Alina finish her cigarette before she continued. “If your father is not a fool, he will take all his insults back.”

Alina shrugged in disbelief, and Gulnara could not blame her. Her brother was a stubborn bastard.

“I actually wanted to tell him myself after the New Year, we planned—” Alina suddenly stopped and retrieved a necklace from underneath her sweater. “Kanykei proposed to me. She knows I don’t wear rings, so she got me this instead.” She showed a simple silver necklace with a red jewel.

Gulnara genuinely smiled. “I am very happy for you.”

“Thanks, we wanted to have a small gathering of our families and close friends in the summer, just a symbolic wedding, nothing fancy. So I figured by summer I’d have time to convince my father that I am not some kind of freak. As you see, I was too optimistic.”

“Screw him, let him miss his daughter’s wedding if he wants,” Gulnara said, now angry at his brother for making her niece doubt herself.

Alina hesitated but then asked, “Don’t you think that it might be too soon?”

Gulnara knew too many couples who married mere months after the first meeting. “Alina, you are almost thirty,

and you have known Kanykei for more than a decade. If anything, it may soon be too late.”

Alina answered with a light chuckle, “I don’t know. I always thought that I’d marry after I turned thirty.”

After a few moments of silence, Gulnara asked, “I hope I am invited?”

Alina finally smiled. “Won’t let the wedding start until you come.”

After the conversation, Alina left the celebration, saying she did not want to spoil the night, despite everyone trying to reassure her. Her father came to dinner but did not stay long. They still had a great time.

Alina looked at framed photos on top of their fireplace. The fireplace was not a real one; it showed a LED screen with a very fake-looking fire. She asked multiple times to remove it, but Kanykei insisted that it adds comfort to their living room. They came to a compromise upon an agreement that Alina could choose what photos to put. The biggest one taking up the most space was from their wedding. Kanykei in a soft pink dress and Alina in emerald

green. Their dresses definitely did not match, but the happy grin on Alina's face that verged on maniacal distracted everyone from noticing the mismatch. The most recent one was from their trip to Turkey two months ago. They asked another tourist for a photo but did not account for direct sunlight, so they were both squinting and hiding their faces with their hands. Quite an unattractive photo but Kanykei says it will make them more beautiful in comparison.

They had their mortgage approved and moved into their new home on the outskirts of Bishkek. To celebrate, they threw a small party for their family and planned to do the same for their friends next week. The party with the family was over. Almost everyone left except her sister's son, who begged to stay for the weekend. He claimed it was because he missed his aunt so much, but Alina knew it was their video game console that made him stay. Her aunt also stayed so she could drive Emir home since Bermet had plans for tomorrow.

She put Emir to sleep, wished Kanykei good night, who would go to sleep before eleven pm even if the zombie apocalypse started, and returned to her aunt in the kitchen. They did not visit each other very often, but they had developed a habit of having late night discussions accompanied by wine.

“I still can’t believe I am an aunt myself now.” Not breaking the rule, she opened the bottle of cheap white wine and poured it into two glasses.

“Well, you had eight years to accept this.”

“No, they grow like weeds. I think the day when we picked up Bermet from the hospital was like a month ago, and now I have another nephew coming up.”

“You don’t sound very excited,” her aunt said.

“Because I am not. I swear if my brother was like Bermet and tried to leave his child for more than a day—” she exasperatedly gestured her hands. “Just because we are lesbians, they think we are great caretakers.”

Her aunt chuckled. “It was the same case when my siblings’ children were young. They thought, because I didn’t have children, I would be desperate for some time with babies.”

“So you didn’t like it when I was at your home?”

“When you were a crying baby—no, but you grew up to be a quiet child who just drew for hours.”

“And I thought I was like your own child to you,” she said, faking offense.

Sipping her wine, Alina asked, suddenly serious, “Do you regret not marrying and not having children?” She wanted to ask this question in the past but was afraid of upsetting her aunt, but now she knows that her aunt does not have any regrets.

“Children—never. I was just not made to be a mother, but a few times I thought I might be happier with a husband,” her aunt said and after a pause continued, “However, this doubt always proves to be unnecessary after I meet my peers and hear their marriage stories.”

“I can imagine,” Alina laughed. “You said you plan to retire next year. What kind of plans do you have?”

“Ooh, I have marvellous plans. I’ll take my cat, and we’ll move to our family house in Talas. I am planning to hire some people and build a garden with a greenhouse. And I’ll put my flat in the city for rent and use this money to travel each summer to different countries.”

Alina was surprised by such definite plans, “Wow, I am really impressed, that sounds like heaven.”

“I also want to give piano lessons to kids in Kara-Oy, maybe even to those who live in other nearby villages. This way, I can still continue teaching, but now without having a stroke over keeping forty kids in line.”

“For a woman nearing her sixties, you are pretty happy,” Alina joked.

“Watch it, I am the happiest woman alive.”

“You are, you are,” Alina agreed amicably. “You know, back when I still tried to talk with my father, he said to me that, of course, a lonely and bitter hag like you would support me.”

Gulnara sneered, “This man said it? I’ll show him a hag when I meet him.”

“But look at us, you with your retirement plan and me with my new house and wife. I think we are doing pretty great for a bitter hag and a freak,” Alina said gleefully.

Her aunt chuckled loudly and raised her glass. “Well then, to a freak and a hag.”

They clinked their glasses and Alina thought how happy she is to have both a supportive aunt and a good friend in the same person.

Медер Эркинбек улуу

Медер Эркинбек улуу

«ХУКАП»

Работа и сама идея отталкивались от моей композиции для художественного училища им. А. С. Чуйкова, где я, собственно, доучиваюсь последний год. Композицию я написал на третьем курсе. Удивительно сейчас, что она не попала под цензуру: никто из преподавателей не высказывал негодования по её поводу, а позже, на самом обходе, один из наших преподавателей по живописи защитил её перед комиссией, и мне за неё поставили отличный балл.

Судьба второй картины, которая также должна была быть написана в рамках учебного задания — для моей преддипломной работы — уже сталкивалась с огромными трудностями и стрессом для меня, и так и не была реализована как преддипломная. Но обрела новые смыслы и жизнь на воркшопе «Квир-повседневность».

Мою преддипломку наши мужчины-преподаватели, гетерасты, раскритиковали в пух и прах. Не потому,

что я плохо построил композицию, подобрал не те цвета или допустил технические ошибки. А из-за того, что на ней изображено. Я, полуобнажённый и «демонстрирующий свои причиндалы», как подметил один из преподавателей, который смотрел эскизы вместе со всей комиссией. Он также посчитал мою работу плевком в лицо всем, кто смотрел на эскизы, будто я показываю хамское и пофигистическое отношение к ним.

Один за другим, во время просмотра эскизов, преподаватели подшучивали над моей работой: «А ты добавь туда своих друзей, тоже в трусах» и прочую гомофобную чушь, которую я уже не вспомню. Помню, мне было ужасно обидно — не потому, что они задели мою ориентацию, вовсе нет. А потому, что я очень старался и вложил в эту работу, и прямо перед самой защитой они решили меня завалить и сказали сделать другую работу. Дополнительный стресс — просто потому, что им было неприятно смотреть на полуобнажённого меня.

Если говорить про смыслы и всё то, что люди так любят в картинах — поиск смыслов и двойного дна там, где его нет, — у меня всё очень просто и на поверхности. Хукап — это про хукап. Про мой опыт секса с мужчинами на одну ночь, день или утро. И про это не покидающее тебя ощущение, что ты делаешь что-то неправильно,

поддаёшься своим «животным» желаниям, чувствуешь себя потом грязно. Что это акт селфхарма и способ забыться, уйти в эскапизм через секс с кем-то, кого я знаю всего лишь час, а офлайн — пять минут от силы с того момента, как я вошёл к нему в квартиру.

Timbro

ХОРОШИЙ

1

Школа осталась позади. Это было последнее лето: Данил решал, в какой вуз и на кого именно будет поступать. Выбор, точно лезвие, рассекал будущую жизнь на множество вероятностей. Какая же из них лучше?

Ему нравилось рисовать. Ставшие ненужными школьные тетради с давних пор красовались рисунками на последних страницах. Драконы, невиданные мутанты, черепа, анимешные девочки с катанами — чего там только не было! А он до сих пор сомневался: стать художником, архитектором или дизайнером? К счастью, из-за пандемии срок подачи документов сдвинулся. Оставалась пара месяцев, чтобы окончательно определиться.

С двумя лучшими друзьями со двора многоэтажки Данил часто гулял по вечерам. Когда-то давно они мечтали втроем поступить в один вуз, чтобы не потеряться,

всегда быть рядом друг с другом. С тех пор прошло много времени. Теперь, обсуждая будущее, уже никто не вспоминал об этом.

Друзьям выбор профессии дался легко, будто сам собою: международные отношения и физтех. Притом они все чаще посмеивались, подначивали Даню за нерешительность. Вот как-то вечером, сидя под ивами у канала, он-таки захотел поделиться планами. С ленточкой, будто не придавая значения, уронил:

— Да фиг знает. Может, на архитектора или на...

— Ты еще скажи «дизайнера»! — перебили его.

Данил нахмурился. Глядя в сторону, бросил с глухим вызовом:

— А почему бы и не на дизайнера?

— Да ну. В дизайнеры только гомики идут.

Разговор перетек на другую тему. Однако темный осадок в душе оставил.

В том же дворе жила девчонка. Отец ее был раввином. А мать — крошечная женщина, согнутая остеоопорозом — работала в продуктовом. Всю их семью за глаза называли «жидами». Конечно, девчонку дразнили. Доводили до слез. Тогда она бежала к матери. Вскоре та уже стучалась в двери обидчиков. Тихим — от ненависти — голосом просила прекратить издевательства.

Девчонку во дворе не любили. И все-таки Данил смутно, самым краем сознания ей завидовал. Ведь она могла пойти к родителям со своей болью. Те хорошо

знали, что сказать в утешение. Ведь ловили косые взгляды и на себе, жили с этим не первый день.

А Данилу пойти было не к кому. Сам факт его рождения свидетельствовал: мама с папой не такие как он. Не знают, каково это. Тем сильнее становилось чувство тотального одиночества, болезненного возмущения внутри. Он хотел открыться. Но парализующий страх всякий раз останавливал. Да и чем, в конечном счете, они могли бы ему помочь?..

Когда становилось совсем плохо и накатывали темные мысли, Данил рисовал. Рисовал, чтобы забыться. Простым карандашом или черной гелевой ручкой выводил узоры на причудливых клинках, деревья, силуэты людей. Очередная удавшаяся работа будто бы говорила: есть и другие миры, где все совсем иначе. Добрее. Справедливее.

Лишь окончание школы принесло перемены к лучшему. Данил словно очнулся от затянувшегося сна. Вдруг обнаружил себя высоким, бодрым от вдохновляющего ожидания чего-то необыкновенного. Тогда чаще стали появляться автопортреты.

Данилу понравилось изображать себя в стилистике аниме: оружие в руках и угольно-черные тени на лице все меняли. Графика умалчивала о невнятном цвете глаз, узкий подбородок по волшебству становился левым. В настоящем исправить это было сложнее, чем взмахом карандаша над бумагой. Тогда он отрастил

длинную соломенную челку и будто прятался за ней. Но все рисунки объединяла общая черта: на них Данил всегда был один.

В надежде справиться с одиночеством он отважился зарегистрироваться на сайте знакомств. Первого же понравившегося парнишку позвал на свидание. Это было волнительно до одури. Лихорадочно выбирая одежду, Даня придумывал темы для будущих разговоров, если вдруг повиснет неловкое молчание. Готовился. Даже сунул в рюкзак синюю папку, куда сложил лучшие свои графические работы: пустынные залы готического замка, полуобнаженная лесная нимфа у ручья, израненный воин в окружении демонов. Надеялся показать при встрече, заинтересовать собеседника.

Свидание прошло не так, как он рассчитывал. Паренек был симпатичный, но ужасный молчун. Сидели в кафе, давились картошкой-фри, не чувствуя вкуса. Шумно тянули колу. Оба так дико нервничали, так боялись случайно встретить знакомых, так напряженно оглядывались, опасаясь «подставы» — как тут раскрыться, увлечься другим человеком? На выходе из кафе торопливо обменялись телефонами, но оба предчувствовали, что не позвонят.

Домой Даня вернулся мрачным. Первым делом зашел на сайт знакомств. Хотя там было несколько сообщений от незнакомых людей, он не стал их открывать вовсе — удалил собственный профайл целиком.

Следом достал из рюкзака синюю папку с рисунками. Зашвырнул в угол — не пригодилась. Плюхнулся на постель вниз лицом, тяжело дыша. Зажмурился.

На душе было удушливо-стыдно за прежние надежды. Жгуче-неловко за каждое воспоминание о минувшем свидании. Все казалось напрасным, все сказанные через силу слова при встрече — лишними, неправильными...

Прежнее спокойствие вернулось через несколько дней. Пришла спасительная мысль: университет изменит всю жизнь на корню. Появятся новые люди вокруг, начнутся новые знакомства, дела. Может быть, он встретит классного парня, с которым захочет быть вместе. Тогда все получится само. А сейчас время расслабиться, отдохнуть от всего и всех.

Тем более, впереди открылась такая возможность: мама с папой купили тур в Малайзию на целый месяц. Звали с собой, но Данил отказался. Зачем эта суетная поездка, если можно побыть одному? С утра до ночи смотреть аниме, играть в любимую MMORPG, без помех рисовать часами под музыку. Целыми днями не выходить из дома даже в магазин.

— Может, я вообще поступлю в другой город и окажусь в общежитии. Когда мне учиться самостоятельности, если не сейчас? — это был решающий аргумент Данила в споре. Хотя мама осталась недовольна его решением, она в конце концов сдалась. Вскоре

в квартире тут и там стали попадаться стопки вещей, расстегнутые дорожные сумки, рекламные буклеты.

За пару дней до отъезда родителей произошел неожиданный разговор. Мама, убирая со стола после обеда, сказала:

— Ершovy тебя в гости зовут. На дачу.

— Ну и пускай зовут, — отмахнулся Данил, помогая навести порядок на кухне.

Тетя Катя Ершова была лучшей маминной подругой со времен института. Порой она приезжала погостить: допоздна пила чай, говорила без умолку. Данилу это нравилось, ведь в такое время его оставляли в покое. Однако каждое лето тетя Катя звала к себе, обещала познакомиться с сыном, расписывала красоты дачи. Всякий раз Данил отказывался. То курсы рисования мешали, то занятия плаванием — причина находилась всегда. Вот и теперь он не собирался принимать приглашение:

— Что я там делать буду? Ершей ловить?

— Можешь порыбачить — речка там есть. — Мама задумчиво вытирала руки полотенцем. — Суть-то в другом: они в Германию переезжать собираются. Насо-всем. Катя с девочками и Григорием Афанасьевичем пока здесь останутся. А вот муж ее с сыном этим летом уедут обустраиваться. Совсем скоро. Мы все к ним на дачу поедem, попрощаться надо. Да и ты с Радмиром хоть перед отъездом повидaeшьcя. Это Катин сын. Он тебя тоже звал.

Данил недоверчиво поглядел на маму через плечо, пока убирал хлеб:

— С чего это вдруг? Мы ж незнакомы.

— Катя ему про тебя рассказывала. Вот он и ждет. — Мама присела на диванчик у кухонного стола, разблокировала телефон, стала копаться в галерее. — Гляди, это они на даче прошлым летом.

Данил даже подходить не стал, чтобы посмотреть.

— Ма-ам. Я этих людей не знаю.

— Катю — знаешь. Мы с твоим отцом это уже обсудили. На время нашей поездки в Малайзию ты погодишь у Ершовых.

— Чего?!

— Того! Ничего одному тут сиднем сидеть. Раз не захотел с нами в путешествие ехать, значит останешься под присмотром у них.

Данил хорошо знал такой мамин тон — возражать было бесполезно. А уж если и папа согласился... Даже для торга места не оставили.

— Ладно. Скинь эту фотку. Может, я хоть лица их запомню.

Вот, валяясь на диване, Данил открыл фото семьи Ершовых в мессенджере. С экрана телефона на него смотрели шестеро человек. Крупный старик в плетеном ротанговом кресле, две девочки-близняшки, сама тетя Катя в объятиях мужа. И рослый, очень крепкий парень. Видимо, Радмир. Одной рукой он обнимал отца

за плечи и улыбался с фото так лучезарно, что Данил невольно улыбнулся в ответ.

Большая часть дороги оказалась настолько плохой, что поиграть в телефоне не удалось — изображение прыгало перед глазами ежесекундно. К счастью, многочасовая поездка близилась к концу. Папа вырулил к дачному поселку среди холмов. По обочинам потянулся штакетник, за которым сквозили сады.

До августа было далеко, а ветви деревьев уже тяжело клонились к сырой земле под грузом будущего урожая. Порой вместо штакетника попадалась сетка-рабица: кусты калины, сирени, зреющего шиповника наваливались на нее, перекидывали сочные ветви наружу, тянулись к дороге, будто в своей пышности не могли уместиться на родных участках. Машина то ныряла в зеленоватый сумрак под кронами каштанов, то взбиралась на солнечный пригорок. Сверкнула вдали река. Вся в бликах, солнечных зайчиках, она ослепила Данила и тотчас скрылась из виду за деревьями и крышами дач.

Папа остановил машину перед новенькими воротами, выкрашенными в бордовый цвет. Данил нетерпеливо выбрался наружу, потянул носом местный воздух — совсем не по-городскому чистый, с холодком. А перед распахнутой калиткой уже стояла тетя Катя:

— Наконец-то! Приехали! Ну заходите, заходите же скорей!

Она наспех вытерла руки о старенький передник, накинутый поверх летнего сарафана, принялась обниматься с мамой, улыбалась папе.

— Шашлык делаем, у меня руки в маринаде, — женщина действительно обнималась с некоторой неловкостью: смеясь, держала ладони так, чтобы не запачкать одежду гостей. Обнимала больше полными локтями.

— Данилка тоже приехал! Молодцы! Я давно говорила, надо его к нам.

— Ох, Катя, спасибо, что согласилась за ним присмотреть! А то у меня сердце было бы не на месте весь отпуск. Надеюсь, хлопот вам не доставит?

— Да перестань ты! Какие хлопоты? — Хозяйка заметила, что папа открыл багажник. — Бросайте вещи в машине, успеете еще повытаскивать. Лучше руки мойте и давайте-ка за стол. Мариш, поможешь девочкам с салатами?

Через калитку тетя Катя повела гостей во двор. Справа от входа стоял под навесом монструозных размеров белый джип. Слева блестел пластиковыми окнами дом. Не крохотное дачное жилище, а двухэтажный коттедж, обшитый сайдингом песочного цвета. Клумбы у гравийной дорожки, будка летнего душа в саду среди зарослей смородины, просторная беседка под диким

виноградом — все было добротным, аккуратным. Похоже, Ершовы любили бывать на даче, заботились о ней.

Из коттеджа выбежали две совершенно одинаковые девочки лет одиннадцати. Волосы у обеих хвостиком, похожие голубые платица до колен. Одна несла большую чашку со спелыми помидорами, другая тискала пачку салфеток. При этом девчонки ухитрялись держаться за руки.

— Ника и Лика, — представила их тетя Катя.

Девочки очень серьезно оглядели гостей:

— Здравствуйте, — не размыкая рук, побежали к беседке.

На пороге они едва не столкнулись с отцом. Тот вышел из тени дикого винограда, шурился от солнца. Крупный, рано поседевший мужчина зашагал навстречу приезжим. Осторожно обнял маму, как бумажную куколку, точно боялся смять ненароком. Пожал руку папе — они были знакомы. Один Данил чувствовал себя новичком здесь. В растерянности тоже протянул ладонь:

— Михаил Григорьевич?

— Просто дядь Миша. А ты вымахал! Катюха твои фото показывала, когда совсем мелкий был. Ну теперь другой разговор.

В самой беседке их поджидал еще один человек.

— Наши друзья! — громко произнес дядя Миша. — Погостить приехали!

Крупный седой старик покивал. Он сидел в том же ротанговом кресле, что и на фото. Будто с прошлого года ни разу не встал из него. В темном свитере не по погоде, Григорий Афанасьевич казался прибрежной глыбой возле стола, где раскинулись угощения. Пестрые салаты, золотистая выпечка, канапе с мелкими, будто улыбающимися рыбками, две горячие кастрюльки с торчащими из-под крышек половниками, стаканы, рюмки. Старик восседал во главе стола, напоминая Посейдона. Только вместо грозного трезубца блестяла лакированная трость, прислоненная к плетеному подлокотнику.

Занимая гостей разговорами, тетя Катя попросила мимоходом:

— Даня, сходи, пожалуйста, поищи Радмирку. Он должен быть со своими друзьями на другом конце поселка. Как за ворота выйдешь — направо и до самого конца. Там еще магазинчик стоит. Скажи, все его заждались.

Данил вышел на улицу в еще большей растерянности, чем при первом знакомстве с Ершовыми. Теперь следовало идти по незнакомым местам в поисках человека, которого он видел только на фото. Вдруг здесь больших собак выпускают гулять без присмотра? Да и что за друзья у Радмира — тоже большой вопрос. Может, сельские гопники?

Однако беспокойство оказалось напрасным. Всего через сотню шагов он увидел, как с холма впереди спускается по пыльной дороге парень. Белые кроссовки, рваные летние джинсы на длинных ногах. Спортивная футболка подчеркивает мышцы груди, широкие плечи. Но главным было лицо: кем бы ни был фотограф семьи Ершовых в прошлом году, ему не следовало даже прикасаться к фотоаппарату. Снимок не шел ни в какое сравнение с правдой.

Шагая с холма, парень улыбался. Уже вглядывался в Данила, будто узнавая. Чуть щурился от озорного летнего солнца — в карих глазах плясали искры.

Данилу доводилось видеть красивых парней. Та их красота восхищала, наполняла мечтательностью, звала куда-то в непредставимое совместное будущее. Но вид Радмира и того, как он двигался — энергично и естественно, по-мужски свободно — это было за гранью обычной красоты. Это был дар. Ни уклониться, ни спастись от которого невозможно.

Беспомощный Данил замер посреди дороги с опущенными плечами — дар чужой красоты подавил его. Все бодрое настроение вдруг ухнуло в тоску, будто открылась впереди вершина, которой никогда не достичь. Себе Даня сразу же показался слабым, неразвитым. Едва хватило духу, чтобы сделать еще один шаг вперед и протянуть руку:

— Здравствуйте. Вы Радмир? Тетя Катя вас к столу звала.

Хрипло. Глупо. Некстати. Данилу захотелось убежать.

Но загорелые пальцы уже сомкнулись на его руке, сжали так прямодушно. Данина белая ладонь будто оказалась «в домике», из которого совсем не хочется выбираться наружу.

— Даня? Круто, что приехал! — Радмир улыбнулся еще шире и вдруг мягко привлек к себе. Данил, не ожидавший подобного, ткнулся лицом ему прямо в черную футболку на груди. Тотчас вспыхнул весь от этой близости, от внезапности происходящего. И лишь теперь учуял слабый запах пива. Похоже, новый знакомый был немного пьян.

Радмир обнял его как родного. Потом чуть отстранил за плечи, весело взглядываясь Данилу прямо в глаза под соломенной челкой. Горячей ладонью ласково зарылся в волосы на затылке. Отчего парнишка окончательно растерялся, едва устоял на ослабевших ногах.

— Какой же ты классный весь! Такой хорошенький!

Похоже, Радмир остался очень доволен этим осмотром. Приобняв ошалелого Даню за плечи, повел к бордовым воротам:

— Не надо на «вы». Мама столько про тебя рассказывала! Кажется, ты мой двоюродный или троюродный братишка теперь. Только чего ж раньше не приезжал? Мы тебя несколько лет на дачу ждали.

— Да, не знаю... как-то... — Данил до того сосредоточился на волнительном ощущении от руки Радмира на собственном плече, что теперь только мямлил, не находясь с ответом.

— Ладно. Но теперь на «ты». Договорились?

— Мм.

— Учти, я за тобой слежу, — с деланной строгостью произнес Радмир, следом рассмеялся и распахнул калитку перед гостем.

Застолье продолжалось несколько часов. Данил больше отмалчивался. Зато исподволь наблюдал за людьми, с которыми предстояло провести целый месяц. Дядя Миша, как выяснилось, работал на закрытом предприятии. Выращивал какие-то сложные кристаллы для высокоточной измерительной техники. Трудно было представить, как такой по-медвежьки крупный человек занимается тонкой работой. Однако именно эти его навыки заинтересовали частную организацию в Германии. Тетя Катя была Дане знакома, но в домашней обстановке в ней обнаружилась новая черта: она часто обращалась к дочерям по-немецки. Девочки также ей отвечали. Притом Ника и Лика казались неотличимыми, а их привычка держаться за руки везде и всюду соединяла их в один причудливый организм — Никалика. Данил уже не мог воспринимать их по отдельности. Григорий Афанасьевич за столом

не проронил ни слова: ел мало, изредка улыбался, когда все смеялись. Но основной мишенью наблюдений Данила стал Радмир.

Парень налегал на мясо. Притом совсем не спешил. Ел сдержанно, с уверенностью человека, который знает: завтра и послезавтра — еды на столе всегда будет вдосталь. Во всех его жестах, посадке головы читалось, что Радмир весел, спокоен, уважает себя. Вот он прикрыл ладонью рюмку, когда захмелевший Михаил Григорьевич собирался налить ему водки:

— Друзья пивом уже напоили. Хватит мне на сегодня.

— А чего они, спаивают что ли? Опять Серегина затея?

— Ха-ха! Нет, па! Проводы же вроде как.

Дане показалось, будто даже вилку Радмир держит неподражаемо. Приходилось часто отводить глаза, смотреть на маму с папой, глядеть в тарелку, лишь бы не выдать заинтересованности.

Закончилось застолье с наступлением ранних сумерек. Никаилика принялись уносить оставшееся угощение в дом. Ершовы-старшие вместе с родителями Данила, довольные и сытые, побрели осматривать сад, пристройки. Совещались, как лучше продавать недвижимость.

Даня стоял у мангала. Дожаривал три палочки шашлыка, которые не поместились раньше. Глядел на рдеющие угли и пытался собрать накопленные наблюдения за Радмиром в единое целое. Хотелось составить о нем

какое-то емкое суждение. Чтобы уложить в голове и затем опираться на это в будущем, а не мычать и теряться при каждом слове. Однако суждение не складывалось: мало, слишком мало было сведений. Что нравится Радмиру? Какие качества он ценит в людях? Откуда в нем столько мужской красоты, обаяния? А главное, как заинтересовать его собой?!

Данил вздрогнул, когда на плечо опустилась рука — Радмир подошел сзади совсем бесшумно. Теперь они стояли у мангала вдвоем, бок о бок. Одни.

— Ты ведь рисовать любишь, правда?

— Да. Графику.

— Привез что-нибудь? Можно посмотреть?

Едва сдерживая шаг в попытке сохранить солидный вид, не выказать нетерпения, Данил направился к машине. Там из рюкзака выудил папку с рисунками. На деревянных ногах вернулся и отдал с толикой небрежности:

— Там ничего особенного.

Радмир открыл папку. Принялся разглядывать залы готического собора — этот рисунок лежал сверху. Данил с болезненным вниманием подметил, как Радмир сделался серьезным, темные брови чуть нахмурились.

— Что? Не нравится? — осипшим голосом спросил Даня, хохотнул и остро покраснел. Переминаясь с ноги на ногу, спрятал руки за спину.

Радмир не стал оценивать остальные работы. Закрыв папку.

— Если честно, думал, у тебя там какие-то простенькие рисуночки будут. А тут столько труда вложено. Это уже искусство настоящее. — Он прижал папку к груди. — Извини, я сегодня выпил немного. Мне кажется неправильным смотреть такие работы в пьяном виде. Можно я у себя оставлю до завтра?

— Да, конечно!

— Тогда пойдем. Покажу, где тебя разместили.

Внутри коттедж оказался еще уютнее, чем снаружи. Ловец снов над входом, кружевные занавески, яркий гербарий на подоконнике с алыми кисточками калины. Все кругом было наполнено приметам владельцев. Куклы Никиилики на комод в прихожей, цветные резинки для волос и даже расчески на полке в гостиной — все вещи лежали с такой очаровательной небрежностью, точно их вот-вот собирались сфотографировать для инстаграма. Подделать это в каждой мелочи было невозможно — семья Ершовых действительно так жила.

На втором этаже Радмир повел Данила по коридору в дальнюю комнату. Там оказалась спальня. Большая кровать, застеленная чистым бельем. Старинное трюмо, образа в углу. Два окна выходили в вечерний сад.

— Раньше это бабушкина комната была. Теперь тут гости останавливаются. Родителям нравится, когда

здесь кто-нибудь живет. Чтоб люди ходили, мебелью пользовались, разговаривали. Чтоб запустения не было.

— Здесь хорошо. Мне нравится у вас.

Уже стоя на пороге с синей папкой в руках, Радмир сказал:

— Как же здорово, что ты все-таки приехал, Даня! Я рад.

Когда дверь за ним закрылась, Данил блаженно повалился спиной на мягкую постель. Да, перед сном еще следовало почистить зубы, умыться. Пойти поговорить с мамой и папой. Но вместо этого он мечтательно закинул руки за голову, шепнул в потолок коттеджа:

— Я тоже рад.

Проснулся Данил с легкостью. Тело кипело свежими силами, требовало движения и еды. В комнате было очень светло, чуть покачивались занавески на приоткрытых окнах. Даня тотчас вскочил, принялся одеваться.

Когда спустился вниз, застал на солнечной кухне тетю Катю. Она поставила на стол холодную телятину и молоко с домашним хлебом:

— Марише утром позвонили из турагентства, где они путевку оформляли. То ли сборы там какие-то не оплачены, то ли с отелем проблемы — я не поняла. В общем, упаковались тут же, да разбираться поехали. Не стали тебя будить.

— Они еще вернутся? Ну, до отъезда в Малайзию?

— Вряд ли, Дань. Времени у них до самолета мало осталось, а туда-сюда мотаться... Ты Марише сам позвони, когда позавтракаешь, ладно? Потом скажи Радмирке, чтоб окрестности тебе показал. Тут лес есть, пасека. Может, на речку сходите. Красиво, сам увидишь! А мне к соседке, баб Маше надо наведаться: вчера еще обещала, да забегалась.

Завтракая в одиночестве, Данил почувствовал себя совсем большим и свободным. С отъездом родителей он остался один. Теперь следовало обустроиться на целый долгий месяц. Найти свое место в этом доме, среди этих людей. Даня вспомнил, как краснел вчера при знакомстве с Радмиром, каким напряженным был во время застолья.

Допил молоко, вымыл кружку. Поставил ее в сушилку и уверенно произнес:

— Да чего они мне сделают? Хватит уже дичиться. Дружить так дружить.

Почудилось вдруг, что он обязательно найдет общий язык со всеми обитателями дачи. И когда родители вернутся из отпуска, то найдут Данила совершенно другим. Повзрослевшим. На глазах изумленных мамы и папы Никаилика будут с обожанием ворковать за Даниной спиной. Тетя Катя решит, что не хочет отпускать его обратно в город. Михаил Григорьевич скажет папе: «Парень у тебя — во!» и покажет большой палец.

А Радмир будет стоять рядом, обнимая Данила как равного, с уважением.

Преисполнившись таких сладостных мыслей, Дана вышел из коттеджа во двор. С удовольствием потянулся на солнце, расправил плечи. Но едва заметил Радмира на скамейке в саду, как оробел.

Тот сидел под сливовым деревом с синей папкой в руках, разглядывал графические работы. Те же кроссовки. Пыльные шорты открывают загорелые ноги. Белая майка на атлетическом теле будто сияет в голубоватой тени дерева. Голова склонена, темные волосы падают на лоб. Представилось: некий молодой спортсмен — среди восторгов толпы, наград и тяжелых испытаний тела — вдруг остановился. Замер. Задумался о чем-то большем, к чему он лишь пытается прикоснуться, ежедневно занимаясь спортом.

Данил так засмотрелся на парня, что не решался теперь подойти и своим появлением разрушить это видение. Напротив, хотелось взяться за карандаш с бумагой — зарисовать, схватить мгновение, пока оно не ускользнуло.

Но Радмир сам заметил его. Помахал рукой, подзывая.
— Доброе утро, Дань. Как спалось?

— А, да, хорошо, спасибо. Доброе утро, то есть. Я там ел на кухне, ну, завтракал. Родители уехали уже. Ты тут рисунки смотришь?

— Полчаса сижу — прямо-таки залип!

— И как? Нравится?

— Это ведь лучшие из твоих свежих работ, верно?

— Да, — признал Даня и тотчас пожалел о сказанном.

Радмир приглашающе похлопал по скамейке рядом с собой. Когда Данил сел, придвинул раскрытую папку:

— Гляди. Мне кажется, этот замок отражает тебя изнутри. Он превосходно защищен: стены каменные, тут даже стрельчатые окна как бойницы. Но внутри замковый зал, который ты изобразил, довольно темный. Тут холодно и людей совсем нет. Пусто как-то, одиноко. Мне в самом деле нравится этот рисунок, но он грустный.

Слова Радмира поразили Даню. Он сам не понимал раньше, отчего этот зал готического замка так нравится ему. Чтобы скрыть смятение, бросил:

— А нимфа как тебе?

Радмир ухмыльнулся, переворачивая лист:

— Я мог бы отпустить пару комментариев по поводу ее попы, — он сделался серьезным. — Но не буду. Если честно, нимфа понравилась гораздо меньше двух других работ.

— Почему?

— Ты любишься ей. Но не любишь.

Данил не нашелся с ответом. Тогда Радмир перевернул лист, открывая последний рисунок: истекающий кровью воин в окружении чудовищ. Хищные лапы и пасти тянутся к нему. Воин стоит спиной — лица не

видно. Однако поза выдает предсмертное напряжение: как видно, сил осталось для одного, последнего удара.

— Вот его — любишь. Это самая замечательная работа! Кстати, у него родинка на шее такая же, как у тебя. Это случайно не автопортрет?

— Нет, нет! С чего ты взял? Мы вообще не похожи! Он же вон какой здоровый. Нет, автопортрет я даже не думал писать, вообще.

— Просто спросил, — Радмир примирительно поднял руки. — Но тут много чистых листов осталось. Ты ведь будешь у нас на даче рисовать? Мне бы хотелось посмотреть на художника за работой. Как ты линии проводишь, строишь это все на бумаге.

— Ну, да. Можно как-нибудь.

— Спасибо, — Радмир вернул Дане синюю папку. — Ты крутой. Мама об этом рассказывала, но я не верил, что настолько.

Данил вспыхнул от похвалы. Стиснул папку, оглянулся на коттедж:

— Пойду пока, положу в комнате, ладно?

— Хорошо. Я собираюсь деревья в саду еще раз побелить. Буду рад, если присоединишься. Вдвоем веселей, да и справимся быстрее. Поможешь?

— Конечно! Сейчас! — Даня бегом кинулся к дому.

Бидон, сверху донизу заляпанный известью, стоял в траве под яблонями. Теплый ветер в саду шелестел

лиственной, приятно обдувал руки. Малярной кисточкой Данил белил стволы деревьев, осыпая землю белыми каплями. Радмир по соседству готовил новый раствор. Рассказывал, как живут они в городе. После работы на фирме по производству гипсокартона, парень каждый день ходил в тренажерный зал. Оттуда шел забирать Никуилику с курсов немецкого языка, ужинал. Затем гулял перед сном с собакой.

— Кстати, Эльба полтора месяца назад кутят родила. Хочешь посмотреть?

— Хочу.

— Тогда бросай кисточку. Успеем еще закончить. Идем!

С азартом повел Данила к пристройкам. Возле сарая стояло малиновое ведро полное воды — явно из прежнего игрушечного набора Никиилики. Рядом желтела старая эмалированная кастрюля. На стенках ее виднелись остатки каши с прилипшими кое-где шерстинками. Каша валялась кучками и на бетонном полу, ею же был испачкан резиновый мячик.

Радмир распахнул шире приоткрытую дверь сарая. Позвал:

— Эльба! Эльба!

Навстречу выбралась исхудавшая овчарка с рыжими подпалинами на боках. Ткнулась лобастой головой в ноги Радмира, требуя ласки.

— Ты моя красавица! Разбудили, да?

Собака подняла взгляд на Данила, замершего поодаль. Вильнула хвостом.

— А не укусит?

— Эльба, знакомься, это Данил. Он наш гость. Обижать его нельзя, слышишь? — последнюю фразу произнес строго. — Наоборот, ты должна будешь его охранять, особенно если меня рядом нет. Поняла?

Овчарка обнюхала Данины кроссовки, штаны. Потом сунулась холодным мокрым носом в руку и замерла так — ждала, пока погладят. Даня принялся осторожно водить ладонью по темной шерсти со лба до загривка:

— Э-эльба... Э-э-эльба... — все-таки собака была довольно крупной, следовало привыкнуть. — Так она ощенилась недавно?

Не успел Радмир ответить, как из сарая выкатились три темных колобка. Щенки, похожие на маленьких медвежат, зевали, тянулись к людям, фыркали, обнюхивали обувь, кастрюлю, комочки каши на полу.

— Какие красивые! А их гладить можно?

— Можно, конечно. Эльба ведь уже тебя знает.

Овчарка тем временем отошла к сараю. Шумно лала воду из малинового ведерка. Потом устало легла. Только наблюдала за людьми, которые возились с ее щенками. Слабо мела хвостом бетон.

Радмир взял одного из них на руки. Сначала играл: не давал кутенку ухватить себя за палец. Затем поднес к голове Дани, будто сравнивая:

— А вы похожи. Оба хорошенькие!

Данил засмеялся, смущение одолело его. Тотчас стал делать вид, будто отнимает резиновый мячик у щенка. Тот забавно ворчал, сопротивлялся. Однако улыбка Дани была вызвана не этим.

Тем днем вместе с Радмиром они добелили все деревья в саду. Пообедали. Затем, когда собирали клубнику, Никаилика пришли помогать. Добрая половина всех спелых ягод, нагретых летним солнцем, была съедена на месте. Когда набрался целый таз, его отнесли на кухню тете Кате.

Вечером Радмир позвал Даню к себе в комнату на первом этаже. Спросил:

— Ты как со спортом — дружишь?

— Во дворе иногда с друзьями подтягиваемся. — Данил не стал уточнять, что последний раз это происходило осенью прошлого года.

— Мне пора тренировку проводить. Подумал, может вместе позанимаемся?

— Давай! Только я не умею.

— Значит, буду твоим тренером.

Войдя, Даня оглядывался по сторонам так, будто оказался в доме-музее. Телефон на зарядке у подоконника. Несколько выцветших школьных грамот в рамках. Смятая постель, и полки, полки, битком забитые книгами, журналами. Часть корешков на немецком. Здесь

же стояла потрепанная спортивная скамья: в трещинках спинки кое-где просвечивал желтый поролон. Грубо сваренная стойка со штангой, несколько гантелей, рукоятки которых блестели от частого использования. А еще здесь ощущался тонкий, едва различимый запах, который сразу же понравился Дане: сухой, технический, напоминающий о машине, разогретой летним жаром.

Данил хотел было взяться за гантели. Радмир остановил его:

— Погоди, сначала делают разминку, иначе можно травму словить.

Стоя друг напротив друга, они помахали руками, попрыгали. После приседаний Даня настолько разогрелся, что веселая энергия в теле уже была ключом. Хотелось смеяться просто так, в шутку бороться с Радмиром. Очень заманчивой показалась идея повалить его на ковер и сжать в объятиях изо всех сил, попытаться обездвижить. Силы, конечно, не равны. Но вдруг? Даню удержала только стеснительность. И то особенное волнение, которое возникало всякий раз, когда он смотрел на парня.

— Вот теперь можно приступать. Укладывайся спиной на скамью, а я подстрахую на всякий случай. Это совсем не сложно.

Данил улегся. Тут заметил, как Радмир снимает блины:

— Может, хоть парочку оставишь?

— Первый подход тоже для разминки. Потом решишь, стоит ли добавлять.

Даня держался за гриф и улыбался, видя Радмира над собой. Условились о восьми повторениях. Вместе сняли штангу.

Каким же тяжелым оказался снаряд! Данил не ожидал, что будет настолько трудно: он пыхтел, напрягал все силы, лишь бы не показаться слабаком. Все же в последний раз тренер пришел на помощь. Поднялся со скамьи Даня уже другим. Наблюдал, как свой подход выполняет Радмир. Гриф у того в руках двигался с такой легкостью, будто ничего не весил вовсе! Потом в дело пошли блины. Радмир выполнял жим лежа: раздвинуты ноги, могучая грудь вздымается от дыхания. На месте живота — глубокая впадина под футболкой.

Даня понял, насколько слабо, неразвито его собственное тело. Чувствовал себя бесплотным, невесомым духом. Нематериальным призраком рядом с огненно-живым, сильным парнем. Так захотелось быть похожим на Радмира, быть ему ровней! А тот уже поднялся, снял все блины:

— Давай-давай, продолжаем. Самочувствие нормальное ведь?

— Да, просто... так тяжело. Я не ожидал. — Данил принужденно рассмеялся. — А без блинов все это как-то не серьезно выглядит, если честно. Зачем тогда?

— Гриф двадцать килограммов весит. Не так уж мало для новичка. Или думаешь, я сам начинал с чего-то другого? Нет, точно так же, клянусь! Значит, и у тебя обязательно получится! Главное, будь настойчив.

Данил поверил. Снова лег на скамью, взялся за гриф.

Позже они занимались с гантелями, растягивали мышцы в заминке. Каждый раз, когда Радмир, объясняя правильную технику, дотрагивался — поправляя руку или предлагал выпрямить спину — Даня покрывался приятными мурашками. Долго ощущал то место, которого коснулся парень.

После тренировки — уставшие, веселые — они сидели в комнате, разговаривали. Радмир снял телефон с зарядки, разблокировал:

— Я в инстаграме нашел друга по переписке. Вот. Мика зовут. Практикую немецкий язык с ним, а заодно про спорт много общаемся. Он в Мюнстере живет — как раз там, куда мы поедем. Обещал зал показать и город, познакомить со всеми. Красавчик, правда?

Данил взглянул на фото: в самом деле, это был красивый молодой немец с удивительно правильными чертами лица и атлетической фигурой. Но Радмир — вот здесь, рядом, настоящий — был раз в сто привлекательнее.

— Ты лучше.

Первый раз в жизни Данил решил сделать комплимент человеку, который по-настоящему нравится.

Пускай даже вышло сжато, а в лицо тотчас плеснуло краской жаркого волнения.

— Спасибо, Даня! Мне приятно. — Радмир улыбнулся исподлобья: с видом польщенным, признавая чужую смелость. И на миг блеснуло в его взгляде нечто совсем взрослое, мужское.

Это так страшно взволновало Данила, что он в раз растерялся, позабыл все слова — как и о чем говорить дальше. Повисла пауза.

В дверь постучали. На пороге, держась за руки, стояли Никаилика:

— Вас ужинать зовут. Пойдете?

Даня мысленно возблагодарил девочек за появление.

Он ничуть не сожалел о сказанном Радмиру. Однако требовалось время, чтобы привыкнуть, осмыслить происходящее между ними. А в том, что нечто особенное происходит, он уже не сомневался.

2

Дача Ершовых, точно зачарованный солнечный остров, пленила Даню окончательно. Небывалое дело: он с легкостью просыпался ранним-рано! Целые дни проводил в компании Радмира: вместе они работали в саду, устраивали частые лесные прогулки, помогали тете Кате по хозяйству. Вечера посвящали тренировкам: на грифе Данила появились первые блины, а ел и высыпался он

вдосталь. Так что через пару недель стали видны первые результаты. Выяснилось это случайно.

Раздевшись перед сном, он потянулся за телефоном на старинном трюмо. Когда увидел себя в зеркале. Ошеломленный паренек в отражении из-под соломенной челки оглядывал окрепшие плечи, руки. Пресс было видно и раньше — из-за худобы. К тому же прочертились линии грудных мышц. Тело сделалось более мужественным. Теперь — Даня мысленно признался в этом — принадлежи оно кому-то другому, вызвало бы у него влечение. До чего же странно было видеть себя привлекательным! Данил поклялся выкладываться на тренировках без остатка. Результат того стоил.

Вот в окна второго этажа топленным маслом влилось летнее утро. Однако хорошее настроение Данила пошатнулось: на завтрак семья Ершовых собралась не вся. По словам тети Кати, Радмир накануне взял кутят Эльбы, посадил в коробку и отправился раздавать знакомым. Желающих было трое, все в разных уголках дачного поселка. Как видно, он просто не успел обойти всех вовремя. Его тарелка со стулом пустовали.

Когда же со стола убрали, Данил обнаружил себя не у дел. Тетя Катя возилась на кухне, дядя Миша чинил что-то под капотом белого джипа — никакой помощи им не требовалось. Девчонки заперлись в своей комнате. Из-за высокой двери скучно по-наставнически раздавался голос: женский, без возраста, но с идеальным

произношением, снова и снова твердил он фразы на немецком. Григорий Афанасьевич лег отдыхать. А вместе с ним, казалось, задремал под зноем и весь дачный поселок. Тогда Даня собрал карандаши с бумагой в синюю папку. Отправился в лес делать эскизы.

Устроился на песчаном склоне под соснами. Вначале набросал близкую реку, потом несколько домиков на другом берегу. Но летний жар успел разморить, и Даня отложил рисунок незаконченным. В тени смолистых медных стволов улегся на песок. Лениво глядел из-под полуприкрытых век вдаль. Там плыли празднично-белые облака, похожие на дым далеких пушек. Ветер гладил верхушки деревьев, потом легко летел куда-то.

Время остановилось. Данил не чувствовал его хода. Сомлевший, запустил пальцы в теплый песок и был неподвижен. Ни мыслей, ни желаний — только тело отзывается ласковому миру. Вот прохладный камешек в песке под правой ладонью. Мирно гудят пролетающие мимо пчелы с пасеки. Вот чуть пахнуло в лицо свежестью реки. И снова жарко...

По тропе из леса он возвращался с чувством приятной опустошенности. Изредка смахивал челку со вспотевшего лба, прижимал к боку папку. Вспомнив, каким вкусным бывает молоко из холодильника в такую жару, чуть ускорил шаг. Калитку бордовых ворот распахнул уже по-свойски. Навстречу из коттеджа вышла тетя

Катя: одной рукой держала свернутое полотенце, другой упирала в бок кастрюльку с кашей.

— Как раз вовремя! Радмирка вернулся, скоро обедать будем. Он в душе пока моется, — кивнула куда-то в глубину тенистого сада. — Отнеси ему, пожалуйста, а то мне Эльбу кормить.

Еще охваченный приятным летним безмыслием, Данил принял бежевый рулет полотенца. Побрел к зарослям смородины. Там в густой зелени стояла деревянная будка летнего душа, вся темная от влажности. Внутри слышался шум воды. Даня на ходу погладил полотенце: ему хотелось оказать Радмиру эту услугу. Хотя бы мимолетно прийти к стати.

Заранее улыбаясь, он перехватил папку с полотенцем поудобнее, свободной рукой потянулся к дощатой двери, чтобы постучать. Замер.

Оконце будки было непрозрачным. В планках крестообразного переплета сидело матовое стекло. Оттого все расплывалось за ним в неясные очертания. Да только одно стеклышко в переплете заменили, должно быть взамен разбитого, на обычное. Сквозь эту прозрачную преграду Даня увидел.

В сумерках будки по стенам колыхались блики. Посередине стоял полубоком обнаженный Радмир. Смывал пену с темных волос. Полуденное солнце падало на него из отверстия для душа наверху, отражалось от мокрых досок пола: атлетическую фигуру Радмира

с поднятыми руками охватил волшебный ореол воды и света. Точно божество купался он в самой летней благодати. Брызги летели солнечными искрами.

Данил сглотнул пересохшим горлом. Опустил голову. Лишь через минуту постучал. Шум воды в будке затих. Скрипнуло — в приотворившейся двери показалось мокрое лицо Радмира. Он утирался ладонью:

— Даня? Тоже помыться хочешь? Бли-и-ин, я всю воду, наверное, спустил!

— Не, я это, полотенце тебе, вот, возьми.

— А, спасибо! — Радмир кивнул, мимоходом слизнул каплю с верхней губы, шире приоткрыл дверь. — Но если будешь мыться, заходи. Воды не хватит, так еще натаскаю.

— Не-не-не! Я пойду, там помочь надо. Вечером помоюсь, — пряча взгляд, Даня заторопился прочь от душевой будки через сад. Судорожно тискал папку, боялся оглянуться.

В беседке — укрытой от мира пологом дикого винограда — он спрятался. Стоял неподвижно возле пустующих ротанговых кресел. Напряженно глядел в пол. Стоило закрыть глаза, и вновь, как наяву, представляла прежняя картина: округлая линия светлых мускулистых ягодиц, перетекающая в узкую талию, а затем — разворот могучей спины, плеч. Дрожание света на стенах. Крепкие, облитые водой руки, вскинутые к голове.

Увиденное случайно — будто украденное сокровище — остро волновало, не оставляло места ничему другому. Одержимый этими мыслями Даня, наконец, выбрался из беседки и украдкой шмыгнул на второй этаж коттеджа. Заперся в отведенной ему комнате.

С обеда и до самого вечера Данилу стоило больших усилий делать вид, будто ничего не произошло. Он был рассеян, за столом не услышал, как к нему обратился дядя Миша — все только посмеялись. Случайно пролил на белую футболку вишневый сок. Пришлось переодеться. Когда позвонили родители из Малайзии, отвечал невпопад.

Тщетно Даня понадеялся развеяться на тренировке: близость Радмира и само пребывание в его комнате так взбудоражили, что он сбивался со счета при каждом подходе.

Когда настало время укладываться спать, Данил забрался под прохладную простыню с досадой на весь минувший день. Сегодня он показал себя неловким, глупым. А ведь поначалу так хотелось быть со всеми в этом доме наравне — своим! Вдобавок он стыдился собственной скованности: вот предложил Радмир помыться вместе — зачем было так сбегать?! Ответил бы спокойно и ушел. Так нет же...

Вспомнилось минувшее утро. Песчаный склон под соснами и облаками. Даня поскорее завернулся

в умиротворяющие видения, не замечая, как наплывает на них сон.

Вот уже идет он к даче, кругом светло, ветер шелестит листвою каштанов. Однако внутри ворочается беспокойство: чего-то важного нет рядом, нужного. Да ведь это пропала папка с рисунками! Надо поскорей найти ее, во что бы то ни стало.

В коттедже Даня обходит безлюдные комнаты, ищет. Все попадаются заколки, ежи расчесок, чужие стоптанные туфли, пустые флакончики духов — ненужный сор, который даже выкинуть не жаль. Летнее солнце в окнах, кругом душно. Как вдруг Данила озаряет: папка спрятана вовсе не здесь!

Он выбегает в сад. Среди зеленых смородиновых зарослей находит душевую будку. Распахивает дверь и слышит:

— Заходи.

Данил вступает в сумеречный мокрый рай. Нагой Радмир улыбается, распахивает объятия. Прижимает к себе — точь-в-точь как при первой встрече. Даня, уткнувшись лицом в мускулистую грудь, задыхается от жаркого счастья. «Нашел! Нашел, нашел!!!» Целует неистово загорелую кожу, стонет и едва не плачет — так долгожданно это мгновение, что он не в силах вместить происходящее. До слез боится потерять.

— Какой же ты хорошенький, — раздается над ухом.

Внезапно сон начинает таять. Даня всеми силами цепляется: «Нет! Все взаправду! Пожалуйста! Еще немного!» Хочет удержаться за Радмира.

Поняв, что происходит, Данил вывалился из сна, как из коробки. Испуганно сдернул простыню прочь. Напряженный член давно высунулся из белых плавков. Уже содрогался, выплескивал толчками теплое на живот. Даня, приподнявшись на локтях, моргал в темноте мокрыми от слез глазами, тяжело дышал. Оглушенный и потерянный, переживал покорно, пока тело явит свою волю полностью.

Член немного расслабился. Медленно опустил на живот в теплые следы сна. Еще большой, упругий. Данил утомленно откинул голову на подушку. Вздыхнул. Нужно было что-то делать.

С большой осторожностью повернулся, включил лампу на прикроватной тумбочке. В ее желтоватом свете понуро оглядел себя. Шепнул короткое ругательство. Из рюкзака пришлось достать полотенце, чтоб вытереться насухо. Следом Даня занялся тщательным осмотром постели. По счастливой случайности простыню удалось не запачкать. Вот был бы позор.

С некоторым облегчением Данил выключил свет и снова лег. Всматривался в тени листьев на потолке. Это далеко внизу у коттеджа мягко светили садовые фонарики. Изредка раздавались сухие щелчки, неясные шорохи — звуки незнакомого дома. Потом сквозь

них он слышал мерное тиканье напольных часов в коридоре. Повернулся на бок, шмыгнул. Прижал руки к груди. Даня понял, что уже тоскует по минувшему сновидению.

Когда с дневными хлопотами было покончено, одно ротанговое кресло вынесли из беседки для Григория Афанасьевича. Поставили в тени под сиренью. Теперь старик, сидя в нем, спал. Рядом на краешке мангала лежала его пачка крепких сигарет и коробок спичек.

Чуть поодаль на пластиковом стуле расположился Данил. Часто поглядывая на спящего, он тихо-тихо скреб карандашом по бумаге. Когда штриховал, раздавалась длинная череда шорохов. Когда же выводил линию, звучала совсем короткая, отрывистая. Из этой графитной азбуки Морзе на листе все отчетливее проступало изображение. Григорий Афанасьевич на нем был еще крупнее, казался величественным старцем — морским царем или воеводой.

Данил, поглощенный работой, не различил шагов позади.

— Можно посмотрю, как ты рисуешь?

Радмир приблизился настолько, что можно ощутить спиной его тепло.

— Да, конечно.

На несколько минут установилась тишина. Дане льстило внимание, тем более все складывалось и на

бумаге. Но после событий минувшей ночи он боялся встретиться с Радмиром взглядом. Боялся выдать себя случайным жестом или какой-то мелочью. Как хорошо быть занятым сейчас!

— Повезло тебе: деда здесь может просидеть до самого вечера. С таким натурщиком даже перерыв успеешь сделать.

— Не. Надо спешить. Скоро солнце изменит положение. Потом все тени лягут по-другому.

— О! Я об этом и не задумывался никогда. — Радмир уважительно хмыкнул. — Значит, решил увековечить нашего дедушку. Отлично выходит, правда. Но почему не маму с папой или Нику с Ликой?

— Их тоже напишу, если разрешат. Но...м-м-м... — Даня замялся, решая, стоит ли говорить. — Понимаешь, если взять младенца — он весь гладкий. Обтекаемый как бы. На нем мало теней, мало фактуры что ли. Поэтому, если честно, Нику и Лику мне будет не интересно писать. Тетя Катя и дядь Миша все время заняты... — художник умолк.

— А я? Тоже гладкий и не интересный?

— Наоборот. Ты накачанный. На тебе много теней.

Невысказанное желание повисло в воздухе. Оно было уже здесь, вот-вот. Но Даня молчал. После вчерашнего — предложить Радмиру быть натурщиком? Тот час привиделась впереди незнакомая жизнь: бешено

яркая, властная. Если Данилу не хватит сил справиться с нею, она раздавит.

Молчал и Радмир. Не хотел? Думал о другом? Почему он ничего не предлагал? Ведь Дане тогда не приходилось бы выбирать самому!

Тут появилась Эльба. Худая, понурая овчарка обнюхивала землю. Порой поднимала голову и смотрела на людей, будто ждала ответа. Затем снова принималась бродить неподалеку, искать.

— Можно я тебя напишу?

Рот произнес это сам. Забухало — в груди, в ушах.

— Конечно, я с самого начала ждал, когда предложишь.

— Завтра удобно будет?

На самом деле, Данилу хотелось приступить сразу. Пускай даже рисунок с Григорием Афанасьевичем останется незаконченным. Однако все складывалось так быстро и хорошо, что страх принудил медлить.

— Договорились. Завтра.

Ночью прошел ливень. Когда вышло солнце, темная влажная земля прогрелась, и теперь будто дышала. Омытые трава и листья сделались ярче. Само небо после грозы прояснилось необыкновенно.

Данил тщательно наточил карандаши. Ходил по комнате, несколько раз вынимал и снова убирал бумагу в папку. Густая карамель времени текла тягуче.

Тем более, в назначенный час приступить к рисованию не удалось.

Эльба пропала. Тетя Катя обнаружила утреннюю кашу в эмалированной кастрюльке нетронутой. Звала, вместе с Никойиликой разыскивала овчарку по всему участку. Напрасно. Тогда проточить дачный поселок отправился Радмир. Не было его долго.

Наконец он вернулся, ведя собаку на поводке. Эльба от кончика хвоста до самых ушей оказалась перемазана грязью. Плелась, виновато опутив морду. Тетя Катя разохалась, тут же поручила Никеилике подключить садовый шланг, чтобы отмыть беглянку:

— Где пропадала-то?!

— Мам, она по кутятам сучает. Не ругай Эльбу.

— Да знаю я. Ночью вон под дверь пришла: ни мне, ни отцу спать не давала. Значит, сбежала кутят поискать? — тетя Катя со шлангом в руках вздохнула, дожидаясь, пока пойдет вода. — Глупая, глупая ты наша собака! А чумазая-то какая!.. И как? Нашла?

Радмир тоже вздохнул:

— Нашла. Одного. Которого я баб Маше оставил. Подкоп под забором сделала, чтоб на участок забрать. Там еще клумба с тюльпанами была.

Он деланно откашлялся. Похоже, рассказывать не хотелось. К тому же держался он как-то боком, все время отворачивался.

— Короче, баб Маша говорит, испугалась очень, когда Эльба вылезла.

Зажурчала вода. Тетя Катя стала поливать овчарку из шланга, смывая грязь:

— Эх ты! Удрала. Ничего хозяевам не сказала. Соседям напакостила. И не собака вернулась, а поросенок настоящий.

Мокрая овчарка подавленно стояла, не двигаясь, пока ее мыли. Стало вдруг очень заметно, насколько она отошала за последнее время. С шерсти на траву и дорожку текла мутная вода. Тетя Катя смягчилась:

— Эльбушка. Ты кутят своих не ищи теперь. Грустишь, знаю. Но, клянусь, мы хорошим людям отдали! Не абы кому. Щеночки у новых хозяев будут расти, дом охранять. Их там кормят, любят. Не сбегай снова, пожалуйста. Ладно? Вон сколько Радмирке пришлось тебя разыскивать.

— Да нашел я быстро. А вот яму надо было закапывать, клумбу опять в порядок приводить. — Он махнул рукой. — Короче. Утром Серега на машине разворачивался. Баб Маша в это время пыталась Эльбу выпроводить, стала ворота открывать. Она ж глуховата половину — двигатель не услышала.

Тетя Катя отвлеклась от мытья овчарки:

— Господи!

— С ней все хорошо, хорошо! Но калитку снесло, и бампер у Сереги помялся.

— Та-а-ак. Чего лицо прячешь? Ну-ка, повернись.

Радмир подчинился. На левой скуле у него краснела ссадина. Он неловко прикрыл ее ладонью.

— Сына, поранился? Откуда это?

— Да Серега не хотел калитку чинить. Типа баб Маша сама виновата раз глухая. Ну я и пошел к нему поговорить.

— Ясно. Эльбу отмою, надо будет ссадину обработать. А бабе Маше скажи потом, мы ей все восстановим. Вечером отец вернется, объясню.

Радмир вдруг легко рассмеялся:

— Незачем! Калитку мы вместе с Серегой починили.

— Вместе? Он же вроде не хотел?

— Поговорили, — Радмир весело потер кулак. — И захотел. Он сам по себе классный, правда! Просто ему надо иногда напоминать, чтоб по-человечески себя вел. Столько лет дружим как-никак. Знаю.

Радмир больше не отворачивался. Должно быть, он ждал маминого беспокойства, суеты. Но едва все утряслось, как привычное расположение духа вернулось к нему. Даже подмигнул Дане.

— Напоминатель, — проворчала тетя Катя, заканчивая с купанием овчарки. — Скажи девочкам, чтобы йод вернули. Они брали кукол мазать.

— Зачем? Лечили?

— Нет. Это, видите ли, у кукол загар такой. Средиземноморский.

После мытья Эльба отряхнулась и пошла следом за хозяйкой к сараю, где в кастрюльке дожидалась каша.

Радмир тронул Данила за локоть:

— Теперь я весь в твоём распоряжении.

— А ссадина?

— Да ну, само заживет. Так мы начинаем?

— Конечно! Давай прямо сейчас, — Даня захмелел от смелости. — Лучше всего будет в моей комнате. Там свет из окон хороший, да и вообще.

Подъем на второй этаж не запомнился. Вдвоем они вошли, закрыли дверь. Радмир вдруг смешался, будто не Данил, а он был гостем здесь. Оглядывался по сторонам, не прикасался к вещам. Парнишка напротив был полон решимости: поставил стул посередине комнаты, забрался на постель с ногами и раскрыл папку. Шелестя чистой бумагой, сказал:

— Снимешь футболку?

Тот послушно стянул ее через голову, бросил на спинку кровати:

— Будешь рисовать по пояс? Или штаны тоже снять?

— Снимай, если не против.

Радмир скинул спортивки, затем избавился от носков. Теперь он стоял перед художником почти обнаженный. На нем остались только черные боксеры. Загорелый, мускулистый парень открыто встретил взгляд Данила:

— Руководи мной, мастер. Я не знаю, как правильно позировать.

— Просто садись. Главное, чтоб удобно было.

Скрипнул стул. Радмир устроился на нем, свободно откинувшись, и вольным движением заложил руки за голову. Даня подобрался. С преувеличенным вниманием принялся точить карандаш:

— Сможешь долго так просидеть? Затекут ведь.

— Я иногда сплю так. Нормально. Начинай.

Это было именно то движение, которое Даня видел в душевой. Пылая лицом, он попытался успокоиться, настроиться на рабочий лад. Усилием воли поднял взгляд. Принялся внимательно рассматривать Радмира. Уже нельзя было ни стесняться, ни спешить: ошибка, допущенная в самом начале, могла впоследствии загубить всю работу.

Сейчас Радмир был полностью открыт, доступен глазу. Свободно раздвинуты крепкие ноги, свет из окна ложится на литой пресс. А эти руки, заложенные за голову — чего здесь больше: уязвимости или доверия сильного? Покорности, чтоб сдаться в плен? Или нарочитой неги, которая сама пленяет смотрящего?

Данил бы охотно поддался тому восхищению, с каким разглядывают произведения искусства. Чтобы образ Радмира запомнился возвышенным и чистым. Но ссадина на коже — след недавней драки — все, все меняла. Кричала красным: вот живая плоть, она

горячая, в ней бьется жизнь! Даня с трудом дышал, наморщив лоб. Нельзя поддаваться, нельзя. В смятении стал выводить первые линии.

Вначале руке не доставало твердости. Затем штрих за штрихом он сам не заметил, как увлекся. Вдруг оказалось, что выбирать — не нужно! Ведь ярко передав только лишь одну грань, он не выразит Радмира целиком. А потому: и уязвимость, и сила. И пленный, и пленитель.

Данил сбился единойды. Когда черед дошел до боксеров. Объемный бугор под черной тканью заставил карандаш дрогнуть в воздухе. Но эта минутная слабость быстро прошла, ведь последние линии тренированных ног уже требовали выписать их на бумаге.

Заштриховав оставшийся участок, Даня оглядел работу и шепнул:

— Готово.

Радмир тут же потянулся со стоном. Рассмеялся:

— Ты прав! Затекли. Ну-ка, давай, поглядим, как получилось.

Раздетый, он двинулся к парнишке на постели. Устроился совсем близко — плечом к плечу. Даня едва дышал. Не смел пошевелиться в ожидании приговора его самой-самой лучшей работе. Что теперь будет? Сдержанная похвала? Недовольство? Или снисходительно подбодрят, лишь бы не ранить? Данил приготовился к худшему. Тем более, улыбка Радмира изменилась.

В ласковом голосе звучала грусть:

— Дань... Я тут лучше, чем на самом деле.

— Неправда! — Все кипевшее внутри внезапно выплеснулось признанием. — Ты лучше, чем я могу нарисовать!

В смятении от собственных слов, Данил тотчас отвернулся, обхватил себя руками — сковал запретом. Однако было поздно.

Радмир встал. Надел носки, спортивные штаны, футболку. Пока он шуршал одеждой, Данил сидел неподвижно. Вот он — худший ответ самому себе, которого и представить было нельзя. В груди сделалось тесно.

При первой встрече Радмир показался вершиной, которой никогда не достичь. Никогда не стать таким же — вровень. Но пропасть между ними, на самом деле, была непредставимо глубже: Данино искусство оказалось неспособным эту вершину даже отразить по-настоящему.

Карандаш выпал из пальцев на покрывало. Радмир уже оделся. Сейчас он выйдет, закроет за собою дверь, и все закончится. Закончится и сам Данил — как человек с мечтой, с опорой на любимое дело. Незачем было так долго выбирать профессию и вуз, сотни раз взвешивать, терпеть подначки от друзей, вглядываться в будущее. Какая разница?

Радмир задержался. Склонившись, обнял его.

В кольце горячих рук Даня захныкал. Стыд смешался с отчаянием, а тяга к парню сделалась непереносимой.

Хоть слово, всего одно слово поддержки, и Даня сумеет собрать себя заново, жить дальше! Только бы знать, что этот особенный человек шагнул навстречу. Он с тобой. За тебя.

Радмир погладил по спине:

— Спасибо, что видишь меня таким.

Не успел Даня опомниться, как тот отпустил и бесшумно вышел.

Дверь в комнату осталась открытой.

С наступлением сумерек притихший Данил спустился со второго этажа. Он передумал тысячу мыслей, глядя на графический рисунок. Требовалось усилие, чтобы вернуться в реальность.

Ужинать Ершovy решили на свежем воздухе в беседке. Никаилика уже носили тарелки туда, тетя Катя с кухни весело гремела кастрюлями. Даня тоже занялся сервировкой, но был медлителен. То встанет на пути девчонок с ложками в руках, то примется раскладывать салфетки, а следом вновь соберет их в стопку.

Он не запомнил ни вкуса еды, ни того, что ел на ужин. О чем говорила семья за столом? Данил погрузился в себя. Был молчалив.

Опомнился через несколько часов в прохладе сада. Побеленные стволы яблонь светились из темноты, ветер шелестел листвою. Впереди над зарослями смородины высилась душевая будка: чернела

прямоугольником на полотне темно-синего звездного неба. И Млечный путь, и садовая дорожка вели к ней. Как к древнему храму. Даня приблизился, осторожно потянул дверь.

Чернота. Внутри тепло, немного душно. Здесь пахнет мылом и сыростью. Он переступает порог — слышен скрип. Двигается крошечными шагами, наощупь, с колотящимся сердцем.

Вот Данил встает на заветное место. С закрытыми глазами медленно поднимает руки и обнимает воздух. Замирает так. Дышит. Прислушивается: как бытие здесь отзовется в глубинах души?

Радмир. Его имя рождается на кончике дрожащего языка. Но в последнем аккорде имени эта дрожь становится трепетом. Радмир. Не идеальный фантом — Даня видел красную ссадину, вполне человеческую. Но красивый настолько, что мечты о нем истончаются до грез. Радмир. Радость мира? Или тот, кто миру рад? А может вновь: выбирать — не надо?

Под веками стало светлее. Даня мигом выскользнул из будки. Бесшумно прикрыл дверь с чуткостью преступника. Только потом понял: это всего лишь заглялись садовые фонарики. Вернуться он не осмелился: быть застигнутым в момент такого единения с собой — хуже смерти.

Больше прежнего охваченный мыслями о Радмире, Данил побрел в беседку. Снял обувь и с ногами

забрался в его кресло. Гладил правый подлокотник, словно живое существо — ротанг хранил тысячи прикосновений Радмира.

В груди ширился простор. Настолько большой, великий, что Даня отстраненно удивлялся: как внутри все это умещается? Неужели именно в нем?!

— Надо бы нам прогуляться.

Радмир в летнем спортивном костюме стоял у входа в беседку. Лицо скрывала тень девичьего винограда. Даня кивнул, спустил ноги и принялся обуваться. Когда все мысли предельно сосредоточены на одном человеке, его появление рядом — лишь вопрос времени.

Вдвоем они вышли из ворот в поселковую ночь, оставив дачу позади.

Под фонарями роилась мошкара. Уже без утайки Данил разглядывал Радмира. Тот был задумчив. Казалось, собирается с мыслями, чтобы заговорить. Но медлит. Такой высокий, сильный — чего ему бояться?

Засмотревшись, Даня споткнулся на пути.

— Держись.

Радмир сам взял за руку. Даня сжал его горячую ладонь. На душе сделалось так легко, что следом и тело будто потеряло в весе. Если хорошенько оттолкнуться, то впервые земное притяжение отпустит. Сам ветер — холодный после вчерашнего дождя — бодрил, мягко подталкивал в спину. Даня закоченел на грани счастливой невесомости.

Вот на окраине магазинчик, дремлющий под желтым фонарем. Неподалеку большая лужа. От лампы наверху в ней пляшут золотые блики.

Обогнув лужу, повернули обратно. В лицо веяло сыростью с реки. От избытка переживаний и ночной свежести Даню начало знобить. Теперь он держался еще ближе к Радмиру — тот пылал живым жаром. Точно вну-три него, как в печи, горел ровный огонь.

Впереди показалась дача. Как вдруг парень остановился:

— Эй, ты чего дрожишь? Замерз?

— Н-нет, я н-норм.

Не слушая сбивчивых бормотаний, Радмир взял его за плечо, потом приложил пальцы к щеке, ко лбу:

— Ты же ледяной весь. Ну-ка, давай в дом.

— Н-нет, Радмир! Пожалуйста, п-пожалуйста, еще хоть чуть-чуть!

— Заболеешь ведь, если не согреешься. Пойдем скорее.

Даня засопел. Неужели Радмир считает его настоль-ко хрупким?!

Усилием воли выпустил горячую руку и отступил на шаг. Со всей твердостью, на которую был спосо-бен, произнес:

— Не пойду. Я хочу с тобой, здесь быть.

Радмир оглянулся на желтые окна коттеджа. Потоп-тался на месте.

— Ладно. Пошли, тут рядом. Только, чур, недолго.

У соседских ворот громоздились кусты калины. Под ними — как в гроте — ютилась низенькая лавочка. Радмир устроился на ней. Расстегнул куртку спортивного костюма. Нетерпеливо похлопал по коленям:

— Садись.

Стоило Дане забраться, как он тотчас обхватил его с двух сторон теплой курткой. Привлек к себе, сказал вполголоса:

— Холодный какой... Ну, так лучше?

Данил поерзал, высвободил руки. Их лица были совсем близко.

— Можно? — дрожа, обнял Радмира за шею.

— Давай, грейся.

Даня прижался к нему тесней. Ткнулся носом в воротник, вдыхал и выдыхал. Радмир пах горячим и сухим запахом, напоминавшем о заводах, автомобилях, оружии. Немного кедровой смолой. Наверное, это был след лосьона после бритья.

Дане не верилось в происходящее, настолько чудесным оно предстало. Разве возможно оказаться ближе, чем в минувшем сне? Да. Ведь сквозь футболку сердце теперь бьется о самого Радмира.

Среди шелеста листьев послышался тихий смех:

— Данька, Даня! Какой же ты хорошенький! С ума можно сойти. — Пальцы растерли озябшую спину до жара, потом зарылись в волосы на затылке. — Положил

бы тебя в карман и унес с собой. Чтоб всегда — рядом. Эх, вот бы ты был моим братишкой...

— А давай? Я буду. Я хочу!

— Да, только тебе ведь нужен вовсе не старший брат и даже не друг.

Голос Радмира звучал буднично. Однако Данил дрогнул. Осознал: прямо сейчас он сидит на коленях у взрослого парня. Да еще так откровенно тянется к нему, льнет.

Опаленный стыдом, Даня тотчас разомкнул объятия, попытался встать. Следовало немедленно уйти, спрятаться в комнате. А еще лучше — не появляться вовсе. На свет. Никогда.

Радмир не отпускал. Тогда Данил рванулся изо всех сил. Но так и не сумел освободиться: мускулистые руки оказались стальным обручем, который невозможно разжать. Путь к бегству отрезан.

— Я отпущу. Только дай договорить. Пожалуйста.

— Да все уже, — просипел Даня, мучительно отворачиваясь. — Чего теперь говорить. Ты же понял.

— Верно. — Радмир кивнул. — И повторю: мне хочется, чтоб ты был моим братишкой. Не кто-то другой, а именно ты. Такой как есть.

Ветер прошумел калиной, снова сделалось тихо.

Данил обмяк. Уткнулся лбом Радмиру в плечо. На выдохе закрыл глаза.

Что-то сдвинулось в душе. Что-то большое. По-настоящему важное.

Первый человек, узнавший правду, принял настоящего Даню целиком. Благодарность за это граничила с покорностью. Попроси сейчас Радмир о чем угодно — пуститься на преступление, стать героем, умереть или спасти кого-то — Данил сделал бы это без колебаний. Какой же поступок совершить в его честь, ради Радмира? Вот бы попросил!..

— Все? Не будешь убежать?

— Не буду.

— Хорошо. Давай тогда устроимся получше.

Радмир стянул спортивную куртку. Накинул Дане на плечи — совсем теплую, большую. Гладил задумчиво по спине, порой хмыкал собственным мыслям. Видя такое его спокойствие, Данил нашел смелость спросить:

— Ты давно понял?

— Догадываться начал, когда рисунки увидел. Но убедился только сегодня.

— Вот же палево, — Даня нервно рассмеялся. — Ничего больше не буду никому показывать.

— Эй, эй! Нет! Это самое худшее, что ты мог решить!

Радмир отклонился назад, стремясь заглянуть в лицо. Даже встряхнул легонько. Данил впервые увидел его испуганным.

— Почему?

— Через рисование ты выражаешь себя! Никогда этого не стесняйся, слышишь? Даня, поклянись показывать свои работы другим людям.

— Но тогда все тоже поймут. Догадаются, как и ты. Разве нет?

— Пусть. Это не самая высокая плата за право быть настоящим.

— Ну... ладно. Клянусь.

Радмир поднялся со скамейки. Поставил Даню на землю. Отбрасывая длинные тени, вдвоем они пошли к даче на теплый свет окон.

3

Утром во дворе Данил обнаружил, что место под навесом, где обычно стоял белый джип, пусто. Как выяснилось, тетя Катя, дядя Миша и Радмир спозаранку уехали закупать продукты. На даче остались только Никаилика с Григорием Афанасьевичем.

Данил заскучал. Пробовал возиться с Эльбой, но собака не хотела играть. Постоянно крутилась возле сарая, обнюхивала землю, скулила, звала кутят. Девчонки с куклами заняли беседку, говорили между собой на немецком — не подступиться. А Григорий Афанасьевич читал в саду: задремлет, потом очнется, перелистнет страницу, и снова седая голова клонится на грудь.

Ближе к полудню Данил услышал знакомый шум двигателя. Бегом спустился со второго этажа, кинулся открывать ворота. Вот бордовые створки разошлись, вкатил долгожданный джип.

Дядя Миша заглушил мотор. Хлопнули дверцы. Радмир, груженный пакетами, выбрался из салона. Кивнул назад:

— Дань, сможешь перетаскать на кухню?

Едва открыли багажник, Данил выхватил оттуда, сколько мог унести. Вслед за Радмиром потянул продукты в дом. При каждой новой ходке с нарастающим любопытством разглядывал угощения: фрукты, овощи, подложки с мясом и конфетами, бутылки вина и золотистого масла, зелень, прозрачная коробка с красивым тортом внутри. Яркие восточные салаты даже сквозь пакеты пахли так пряно, что Данил мигом проголодался.

Вдвоем с Радмиром они носили и носили покупки, тетя Катя пыталась уместить все это в холодильнике. Места не хватило. Часть запасов пришлось временно разместить на кухонном столе, на стульях.

Притащив последний пакет, Данил отщипнул оттуда с тяжелой виноградной грозди одну ягоду, наспех сполоснул под краном. Ее прохладный шарик лопнул во рту сладким соком. Даня с уважением оглядел съедобные завалы на кухне. Спрятал виноградные косточки под языком, чтоб не мешали говорить. Обратился к тете Кате, суетившейся на кухне:

— Вы столько берете, и ничего не пропадает? Мы так закупаемся только на праздники. Ну, в Новый год или на дни рождения.

Тетя Катя убрала вино в шкафчик:

— Так и мы на праздник! Отец ведь с Радмиркой уедут скоро.

— Куда?

— Ну как же? Сначала в Москву поездом. Там вещи заберут и уже самолетом без пересадок в Мюнстер полетят. Но перед этим провожать будем. На отвальную надо есть и пить до отвала!

— А... когда?

— Стол завтра накрываем. Ближе к вечеру, чтоб не в самую жару. А поезд у них послезавтра в полдень. До станции все вместе доберемся — это рядом тут, в паре километров. Посадим их, и назад. Слава богу, машину успели переоформить, а то бы я сама с этими бумажками не справилась.

Тетя Катя продолжала говорить. Данил в оцепенении разглядывал пакеты. Через минуту машинально отступил в сторону, когда на пороге появился дядя Миша. Тогда паренек, не поднимая глаз, побрел по лестнице на второй этаж в свою комнату. Что-то мешало, назойливо мешало под языком. Он судорожно раскусил помеху. Тотчас рот наполнился терпкой горечью. Это были виноградные косточки.

Богатый стол ломился от угощений. Запеченное мясо, соусы, тарталетки с икрой, причудливо нарезанные фрукты. Вот только есть не хотелось. Даже восточные салаты, раньше казавшиеся такими аппетитными, теперь стали просто яркими пятнами на скатерти. Данил что-то набрал в тарелку, лишь бы не привлекать внимания и не обидеть тетю Катю. Поддевал вилкой крошечные кусочки. Будто вату жевал.

Даня опомнился лишь раз, когда дядя Миша налил водки. Удушающий жар, потекший по горлу в грудь, заставил ненадолго вернуться в происходящее. Потом опять все сделалось безразличным.

Тетя Катя снимала застолье на фотоаппарат. Много и шумно говорили о планах, что надо сделать по приезду в Мюнстер. Нарезали торт. Радмир с Никойиликой стали запускать фейерверки. Из газона на дымных стеблях в темнеющее небо с треском потянулись огромные огненные цветы. От их света задрожали тени деревьев и кустов на земле.

Данил не смотрел на разноцветные вспышки. Только на рослый силуэт, который стоял спиной. Неужели это последний вечер? Ведь так ясно представлялся приезд родителей! Как дядя Миша скажет папе: «Парень у тебя — во!» и покажет большой палец. Как Радмир, стоя рядом, обнимет Даню с уважением. Да только в воображаемой картине изначально крылась ошибка, обидная до боли: уже завтра поезд увезет Радмира,

а родители вернутся через три дня. Давно придуманное будущее сбыться не могло.

Наконец стали убирать со стола. Данил все сидел, стискивал незаметно краешек скатерти. Словно над бездной держался за него.

Радмир вышел из коттеджа с полотенцем. Сказал матери:

— Мы с Даней ходим на речку. Хочу напоследок искупаться.

— Возвращайтесь поскорее, ладно? Завтра же вставать рано.

Данил отпустил скатерть и поднялся. Вслед за парнем вышел из ворот.

Дорогу освещала полная луна. Виделся отчетливо каждый камешек. Но лес за рекой казался аппликацией из черной бумаги. Вот уже веет в ночи свежестью, слышится плеск, шелест рогоза.

Радмир постелил полотенце на берегу. Они сели плечом к плечу, на пороге лунной дорожки. Даня отстраненно замечал, как все переменялось: прежде с каждым летним днем в сердце ширился простор. Теперь же он раскинулся так всеобъемлюще, что Данил потерял в нем себя. Вроде бы нужно сказать Радмиру много-много важных слов на прощание. Но зачем? Зачем, если по-настоящему всего не выразить?

Даня даже удивился, когда тот заговорил вполголоса:

— Уезжать навсегда — так странно. Будто часть души отделяется. — Радмир покачал головой. — Хотя отделяться нечему, конечно. Ведь места, к которым я так привязался, частью меня самого никогда не были. Я — только я.

В звуки близкой реки влился его надломленный смех:

— Повторяю это, повторяю! И не помогает. Я же вырос тут. Каждое лето на даче. Еще друзья, город родной, школа, универ, зал тренажерный — столько в них было событий разных! Неужели все это здесь останется? — Радмир порывисто обнял Данила, потерся виском о его висок и тотчас отпустил. — А ты для меня особенный. Будто все, от чего я уезжаю, в тебе одном собралось.

Прошелестел рогоз. У берега плеснуло, лунную дорожку пересекли круги.

— Столько всего держит здесь. Видимо, я за прошлое не расплатился еще. Дань. Скажи, чего ты хочешь? Что мне тебе отдать? Возьми любую вещь!

— Мне вещи не нужны.

— А что тогда?

Данил перебрался вперед. Сел перед Радмиром совсем близко. Положил руки на его широкие плечи. Молча ждал, глядя в глаза.

Парень медлил. Потом кивнул.

В ночной темноте их губы соприкоснулись. Вначале это было робкое движение: ни тот, ни другой не решались двинуться навстречу. Еще немного, и нить

поцелуя прервется. Но Даня чуть потянулся вперед, и тогда парень открылся ему. Обнял сильными руками, прижал к себе. Без ложного стыда стал отвечать — прямо и честно.

Даня почувствовал вкус Радмира. По-мужски жаркий, он нес в себе чистоту, искренний напор. Действовать с ответным напором было так естественно, так приятно, что парнишка понял: происходящее сейчас верно по самой своей сути. Для Дани это — правильно.

Вот весь Радмир. Распахнутый настезь. С поцелуем в Данила щедрым потоком вливается его сила, его доброта, признание. Уже заполнился простор в душе. Столь желанное равенство меж ними, наконец, достигнуто! Но дается еще больше, и Даня с благодарностью принимает. Обвивая руками шею Радмира, знает: даже много лет спустя он будет мыслями возвращаться в этот миг на берегу реки — черпать уверенность и радостное мужество жить полно, смело брать свое предназначенное.

Даня сам закончил поцелуй. Счастливый, сытый, смотрел на Радмира. Изобильная реальность была лучше любого придуманного будущего.

Радмир, улыбаясь, погладил по щеке:

— Я ошибся: ты не просто хорошенький. Ты хороший.

Данил покивал, и тогда Радмир со смехом повалился спиной на полотенце, увлекая за собой. Принялся тискать, ерошить ему волосы. С восторгом сказал в звездное небо:

— Блин, никогда бы не подумал, что в меня пацан влюбится!

— Да запросто, — Даня зафыркал. — Лично я не понимаю, как вообще с тобой другие люди дружат и не влюбляются.

Теперь, когда меж ними установилось равенство, говорить стало легко. Данил свободно прикасался к парню: водил пальцем по линии грудных мышц, гладил его руки, с удовольствием терся носом о плечо.

— Даня-Даня, так только кажется. У меня ведь куча недостатков есть.

— Например?

— Ну... Я слишком часто тревожусь. — Радмир произнес это задумчиво, будто обращаясь к небу. — Вот поедем. Если маму, деду, Лику или Нику кто-то обидит, как мне защитить их оттуда? А в Мюнстере нам с папой подниматься нужно, обустроиваться, чтоб забрать их поскорей. Я на любую работу пойду! Честное слово, хоть посуду мыть, хоть мусорщиком. Буду спать меньше, если потребуется. Даже тренировки могу отложить временно — потом, когда все уладится, пойду в зал. Я готов, но...

Парнишка выжидающе молчал.

— Дань. Мне страшно.

Быть на равных — означало не только дотянуться до вершины, но и соответствовать ей в дальнейшем. Поэтому Данил долго думал. Готовился, прежде чем ответить.

— У меня дома есть энциклопедии. Целая серия: «Я познаю мир». Про охоту, про корабли, динозавров. Мне всегда больше нравилось картинки разглядывать, но кое-что я все-таки прочел. В одной из книг было про ершей. Это маленькие рыбки, которые обитают в самых разных местах на планете. Даже в самой грязной воде, где все остальные рыбы погибают, ерши способны выжить. А у тебя фамилия Ершов. Ты точно выживешь.

На минуту Радмир прижался к нему головой. Выдохнул.

С легкостью поднялся:

— Раз так, айда плавать. Умеешь?

— Да не особо.

— Пойдем, не бойся — я умею. Взбодрись заодно.

Данил смотрел, как парень раздевается. Вот он — нагой, весь в лунном свете — разбегается по травянистому склону и с ловкостью ныряет. Надо или следом, или остаться на берегу. Но времени у них — побыть вдвоем — так мало. Переборов стеснение, Даня медленно снял футболку, потянулся к шортам. В большой спешке принялся скидывать одежду. Быстрее, в воду, пока Радмир не обернулся, не увидел, как тело откликнулось на его наготу.

От погружения захватило дух. Внезапный речной холм едва не заставил Даню хлебнуть воды вместо воздуха. Он вынырнул, отплеываясь, принялся судорожно

искать ногами глинистое дно. Радмир тотчас подплыл ближе: ухватив за подмышки, приподнял.

— Спокойно, я держу.

Даня задышал ровнее. Они сместились к берегу. Скоро ступни коснулись камня, на котором можно уверенно стоять. Даня привык к воде, перестал дрожать. Больше не боялся течения. Радмир плавал неподалеку: то разбегутся круги на лунной дорожке, то покажется его голова, раздастся смех и плеск. Данил стоял в реке по грудь и улыбался, наблюдая за ним. Вдруг оказалось, что важнее всего — это не выразить простор души в маленьких словах. А просто знать: Радмир есть. В реке ли, на берегу, на даче или в далеком Мюнстере. Он есть на свете.

Белый джип Ершовых припарковался у вокзала. Едва дядя Миша открыл багажник, как оттуда выпрыгнула Эльба. Следом Радмир вынул сумку на колесах, два больших рюкзака. Данил помог. Тетя Катя шуршала пакетом с едой, а девочки уже вели под руки Григория Афанасьевича к лестнице.

Было солнечно, жарко, прогуливались отъезжающие. В привокзальном кафе играла музыка, трепетали разноцветные флажки на высокой ограде. Откуда-то пахло лимонадом, как на празднике.

Вот под неразборчивые бормотания серебрястых громкоговорителей подошел поезд. Дядя Миша

с Радмиром показали билеты проводнице, оставили вещи в купе и снова вышли на перрон.

Григорий Афанасьевич, обнимая по очереди сына и внука, пробормотал:

— Когда не станет меня, похороните рядом с бабушкой. Я на этой земле родился — мне здесь быть, с ней рядом. А уж потом Катю с девочками в Германию к себе забирайте. Благословляю.

Ершовы зашумели. На разные лады старику принялись расписывать будущее: как сам он еще приедет в Мюнстер и будет удивляться городу и новой жизни, как Никаилика станут помогать в изучении языка. Но Григорий Афанасьевич только кивал, а на все доводы твердил свое «Я вас не задержу».

Когда эта волна оживления спала, Радмир обнял маму. Говорил тихо-тихо.

— Конечно, Радмирка, конечно. Все будет хорошо.

Она отпустила сына, чтобы попрощаться с мужем. Тем временем Никаилика отодвинулись в тень поезда: складывая ладошки рупором, по очереди шептались друг с дружкой на ухо, хихикали. Готовились.

Радмир воспользовался этой минутой — крепко пожал Данилу руку.

— Не забудь о том, что я тебе сказал. Лады?

Даня мелко закивал, улыбнулся в ответ. Хотелось произнести хоть слово, но стиснутые зубы никак не

разжимались, никак. А тут Никаилика, переглянувшись, звонко грянули в унисон:

— Hoffentlich bis bald, lieber Bruder!⁶

Радмир чмокнул сестренку:

— Увидимся гораздо быстрее, чем вы думаете.

Вновь ожили серебряные громкоговорители. Проводница поторопила отъезжающих. В поднявшейся суете Радмир все-таки опустил на корточки перед Эльбой. Заглянул ей в глаза, потрепал по темной холке:

— Эльба, мы тебя тоже заберем, обязательно. А пока охраняй всех наших.

Собака обрадовалась вниманию хозяина, завиляла хвостом.

Дядя Миша и Радмир скрылись в поезде. Только в окне вагона появились снова: укладывали рюкзаки на верхнюю полку, стучали в стекло, улыбались.

Поезд тронулся. Тетя Катя шагнула за ним, еще раз помахала. Никаилика опять взяли Григория Афанасьевича под руки, чтобы вести к машине.

Тут забеспокоилась Эльба. То смотрела на движущийся состав, то на оставшихся людей. Как же так? Ведь сейчас двое хозяев совсем уедут.

— Пойдем, Эльбушка. Домой пора.

Та заскулила. Прянула в сторону. Вдруг сорвалась вдогонку за поездом.

⁶ «Надеемся, что до скорого, любимый брат!»

— Эльба! Ко мне! А ну вернись! Эльба!

Испуганно замерли девочки. На крик тети Кати стали оборачиваться прохожие. Данил встрепенулся. Задушенно бросил за спину:

— Я приведу, — со всех ног кинулся следом.

Данил мчал по перрону, едва не наскакивал на людей. Перепрыгнул чью-то сумку. Вровень с поездом, набирающим ход. Быстрее надо, быстрее! Эльба летит стрелой впереди, вспугивает голубей. Хлопают крылья.

Овчарка так близко к поезду, что может упасть под стучащие колеса! Может потеряться, не найти дороги назад! Но не слышит команд, не слушается — всем поджарым телом стремится вперед. И такая жгучая, смертельная досада взяла на собаку, что Данил расплакался на бегу.

— Да постой ты! Стой! Ну куда!

Заколело в груди от надрывного дыхания. Даня размазывал слезы, чтоб не мешали, гнался изо всех сил.

Перрон закончился пологим спуском. Под кроссовками заскрипела щебенка. А поезд был уже далеко, Эльба на путях виднелась темным пятнышком. Вот они скрылись из виду.

Даня — взмокший, загнанный — остановился на краю насыпи.

Зной. Полуденное солнце печет голову, в траве по обочинам скрипят кузнечики. Ни людей рядом,

ни голосов. Пахнет мазутом, рельсы блестят и колеблются впереди в летнем мареве.

Время шло. Дыхание Дани выровнялось. Он поочередно поднял руки, чтобы утереть испарину с висков о короткие рукава футболки. Думал, как теперь рассказать тете Кате о пропавшей собаке. Шмыгал.

Далеко-далеко впереди на путях показалась темная точка. Если сощуриться, то видно, что это Эльба трусит по шпалам. Возвращается.

Овчарка остановилась в нескольких шагах от Данила. Глядела виновато. Чуть вильнула хвостом. Он с горьким смешком бросил:

— Что? Не догнала?

Эльба подошла ближе. Ткнулась лбом ему в ноги. Не догнала, мол, прости. Даня опустился на колени, хотя щебенка больно врезалась в кожу. Обнял собаку за шею. Гладил. Успокаивал.

Вечером тетя Катя постучалась в комнату Дани.

— Я там сливы собрала. Перебрать надо, компот сварить, а девчонки кукусятся, не хотят ничего делать. Поможешь?

Хотя было еще светло, в беседке зажгли лампу. В большом тазу на столе громоздились плоды — лиловые, синие от налета. Данил с тетей Катей разрезали их, бросали косточки в эмалированную чашку. Готовые сливы отправляли в другой таз поменьше.

— Радмирка сказал, ты можешь забрать вещи из его комнаты. Любые, какие захочешь. Я тоже считаю, так будет правильно.

— Нет, я не возьму ничего. Спасибо.

Тетя Катя продолжала перебирать сливы. Поглядывала на понурого гостя. Косточки одна за другой звякали о чашку.

— Ты, Данилка, уже достаточно взрослый. Думаю, можно с тобой об этом говорить. Вряд ли поверишь, конечно... Переживания улягутся, правда. Станет легче. Встретишь хорошего человека и потом сам удивишься, как все замечательно складывается. Хотя сейчас это кажется невозможным. Верно?

Пальцы Данила, перемазанные соком, дрогнули.

— Так вы... вы...

— Первая влюбленность обычно такая. Счастливой бывает редко. Но без этого опыта не понять, что тебе нужно на самом деле.

— Вы меня ненавидите?

— Да ну брось, Данилка! Что за глупости!

— Почему?

— Мы ж в Германию собираемся. Там это дело обычное. А со своим уставом в чужой монастырь не лезут. — Тетя Катя мягко усмехнулась. — Ну, не стой же столбом, сливы сами себя не переберут.

Даня схватил сразу несколько плодов, сложил кучкой, принялся торопливо резать. Прятал взгляд под

соломенной челкой. Тетя Катя проследила за ним, потом тоже продолжила работать.

— Я своего сына знаю. Он бы тебя не обидел. А вот, что меня по-настоящему беспокоит: Мариша своего сына — знает?

Данил помотал головой.

— Хочешь, я с ней поговорю?

Стало страшно. Представился осуждающий взгляд родителей. Пронзающий до самых костей и дальше. Насквозь. Можно потом уехать в общежитие, в другой город, в какую-то другую страну и жизнь. Но пораненной душа останется, куда ни беги.

Радмир говорит: «Это не самая высокая плата за право быть настоящим».

Эта — самая.

Тетя Катя не торопила Данила с ответом. Брала сливы из одного таза, резала, половинки бросала в другой. Когда остался последний целый плод, Даня кивнул.

Родители вернулись загорелые, веселые. Мама первым делом зацеловала Даню, сказала, что подарки ждут дома. А папа не смог поднять его на вытянутых руках. Пообещал вместе записаться в тренажерный зал.

Из Малайзии они привезли кучу сувениров: редкий сорт меда, забавные деревянные башмачки, коробочки из бамбука с сушеными фруктами. Никуилику было не оторвать от гостинцев. Тетя Катя охала, все предлагала

заплатить за подаренный шелк. Но никаких денег с нее, конечно же, не взяли.

Вечером было застолье. Тетя Катя на разные лады расхваливала Даню, привела целый перечень дел, которые они с Радмиром выполнили на даче. В глазах родителей засветилась гордость. Только Данил не мог в полной мере разделить их радость от встречи. Каждый знак внимания — кусочек рыбы, подложенный в тарелку, объятия — все тревожило, казалось незаслуженным. С горечью думалось: а завтра, после откровенной беседы с тетей Катей, мама с папой будут также добры, также заботливы? Или уже нет?

Настало утро отъезда. Попрощавшись с Григорием Афанасьевичем и Никойиликой, Данил вышел за ворота. Родители задерживались: на втором этаже разговаривали с тетей Катей. Он знал, о чем именно.

Даня стоял на солнцепеке возле машины, держал тяжелый рюкзак. Было бы гораздо проще закинуть ношу в салон, но теперь ему будто бы требовалось для этого разрешение. Он даже не позволял себе отойти в тень каштанов. Черный рюкзак пачкал в пыли длинные лямки, тянул к земле все сильнее. Данил так запутался в гнетущих видениях возможного будущего, что не понимал уже, то ли он держит рюкзак, то ли этот противовес в руках не дает ему самому свалиться на дорогу. Кружилась голова.

Первой вышла мама. Окинула Данила новым взглядом. Вдруг подбежала. При виде ее поднятых рук он дрогнул, едва не отшатнулся. У мамы заблестели слезы, однако она сдержалась. Тогда совсем осторожно, будто извиняясь, потянулась снова. И вот обняла:

— Сына...

Даня уронил рюкзак в пыль. С трудом дышал прерывисто в ее светлую блузку. Потом зажмурился, чтобы не видеть больше ничего вокруг. Было жарко, так нестерпимо жарко, словно само Солнце стало ближе.

Данил перестал жмуриться, когда услышал отцовские шаги. Тот с мрачным лицом прошел мимо, ни на кого не глядя.

— Садитесь в машину. — Устроился за рулем, хлопнул дверцей.

Тетя Катя как ни в чем ни бывало расцеловала маму, всучила той пакет абрикосов. Обещала навеститься.

— Мы через два дня тоже в город вернемся. Позвоните, как доберетесь!

Прощаясь с Даней, шепнула:

— Если дома будет трудно, приезжай. Адрес знаешь.

Когда вся семья разместилась в авто, мама внезапно перебралась назад к Данилу, хотя обычно ездила на переднем сидении.

— Так соскучилась, что отпустить не хочу!

Она улыбалась, голос ее подрагивал.

Под шум мотора начала отдаляться дача Ершовых, бордовые ворота, заросли калины, река. Прочь уплыл весь дачный поселок.

В дороге папа молчал. Посматривал порой через зеркало заднего вида в салоне на Данила. Но едва встречал его взгляд, как тотчас снова принимался следить за движением на трассе. Мама склонилась к Дане, сказала украдкой:

— Это трудно не только тебе. Дай ему время, — и взяла за руку.

Через несколько часов машина подкатила к родному многоэтажному дому. Остановилась на парковке. Все трое сидели неподвижно. Папа хмуро смотрел сквозь приборную панель. Наконец произнес:

— Если тебя хоть кто-нибудь тронет... — руки его сжались на руле. — Сразу мне говори, понял? Я своего сына в обиду не дам.

— Понял. Хорошо, пап.

— Все. Тогда выгружаемся. Багажник я сейчас открою. Не давай маме тяжелое таскать. Пускай вон лучше абрикосы несет.

С сумками зашли в лифт, поднялись в квартиру на восьмом этаже. Из прихожей мама с папой пошли на кухню, а Даня возился, будто бы распутывал шнурки на кроссовках. Вот щелкнул электрический чайник, зазвенели чашки. Данил выпрямился: сгреб одежду

родителей на вешалке в охапку, прижался к ней лицом и отпустил.

В его комнате все было как раньше. Та же постель, золотистые шторы, компьютер, плакат с героями любимой MMORPG. Даня прошелся, примеряясь к знакомым вещам. Прислушиваясь к тому, что внутри.

Так вот какво это — чувствовать поддержку родителей! Их фигуры незримо рядом: мама с папой вздымаются за спиной добрыми исполинами. Любят тебя настоящего. Ободряют. И уже никакой темной силе не сломить Данила. Потому что свет главных людей сильнее.

Даня увиделся с друзьями в последние дни лета, когда общая суета с вузами и документами улеглась. Встретились на привычном месте у канала.

Было солнечно, плакучие ивы полоскали ветви в зеленоватой воде. Один курил в тени деревьев. Другой подкрался сзади, повис на спине:

— Попался?! Ого! Че с тобой? Стероиды жрешь?

— Э, Даньчик, кубики на животе есть? А если найду?

Со смехом и привычными подколками они осыпали Даню новостями, своими достижениями. Первый так и не поступил на физтех, потому устроился на работу барменом. Второй готовился к переезду в Казань.

Наговорившись досыта, расселись на холме. По траве пробегал ветер, летали стрекозы. Отсюда открывался вид на канал и далекие многоэтажки.

— Даньчик, ты-то как? Поступил? Ха-ха! Или еще думаешь?

— Все, буду здесь учиться, на курсе станковой и мнументальной живописи.

Даня сам себе кивнул. Приемная комиссия — строгая до жестокости в фантазиях — на деле оказалась компанией уставших за день преподавателей. В рисунке готического замка ему указали на ошибки перспективы. Попеняли на плохое композиционное решение с нимфой. Воин им не понравился пропорциями. А портрет Радмира и вовсе никто комментировать не стал. Зато, когда вывесили списки, Даня обнаружил: его приняли на бюджет.

— Художником что ли? Главное, не дизайнером.

— А то мы боялись. Вдруг.

Данил обвел приятелей взглядом:

— Я хороший. Мне сказал это человек, которого я уважаю. Ясно?

Насмешки смолкли. Стало слышно машины на далекой трассе.

— Ну... Конечно хороший. Это, мы же прикалываемся.

— Ты не подумай, да? Я так, чисто.

— Норм. Не парьтесь, — Данил отвернулся к воде.

Друзья чиркали спичками, подкуривали. Переглядывались. От Дани — обычно мягкого, покладистого — никто не ждал отпора.

Только после некоторого молчания они справились с замешательством.

— То, что на художника пошел — круто.

— Да, красавчик, Даня. Это твое.

— О, надо, чтоб меня нарисовал! Лет через десять-двадцать Даньчик прославится, а я его картину на аукционе за пару лямов продам.

— Ха! Кому нужна твоя рожа за такие деньги?

Они продолжили гомонить, но Даня больше не слушал. Серьезный, из-под соломенной челки наблюдал внимательно, как бежит вода в канале.

Adiba

THE ACCIDENT

The first thing that pulls me out of my dream is the loud sound of a blow, then the smell of burning rubber, and finally, pressure in my chest. A painful wheezing gets out of my lungs when I attempt to take a breath. I try to bring myself to reality and shake off the last bits of the dream from my eyelids—what was I dreaming about? Was it about a mesmerizing length of lavash? Of women’s hands that rolled and put it in a clay oven? Of poets who’d compare it with the tender ear of a hare, transparent enough to let the sun shine through it? I open my eyes to see the web of a broken windshield.

A limping figure comes to my door, opens it, frees me out of a seatbelt, and helps me from beneath an inflated airbag and out of a fuming car. It’s Lucine, clearly in pain, her breathing forced. She is dressed in jeans and a navy hoodie. Her short hair gives her the appearance of a teenage boy, a look that immediately made me feel at ease when we met yesterday. She drove her car with an effortless swagger, masterfully peppering her language with

swear words here and there while Russian rock blared from the car's stereo.

A man starts pouring water out of a bottle on me. Later, I realized he was the driver of the KamAZ truck that our car had crashed into. My wet face immediately attracted dust and smoke that filled up the air. In the following half-hour, police, an ambulance, Anahit, and our father arrived. For a moment, I try to comprehend the scene: blinking blue of a police light bar, Anahit's hasty voice talking to someone on the phone, a police officer asking Lucine questions, two women from the ambulance opening the door of their vehicle, cars indifferently driving by, my father in a suit, coming towards me with a bottle of water, a man with a camera filming the scene.

Less than a day ago, I didn't know these people. I had never been here. These mountains, this sky, and this ground are foreign to me. I don't belong here.

Stop. Maybe I should start the story 24 hours earlier. Let's rewind.

My aunt, a beautiful Kazakh woman in her sixties, reaches her hand towards me for help with a snap of a bracelet. I obediently deal with the first one, the second one, and then with the third. My smirk betrays my thoughts of this kitsch. She catches it, adjusting her deep turquoise suit. "It's for your sister, not him," she says, fingers brushing

over three golden chains on her neck, one with a pendant imitating a *tumar* holding a Muslim prayer inside. We are standing in front of the mirror in a hotel room in Yerevan, where we got yesterday night. The pale reflection of my face in the mirror suddenly makes me aware of the existence of my own body. It bled menstrually and ached from the mixture of jet lag and hangover—I celebrated my 27th birthday and my move to Berlin a night ago.

At nearly 10 a.m., we come down to the lobby. I spot the back of an older man in a suit holding a leather briefcase under his armpit. “Arto Gevorgovich!” I call out. As he turns and we hug, I try to order my body to grasp and save a memory of this embrace, this first hug.

It, the body, fails. That was how I met my father for the first time.

He and my aunt shake hands, the golden bracelets convincingly wiggle. We sit at the table in the hotel lobby and order some tea and coffee. His daughter, my half-sister, Lucine, is running late; no audience for the bracelets after all. My aunt and father start talking, but the specifics of their dialogue are slipping away from my mind as if I'm hearing them in a resonating dull echo. The only thing I am registering is the warmth of my father's hand lying on top of mine.

The visual contrast is striking. The left side is gorgeously dressed and gold-coated, and the right is in a shabby old

jacket with a toothless smile. I recognize the melody of my aunt's speech, her typical diplomatic voice gives a summary of my life that sounds like a report to the UN commission. However, I am inconceivably grateful for this speech because talking myself seemed impossible. My vocal cords dried out. My body is just sitting there, useless. Then, I distinguish the melody of my father's voice: soft, tender, but firm, with a slightly Armenian tonal twist at the ends of the sentences.

He talks about his life, his three daughters, two from the first marriage and one from the second, the boys never survived—all miscarriages, so having daughters seems to be his fate. He teaches philosophy, sociology, and several other subjects at three universities in Yerevan. While he is talking, I feel his palm striking my head. First gently, then almost aggressively, so I involuntarily bend my head towards the table.

"Oh, I am sorry!" he says. "I was just proving something. See, you have an 'Armenoid' kind of skull. It's slightly flat on the back, which means you are Armenian. This kind of skull is common among Armenians and some Ashkenazi Jews," he explains and places my hand on his head for reassurance. I pat his long grey hair and feel the firmness of the bone.

My aunt and I exchange skeptical looks towards this express parental test. She and I then examine first our skulls and then of each other. The output is inconclusive: both

our skulls are enough Armenian for my taste. “If you want to continue your studies with an academic career, you could use a more distinguished-sounding surname. You can take mine,” he adds.

Stop. Maybe I should start telling this story much earlier. Let’s rewind.

My first word was “papa”, which is strange because I didn’t have one. There were no men in our household that one could call a “father”. I lived with my mom and my grandmother—my grandfather died before I was born. At some point, my mother’s cousin came to live with us for a while, so I started to use a newly acquired word for him. When he moved out, I was heartbroken. I remember crying my eyes out while searching for a tiny passport picture of him, buried in my mother’s drawers amidst endless buttons, scraps of paper, lone earrings, notes, and half-used lipstick tubes, each containing a match for scraping out the last bits. I was hysterically going through this chaos, looking for the little photographic square. Finally, she got fed up with all the crying and told me that actually, this man wasn’t my father, but her cousin. Then she pulled out another, larger photograph, depicting her standing beside a man in a brown suit and a tie. His hair was long and curly, and he looked into the distance with half-closed eyes, his hands in his pockets. “*This* man is your father,” she said.

The only thing we are left with is a myth, a legend, a story, a wave-off performed by those present at birth, be it our mothers, fathers, or other witnesses. My tale is simple but extraordinary: on the eve of the crumbling Soviet empire, a forty-year-old Kazakh woman decides to have a child alone, *rodit' dlya sebya*—it was called. Her father lies on his deathbed, and she calls her recent lover and asks him for comfort and support. He flies over from Yerevan to attend the funeral. She takes out the IUD. When the child is born, she never tells him about it.

Although the longing for a father figure was always there, it felt like a distant sound somewhere in the background. My mother's love was all-embracing and, to a great extent, unconditional. She gave me a lot of comfort, care, and freedom, and she was genuinely amazed by my mere existence. Within such love, there was no space for longing left. Yet, when I reached eighteen, I googled my father, found his contacts, and my mother made a call. His response was warm. "He laughed," she said. Weeks later, he and I had a short conversation on the phone, and he told me that he had informed his whole family about my existence. My world suddenly expanded for the three half-sisters, two older ones—Lucine and Anahit, and the little one—Greta. We all connected on Facebook and planned to meet in person. But life had other plans. Just three months after these phone calls, my mother suddenly died.

This unexpected, life-shattering loss pushed the prospect of meeting my father further away for nearly a decade.

I remember sitting on a chair in front of my first therapist, a specialist from a district health clinic near my university in Almaty, offering five free-of-charge student sessions. As I talked, trying to approach an unfathomable mountain of grief for my mother, a profound realization struck me: there hadn't been a single man in my life who ever said that he loved me, nor had I ever felt their love without those words. It was shocking. All those uncles, cousins, other male relatives, and even a fleeting couple-of-years-present of a step-father—all of them left me with nothing to grab onto. And with the music of my mother's love now silenced, the previously suppressed background sounds began to rise onto the surface.

She entered the room. It was darkly lit with blue neon lights. Her skin sensed the shift in temperature—the room felt slightly warmer than the staircase. Her gaze fell on a group of naked and half-naked bodies, all touching, kissing, and moving in synchrony. One organism with multiple hands, legs, and heads was like a bunch of snakes sliding on one another. More men were sitting on the chairs along the room walls, their legs spread with their wrists in between, rhythmically moving up and down. One of the room's walls opened into the dance floor, a level below, filled with

dancing people. The music pouring into the room was omnipresent and dulled all other senses. The basses reverberating through the body in electrifying waves turned the space into a giant vibrator. The air in the room felt moist and dense, a tangible humidity; one could almost scoop it up like a cream and eat its dark greyish-blue softness.

She stepped closer to the crowd and walked around it, discovering that the room was not as big as it seemed. Suddenly, she became aware that she was the only female in the room. Feeling a sense of unease, she began moving towards the exit, only to find herself amidst the pulsating creature. It was moaning, licking, throbbing, waving its hips to the beats of techno. When she almost escaped the hot embrace of the crowd, she saw a man dancing towards her, smiling. She attempted to go past him, but he playfully gestured “no-no-no” and gently hugged her while continuing to dance.

The *want* that had been accumulating within her throughout the night, suddenly, like a compressed spring, unraveled onto him, and his body—soft, muscular, and wet from the sweat—caught it. His presence emanated secure familiarity, and before she knew it, they found themselves on the leather bed behind the crowd. With the men in chairs surrounding it, the bed resembled a stage. They kissed, and he touched her skin in the places free from the textile and stripes of the black harness. She freed him from his fake leather underwear, put a condom on, and

tasted a forgotten sweetness of latex and lube. He turned her over, and she felt him entering her and how slowly, with every thrust, her body was freed from the simmering torture of desire.

He was the first man who touched her in six years. She stopped sleeping with them, focusing her attention first mostly on women and people of other genders, then on two years of celibacy. And then again, slowly going back to non-cis-male bodies. Was she still craving their affection? Was the sound of the longing for men still buzzing on the surface?

A young, blond, pumped man sat on the corner of the leather bed, watching her and the first man. In the thickened mist of the blue light, his features resembled those of a Greek god. He was caressing himself, and his beautiful face was twisted in an agony of desire. She wanted to comfort him, ease his suffering, and as he pushed inside her, she felt that he was much bigger than the previous one, pain mixed with pleasure.

Two years ago, her father died from complications of COVID-19. They had one single encounter of four days, marred by a car accident. During this brief meeting, she glimpsed the man in the brown suit from the old photograph, and it opened up a new kind of wound—a hope for the possibility of *the real* father. However, he never seized this opportunity, leaving her to initiate annual calls on his birthdays, resulting in meaningless two-minute talks filled

with his empty promises of the second meeting. Now, he was dead. And she was angry.

Then a third man joined and started licking her, his beard tickling her thighs. He was good—tender and thorough—and not long after he started, she finally came. At this very moment, a memory of this exact anger towards her father resurfaced in her consciousness, and for some wild, inexplicable reason, she felt free from it. She no longer craved love that was never meant to be. In its place, a new openness to the affection and care of these men emerged. This connection became apparent yet simultaneously faded, losing its power. The third man grabbed tighter, catching a physical manifestation of her freedom pouring into his mouth.

Blinking blue of a police light bar, Anahit's hasty voice talked to someone on the phone, a police officer asked Lucine questions, two women from the ambulance opened the door of their vehicle, cars indifferently drove by, my father in a suit, came towards me with a bottle of water, a man with a camera filmed the scene.

The ambulance consisted of two paramedics: an elderly woman and a young girl looking scared. They asked me if I had a concussion, but I wasn't sure. Then they gave me a shot of painkillers and colored a bruise on my chest, which was visible from under the shirt, with a solution

of brilliant green *zelyonka*. Later, in my hotel room, I undressed to discover that it was just the beginning of a huge bruise blossoming across my body in the outline of a seat-belt. I stepped out of the ambulance and left the two to deal with Lucine.

A man with a video camera was filming the place of an accident: the front of the car was stripped bare, the motor was smashed completely, it took the whole impact of the blow and it saved us. Anahit, whom I'd already met once, and who previously was cold and distanced, now softened and started talking to me in full sentences. In stark contrast to her older sister Lucine, she embraced a hyper-feminine style: long hair, a skirt suit, high heels, large red glasses, and matching red lipstick. Among the two, she and I looked alike; something about the curve of her lips mirrored my own. Seeing a stranger with my lips on their face felt surreal. She explained that the man with the camera was a reporter. Their family is famous in Yerevan, so the news of the accident will get into the headlines of several internet sites by the evening: "The eldest daughter of Arto K. got into a car accident. Police are testing her for alcohol levels." Lucine got out of the ambulance limping, she refused the shot of painkillers. "I almost killed us," she cried and hugged me.

The next day, my father came to the hotel to pick me up for a trip to the city of Vagharshapat, where Etchmiadzin Cathedral and the headquarters of the Armenian

Apostolic Church are situated. He was in the company of his younger daughter, an eighteen-year-old Greta. Greta was beautiful with short curly hair, a straight outstanding nose, and two clever dark brown eyes. The three of us entered the church. It was warm in colors; the lower part of the walls was white, and the upper part was full of Byzantine floral ornaments but was lacking the gold pathos of Russian Orthodox churches. He bought us several long yellow candles, and the three of us lit them up for the providential escape from possible death in the car crash.

In the evening on the next and last day of my stay in Yerevan, I invited the whole family to a restaurant. Lucine came back from the hospital after her chemo treatment, she was recently diagnosed with lung cancer. She was still limping slightly. We ate shashlik and lulya kebab wrapped in fresh and soft lavash with onions and traditional, freshly cut herbs: cilantro, dill, basil, and tarragon. We drank wine and tea with Armenian sweets. Our father and Lucine were leaving the feast early, but the rest of us—I, Anahit, and Greta—planned to walk through the late-night city. Lucine hugged me tightly to say goodbye and whispered in my ear, “See you soon, *jana*. I am very happy that you exist.”

Stop. Should we fast forward to *the end*?

As I sat by the kitchen window, the cold gray light of a spring sun tried to wash the sleep from my face. Anahit

banged around in the kitchen—wooden doors of the kitchen cabinets, clinking of glasses, rattling of the coffee pot, water being poured into cups. She called out to her sister in the next room, “Lus, how about eggs for our girl?”

I chuckle at the affectionate mundaneness of her “our girl” (*devochke*) describing me, a thirty-three-year-old. A sudden sting of nostalgia aches me, making my heart shrink to the size of a raisin and back in a heartbeat. “Here is the coffee and sugar,” she puts a cup in front of me on the table and smiles warmly.

This is my second visit to Yerevan and the first since my father passed away. This time, I am staying at my sisters’ apartment. Their home feels like a living creature in its own right: mismatched furniture in the living room, stacks of random items scattered here and there, chaos of books and piles of documents—all of it gave one a feeling of the space with a distinct character and charm. Yesterday, I came out as queer to both of them. It was not a rehearsed statement, but rather an answer to their question about my current dating life. Lucine, gesticulating energetically, shared that her student days in Moscow in the 90s had exposed her to much more, that she got used to such things and did not care much. Anahit said that two years ago, such news would have infuriated her, but her recent experience working with queer clients as a psychologist had taught her acceptance. “I told myself that my professional duty was to heal even a goat (*dazhe kozla*) if it

came to me, so why should these people be any different?" she explained. "Good enough," I thought and nodded, suppressing the urge to bleat like a goat. Still, a quiet warmth filled up my chest.

"Finished with breakfast?" Lucine brought me back from my thoughts to the morning kitchen, taking away our empty plates. "Go get dressed. Greta is coming, and we're all leaving soon."

As we approached my father's grave at the cemetery, a stunning view of Yerevan opened before my eyes. His and his first wife's white graves were situated right on the edge of the hill, and the vastness of the space was breathtaking. It reminded me of the cemetery where my mother was buried during its early years. Now, her cemetery was filled with so many new graves, making it so much harder to find her with each rare visit of mine. Anahit placed the flowers we had bought along the way, and Lucine took out a small bag of olibanum (*hunk*) and burned it in a stone bowl, placed between two graves, specifically designed for this purpose. The air filled with the heavy smell of smoking resin that reminded me of burnt rubber, gasoline, and the sleepy incense of the Orthodox church. Tears began streaming down my cheeks, leaving salty trails burning my skin. Then I felt the soft palm of Greta taking my hand. Turning back to look at the three women, each so different from the other, I felt grateful to be here and to belong.

Нарин Азимова

НАД

ИНА

ЭМ

ОВА

КАДИУХ БИ АЙВАН

Пятница, 5 утра. Сейчас будет стук в дверь и мне надо идти на омовение. Я ненавидела этот любимый папин ритуал «праздничного намаза». Но праздник был только у отца, для меня пятница была бесконечной чередой восхваления Аллаха, у которого я бесконечно пыталась узнать, почему я родилась именно в этой семье, именно у этого отца.

Религия убивает, она делает человека безвольным и жестоким. Я верила в какую-то высшую силу, я верила в добро и зло. Но я не могла поверить, что один человек сделал из себя пророка, а все остальные просто это поддержали. В моей голове было огромное количество вопросов. А в ответ я слышала только о хадисах, сурах и имане.

Меня изначально готовили к особенному образованию. Я должна была поступать в духовный университет на Ближнем Востоке. А перед этим год учить

арабский и изучать Коран в оригинале. Сопротивляться не вышло, я — мусульманка и мой путь приводить других к религии.

Среди всех стран с высшим путем в исламе, отец выбрал — Сирию. Мне предстояло там учиться год, потом поступать в училище после сдачи экзамена по основам исламоведения и арабского языка. В конце 2010 года в Сирии уже было неспокойно и периодически возникали какие-то гражданские противостояния и вспышки, которые однако же быстро подавлялись.

Школа Аль-Азхар начала принимать девочек на обучение относительно недавно, однако кампусы для будущих студенток так и не были построены. Основной упор и образование было направлено на развитие мальчиков — будущих духовных наставников. Поэтому отец снял мне квартиру в довольно хорошем районе недалеко от нового Медресе при школе Аль-Азхар, в 15 минут ходьбы. В группе я оказалась самая старшая и единственная иностранка, что приводило всех в удивление. Среди моих одноклассниц были девушки с разных уголков Сирии, и им стоило больших усилий поступить сюда. Медресе при Аль-Азхар было одним из престижнейших для будущих мусульманских лидеров. В мой первый учебный год у меня было на 6 предметов больше, чем у остальных, так как мне

предстояло изучение арабского языка, истории языка, языковедения, основ каллиграфии и чтения Корана на арабском языке.

Моя жажда новых знаний и природное любопытство угасали с каждым днем, потому как в первый же месяц я поняла, что все это абсолютно не мое. Я не хотела почитать Пророка, я не хотела оправдывать его педофилию и любовь к Аише, которой было — 8 лет. Но я хорошо училась, не пропускала занятия и подтянула свой арабский за первые два месяца настолько, что могла если не свободно, то элементарно изъясняться.

Рут.

Церковь Яковитов — сирийских христиан — находилась, как это не странно, недалеко от нашего Медресе, и на своем маленьком балкончике я часто смотрела на ее купола и слышала песнопения и колокольный звон, которые очень часто смешивались с пением муэдзина (человек, который призывает мусульман к молитве). Сама молитву я больше, с тех пор как уехала из Душанбе, не совершала и перестала бояться пятницы из-за совместного намаза с отцом.

В моей семье религия обсуждалась исключительно в разрезе Ислама, как единственной верной

и правильной веры. Но я понимала, что мне интересны и другие, мне было интересно, как они молятся, на каком языке говорят, что написано в Библии.

Около моего дома продавали самый вкусный фаттуш в мире. Горячие, чаще всего пшеничные лепешки из печи, с большим количеством овощей, заправленные ароматным оливковым маслом. Я ела это блюдо каждый день и покупала его в лавке улыбчивого яковита Шмуля. Он был рослым мужчиной, в неизменном белом фартуке и за небольшим прилавком, за которым в нескольких больших чашках были выставлены предпочтительные начинки для фаттуша. Шмуль всегда приветствовал меня широкой улыбкой и в подарок давал небольшой стаканчик свежавыжатого апельсинового сока. Его маленькая импровизированная закусовая вместила три маленьких стола и уголок сувениров.

Занятий в Аль-Азхар по пятницам и субботам не было, неделя начиналась с воскресенья, и я все чаще к этому пыталась привыкнуть. Но по пятницам у меня была традиция: я поздно просыпалась и шла обедать к Шмулю. Но в этот раз за прилавком не было улыбающегося яковита. На его месте ловко по тарелкам для прилавка раскладывала салаты высокая, стройная девушка в традиционном, правда модернизированном наряде сирийских христиан — дишдашу. Широкие хлопковые

шаровары, длинная до колен туника со свободными рукавами, светло-русые волосы заплетены в тугую косу, дополнял все небольшой тюрбан на голове. Я наблюдала за ее расторопными движениями. Она подняла на меня ярко-голубые глаза и улыбнулась. На дамаском диалекте арабского языка она спросила меня, что мне приготовить, и я на мгновение растерялась. У Рут была типичная яркая красота сирийцев, к которой я за время своего пребывания пыталась привыкнуть. Но и было в ней что-то уникальное, отличающее ее от других. Впоследствии я поняла, что, наверное, ее — неформальность. Она не была обычной представительницей какой-то из конфессий, ее самобытность выражалась даже в шароварах, которые она носила, в ее необычном для девушек-сириек высоком росте, в ее андрогинном телосложении, которое тоже было необычно среди местных.

Мы очень быстро подружились. Рут сказала, что Шмуль скорее всего не сможет работать из-за проблем с ногами. И практически полностью лавка передается ей. К неудовольствию многочисленной семьи, которая хотела бы, чтобы бизнесом владел один из братьев Рут.

Я всегда знала, что мне нравятся девушки. Я чувствовала это еще с малого подросткового возраста. Но влечение к Рут было другим. Оно было поглощающим,

интересным, завораживающим. Иногда, вечерами, я приходила в лавку, писала стихотворения и ждала, когда Рут закроется и мы пойдем гулять. У нее был свободный арабский, но она учила меня арамейскому языку, святому языку яковитов, на котором предположительно говорил Иисус Христос.

В кафе, у окна с видом на старинные улицы, мы беседовали долго, погружаясь в разговоры о своих странах, религиях и культуре. Рут рассказывала, что её семья всегда придерживалась традиций яковитов, молилась на арамейском языке, в их доме часто звучала церковная музыка. Она рассказывала о своей вере и об удивительных старинных храмах, которые она посещала с родителями. Рут была из деревни Маалула, а в Дамаск они приехали, чтобы она могла учиться и получить светско-религиозное образование. Маалула была древнейшим местом христиан в Сирии, в которой до сих пор говорили на арамейском языке.

Мы говорили о многом, и чем дольше мы общались, тем яснее становилось, что между нами возникало нечто большее, чем просто дружба. Между словами, смехом и глубокими разговорами о духовности мы начинали чувствовать друг в друге не только уважение, но и нежность. Рут приходила ко мне в гости, мы вместе готовили, а потом садились на маленьком балкончике

и подолгу смотрели на улочки Дамаска. Рут говорила, что никогда не думала, что полюбит какое-то место также как и родную Маалулу, но этот город стал ее возлюбленным навсегда.

Она была старше и смелее меня. Она была тем, на кого я хотела бы быть похожей. Наши отношения были близкими и непростыми. Со временем я перестала видеть в Рут сирийку-христианку, а она во мне иностранную студентку, которая учится на будущего исламского сколара. Мы стали друг для друга большим открытием и любовью. С каждым днем наша любовь развивалась, цвела, а Дамаск все больше погружался во мрак. Усиливалось влияние радикальных исламистов. Зарождалась «арабская весна», в какой-то момент в нашей школе было решено остановить занятия до урегулирования конфликтов. Но было понятно, что ничего уже не будет как прежде. Несколько моих одноклассников перешли на сторону Исламского Государства, которое только набирало обороты.

Наши уроки частично возобновились, но девочки уже реже стали их посещать. Кафе Рут и Шмуля было закрыто, случилось это после нападения исламистов на христианские общины. Мой отец позвонил мне и сказал, что купил билеты и вылетает за мной первым же рейсом через Турцию. Пока они еще есть.

Я держала ее руки около Церкви Яковитов, той самой около которой я прожила счастливые полгода. Рут молчала и долго смотрела на меня, пытаюсь запомнить. Я предложила уехать со мной, пока это было возможно, она в ответ просто грустно улыбнулась. Она не может оставить больного отца, Маалулу, она должна быть там, где ее корни. Я вглядывалась в ее черты, пытаюсь запомнить, я знала, что мы больше не увидимся. Я знала, что начинается война. Я знала, что больше никогда не встречу такие голубые глаза. Мы прощались, ее сильные руки крепко обняли меня, пока я тихо плакала в ее тунику. Она подарила мне кулончик-сувенир из своей уже закрытой лавки с гравировкой «кадиух би айван». «Я тебя люблю» на древнем арамейском языке.

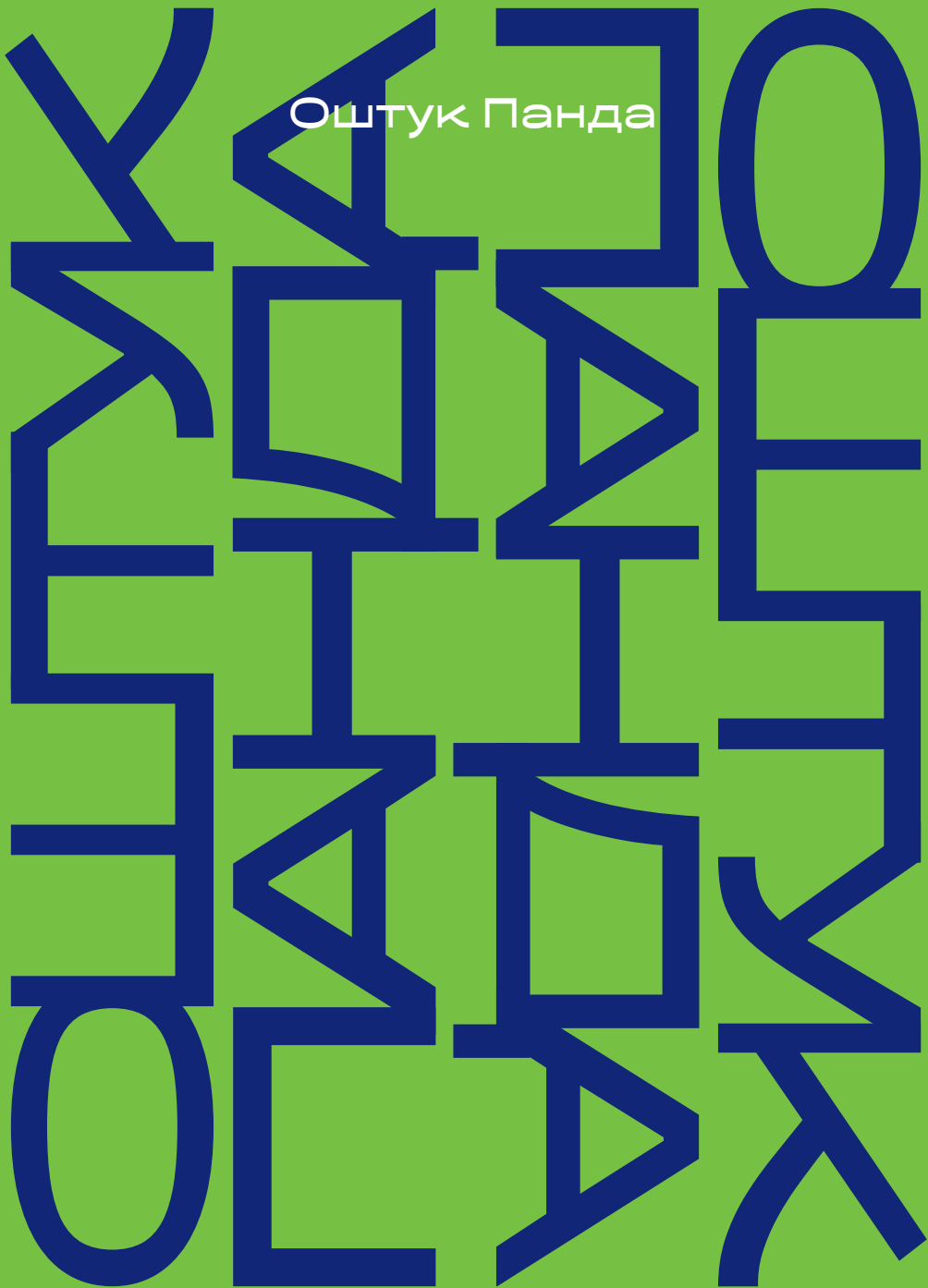
Я вернулась домой. На письма по электронной почте приходили ответы. Рут рассказывала, что живет в Маалуле и там пока все спокойно, что работает в христианской школе. Мы скучали и тосковали. К тому моменту авиасообщение с Сирией было частично перекрыто. Еще год продолжалось наше общение, пока вдруг оно не оборвалось. Рут перестала отвечать на письма, поиск через знакомых ничего не дал. Они либо уехали из Сирии, либо не имели возможности помочь в поисках.

Прошел месяц, пока я не увидела по телевизору, что святую для христиан деревню Маалулу захватили

террористы Исламского Государства, убили всех мужчин и взяли в плен женщин. После этой новости, я, несмотря на противостояние с отцом, решила получать светское образование и покончила с изучением религии.

Рут всегда говорила, что Господь вкладывает в каждого человека любовь, неважно, какого он пола, главное любить всем сердцем. Главное, чтобы можно было сказать «кадиух би айван».

Оштук Панда

КӨКТӨМДҮ САМАГАН ЧАБАЛЕКЕЙ — МУЗДУ ЭРИТКЕН КАНАТ

Күз өтүп, суук кыштын ызгаардуу шамалдары уруп турса да, чабалекей көктөмдү сагынып, жүрөгүн жылыткан үмүт менен жашайт эмеспи. Көктөм келгенде, алгачкы күн нуру карды ээритип, жерден буу көтөрүлөт. Жаратылыш кайрадан тирилип, асманда чабалекейдин үнү жаңырып, ал ар бир канат кагышы менен кыштын муздак күндөрү артта калганын сүйүнчүлөп, үйлөрдүн жанындагы дарактарга конуп, чуру-чуу түшүп, ааламга жаңы жашоо тартуулап, чабалекейдин үндөрү адамдарга да таасир этет. Анын кайтып келиши — көктөмдүн келиши гана эмес, жүрөктөрдө жаңы үмүттүн тутанышы сыяктуу сезилет.

Чабалекей үчүн көктөм жаңы башталыш, ал эми адамдар үчүн ошол үмүттүн тирүү символундай сезилет. Бул баян ошол кыпындай болгон, албууттанган

жүрөктө болуп жаткан, жашоо менен алпурушкан, коргоого муктаж, жөн гана сүйүүнү жана тынчтыкты каалаган бир чабалекей жөнүндө болмокчу.

5 мүнөт

Бүгүн, азыр эле, маанайым жок, жумуштан чыгып бир аз бастым, тамеким жок калып, «Глобуска» кирип, тамеки, шекерсиз Pepsi алдым, «Глобустун» ичинде бир узун бойлуу, ак көйнөкчөн, баскандары чимирилген, бою болжолдуу 1,88 бар жигитти байкап калдым, ал да байкады мени. Албетте, мен чоң, кенен болуп, жаңы алган, өзүмө жаккан чо-о-оң сумкамды көтөрүп жүрсөм байкайтта, деген ой келди, ичимден бир сүйүнүп, бир кымыңдап алдым.

Сыртка чыгып скамейкада тамекини ачып, Pepsi ичип, музыка угуп отурсам, чыгып жаныма отуруп калды, аралыгыбыз бир чарчы метрдей эле, башка кенен орун турат го деп ичимден бир сүйлөнүп алдым.

Жанымда дагы деле олтурат телефонун тиктеп, мен толкунданып өзүмдү түздөп коём, аны карабастан, бирок көз кырымды салып койдум, жүрөгүм шуу-шуу деп тез-тезден сого баштады, мага келип, мени менен

таанышкысы келгендей. Бир убакта музыка угуп сырттагы айлана-чөйрөдөгү адамдардын ары-бери өтүп жатканын үнү жок эле тиктеп нес болуп отурсам, оозу кыбырап калды, байкамаксан болуп отура бердим, билбейм эмнеге, ошентким келди. Анан бир аз жылып мен жакка, жүзүн буруп, бир убакта сүйлөй баштады. Мен бул аалам менен байланышты үзүп, көзүм чачынан ылдый көздөрүн шунгуп өтүп, эриндеринде токтоп калды. Музыкамды токтотуп, сүйлөбөй эле тиктеп магдырап туруп калдым.

— Можно сигареты?

— Да, конечно, у меня «Ричмонд».

Колуна алып, мен болсо отун жагып бердим, ортобузда түбөлүктүү тынчтык, жымжырттык, болбосо шаардын так ортосунда ызы-чуу жердебиз, кулагым эч нерсени укпай дагы эле, анын эриндерин карап катып турам, бир убакта уялып кетти, а мени ой басып, көзүмдү алганды унутуп калыптырмын:

— *Ой сорри, я так посмотрел на тебя, просто ты похож на одного человека в моей жизни* — деген сөз гана оозума келди, болбосо жашоомдо ага окшош эч ким жок болчу.

Ал күлүп:

— Кимге? — деп суроо узатты, жооп бергени башым жетип ким экенин ойлонбопмун, оозума келгени:

— Б-б-б-бөлөм — деген гана сөз болду, дагы — көптөн бери көрө элекмин, алыста — деп коём 😊

Жымжырттык.....

Көрүнүп турат көп чекпейт, калп эле чегимиш болуп отурат 😊

— Чё грустный сидите? — деп менден кенен жооп күтүп, мен сени укканы даярмын деп, жүзүн буруп ою менде экенин белги кылып, мага карап тиктеп турду.

Бир убакта ичимдеги кичинекей адам шолоктоп ыйлап кирди, бирок сыртымдан сыр бербей:

— Жөн эле, — деп коём.

Дагы жымжырттык. Менден дагы да бир жоопторду күткөнүн сезип турдум, адатта шакылдап сүйлөшкөн жаным, тилимди жутуп алгандай, башымдагы тизмектелген сөздөрдүн арасынан шуру-мончок тизе баштадым:

— Чарчадым, баарынан, өзүмдү бир жерде жоготуп алып таппай жаткандаймын, издеп жатам, бирок түшүнө албай жатам, — деп тим болдум.

Жүзүндөгү кыймыл аракетинен, таң калгандай болду да, «жумуштун айынанбы?» — деп суроо узатты...

Толкундоодон денем калчылдап, коркуу сезими бүт жан дүйнөмдү каптап турду. Буттарымды сезбей калдым — денемди бирде ысыктын, бирде сууктун толкуну ургулап өтүп жатты. Ушундай абалда мен анын жанында болгону беш мүнөт отурдум... болгону беш мүнөт. Бирок бул беш мүнөт чабалекей үчүн бир өмүрдө бир гана жолу болчу нерсе — ал муну эч качан унутпайт. Ал бул учурду жүрөгүнүн эң терең, эң купуя жайына — самсаалаган эскерүүлөр сакталган сандыгына салып, үстүнөн кымча кулпу менен бекитип коёт. Бул беш мүнөт анын жан дүйнөсүндө түбөлүккө калат.

Мен жана ал!

Жан дүйнөм апкаарып, көзүмө эч нерсе көрүнбөй калды, өзүмдү мынчалык жардамсыз сезбеген болчумун, жан дүйнөм мынчалык аңтар-теңтер болуп, ал жаныма болгондо өзүмдү мынчалык жардамсыз сезбеген болчумун.

Бугун да күн башкача өттү, себеби аны көп көрө албадым, жаныма келбеди, себебин билбейм. Аны күндө

көрбөсөм, аба жетпей калчудай сезилет. Ал эмнеси менен мени ушунчалык арбап алды билбейм. Чындыгында билбейм. Ал менен чогу болуу, колун кармап, ага тиктеп жылмаю мага жагат, өзүмдү дүйнөдөгү эң бактылуу адам катары сезем. Эч качан мынчалык катуу сезимдерди сезе элек болчумун. Аны көргөндө бардык жамандыктарды унутуп, жашоомдо күн чыгып, өзүмө болгон ишеничим арта баштайт. Бирок чынында билбейм дагы канча ушундай абалда жүрө алам. Бир күнү жумуштан кетип, алдыга жылууга туура келет. Анда эмне аны көрбөй каламбы? Жанында болбой каламбы? Билбейм чынында, ансыз бир күнүм да өтпөй калчудай сезиле баштады, же бул жөн гана байланып калгандыкпы, себебин миң издесем дагы таба албадым. Балким анын ойлорунда эч нерсе деле жок, а жөн гана ака, насаатчы катары көрүп жатат. Себебин билбейм.

Ал жазбай калса ойлоном: эмне болду, кайда жүрөт, ким менен жүрөт деген ойлор жеп салат. Мынчалык катуу ойго кетип, бир адамга байланган эмес болчумун. Билем, бул да болсо туура эмес нерседир, бирок жүрөккө буйрук берип, жүрөгүңдүн согушун токтото албайт экенсин. Анысы аз келгенсип, ал да кандайдыр бир белгилерди берип жатпайбы, же мен эле ойлоп таап алдымбы. Билбейм чынында.

Соңунда — менден кетпечи суранам, көп нерсе деле сурабайм. Эн негизгиси мени менен болсоң болду деген ойлор келди...

Көз ирмем

Аябай чарчадым, ушунчалык чарчап калдым, жада калса тишимди жуугум келбей турган абалга кептелдим. Эх, жашоо неге мынча татаалсың десем, өтө деле татаал эмес, жеңил эле. Бирок негедир мен азыр болсо электордунк почта аркылуу кат жазуунун ордуна чексиз ойлорго сүңгүп отурам. Анткени азыр негизи жумуш боюнча каттарга жооп берүүм керек болчу. Бирок негедир бычаксыз тилкеленип отурам жаза албай ар нерсеге алаксып. Макул, азыр илхом келет, анан мен жазып баштайм. Эң негизгиси өзүңө ишенгендик жана баарын сүйүү-махабат менен жасоо экенин унутпоо. Мен ойлогондой баардык нерсе жеңил болуп калбайт. Канчалаган аракет жасасам да баары ушул абалда калып калуусуна толук мүмкүн. Андыктан мен жөн гана жашап бактылуу болгум келет. Түшүнүп жатасыңарбы? Бактылуу болгум келет. Ар дайым сүйүү менен жашап, ал адам менен кечимди өткөргүм келет.

Жөн гана мени менен болушуңду каалайм. Жөн гана мага сүйүүңдү беришиңди каалайм, ар дайым мени менен болуп, эч качан сүйүүңдү менден аяба суранам, сенден ар дайым мени менен болушуңду каалайм. Азыр бир кофеканада отурам, саат түнкү 12 болсо да адамдар толо эмнегедир. А жо-о-ок жообун билем, башка жерлер жабылып, бир гана ушул кофекана иштеген үчүн го дейм. Адамдар баары эле мага окшоп үйүндө тамак жасабагандар таң калдырбайт.

Оргуштаган ойлор

Бүгүн күнгө шейшемби жылдын биринчи январь айы, бул демек жаңы дем, жаңы күч менен жаңы жылды багындырууга болгон кадамдар. Андыктан ар дайым алдыга гана жылып, кээ бир адамдар менен мамилени үзүп, пикирлеш санаалаш гана адамдар менен калуу мен үчүн маанилүү.

Ал менен дагы деле сүйлөшө элекпиз, кече күнү мага чалган болчу, а мен албай калыпмтырмын, ошол боюнча мага жазган да, чалган да жок. Мен да чалган да, жазган да жокмун. Билбейм балким мен аны капа кылып алдым окшойт. Ал мынчалык жоголчу эмес, бирок эгер ойлонсо Whatsapp аркылуу жазмак. Бирок мен деген

бүгүн инстаграм баракчамды өчүрүп салдым, эмнеге экенин билбейм, жөн гана. Онлайн болгум келген жок. Менин ватсап, телеграм дарегимди билет, жазгысы келсе ошол жактан жазат, же болбос номериме чалат. Макул эч нерсе эмес ансыз деле жүрдүм, ансыз деле чыдайм, жашоом уланат.

Мектеп учурунда да бир адамды кыйынчылык менен азап тартуулар менен унуткандай муну да унутам. Бирок эмнегедир унуткум жок, ал башка болчу, чынында өзгөчөлөнүп турчу. Анын жанында барын унутуп, башка ааламда сүзчүмүн. Ошол себептен аны менен өзүмдү толук кандуу бактылуу сезе алышыма көзүм жетчү. Айрыкча ал мени менен тамашалашып, көбүрөөк убакыт өткөргөндө, өзүмдү ушунчалык бактылуу сезем, анын узун кирпичтери, күлгөндөрү эч качан эсимден кетпейт. Анын жанында өзүмдү бирде жаш баладай, бирде чоң адамдай алып жүрчүмүн, мен да ысык жанмында.

Айтмакчы, биз киного барган күнү башыма баш кийим кийбей барган болчум. Анын мага жини келип, мага кобуранып сүйлөнүп, камкордугун көрсөтүп, «Эмнеге кийбейсиз? Ыя?» — деп урушуп алса, кайрадан жинине тийип, «кийбейм» десем, мени сөксө да жылмаю менен кабыл алып, ичимден кубанып, «иий маңка» деп калдым.

Ал мага эч нерсе жазган жок, азыр эмне кылып жатат, эмне менен алек, мага аябай кызык болуп жатат, үйүндөбү, же көчөдөбү. Ойлонуп жатабы, же ойлонбостон элеби, мага эмнеге чалбайт, эмнеге жазбайт, мен түшүнбөй жатам. Дагы канча чыдайм билбейм. Ар дайым бирөөнү жактырып калсам, катуу киришип, бүт жаным менен сүйчүмүн, мунусунда да ошол нерседен кыйналып калдым окшойт. Аябай көргүм келип, үнүн угуп, жинине тийгим келип жатат, дагы канча чыдайм? — Билбейм. Бир күн сүйлөшүп, бир жолу кыйналып, азап тартсамда, сүйлөшүп, чекит коюп алсам, ошол менен эч кимди сүйгүм да, артынан жүргүм да жок чынында. Дагы канча кыйналып азап тартам тушунбойм, эх, блеее. Сагындым анын жүздөрүн, көргүм келет, ал менен болгум келет, анын жүздөрү көз алдыман кетпей жатат.

Чабалекей бул кыштан да, бул сууктан да, кычыраган аяздан да кыйналды. Ар бир канат кагышы — үмүт менен азаптын ортосундагы күрөш, ар бир дем алуусу — тирүүлүктүн таңын көздөй жасаган чакан, бирок кайраттуу кадам болчу. Бирок ошого карабай, ал жашоого болгон умтулуусунан тайбады. Суук көңүлдөрдү жылыта турган сүйүүгө ишенип, жашоонун өзөгүн түзгөн эрк менен кайратты бекем кучактап, ал бактылуу болууга, өзү каалаган жарыкты табууга багыт алды.

Жашоонун суугуна карабай, сүйүүнү тандайт. Жана ошол тандаганы менен бактылуу болууга татыктуу.

ЛАСТОЧКА, ТОСКУЮЩАЯ ПО ВЕСНЕ, И ЕЕ НАДЕЖДА, РАСТАПЛИВАЮЩАЯ ЛЕД

С кыргызского на русский перевела

Нурпери Орунбаева

В зимний холод и морозящие ветра ласточка тоскует, и живет надеждой о весне, согревающей её сердце. С приходом весны природа оживает, первые лучи солнца топят снег и над землей поднимается пар, в воздухе разносится пение ласточки, с каждым её взмахом крыла холодные дни зимы уносятся в прошлое, оживляя людей.

Возвращение ласточек — это не только возвращение весны, это чувствуется как возрождение новой жизни и мечт.

Для ласточки весна — новое начало, как для людей живое воплощение надежды. Само существование ласточки определяет красоту весны, природы. Мой

рассказ будет об этой ласточке, несмотря на свои маленькие размеры и хрупкость, ласточка очень решительная, сильная, храбрая, живущая надеждой о безопасной и спокойной жизни.

5 минут

Сегодня у меня было подавленное настроение, прошелся немного после работы, понял что закончились сигареты, зашел в «Глобус», купил сигареты и пепси без сахара, заметил высокого, примерно 1,88 см парня, в белой рубашке с уверенной походкой. И он заметил меня, я подумал «конечно заметишь» ведь я сегодня со своей новой, любимой, широкой сумкой, про себя от этого ликовал.

Я вышел наружу к скамейке, открыл пепси и сделал глоток, слушал музыку, как увидел, что он вышел и сел рядом со мной, между нами метр, подумал «столько места вокруг».

Он все еще сидел рядом, смотрел в свой телефон, а я волновался и поправлял одежду, старался не смотреть на него, лишь краем глаз, сердце билось часто

и шумно, мне показалось, что он сел рядом, чтобы познакомиться.

В какой-то момент я отвлекся на музыку в ушах, окружение, проходящих людей и вдруг заметил, что у него двигались губы, сделал вид что не заметил. Почему? Захотелось!

Он придвинулся ко мне и обратился, я потерял связь с этой вселенной, мои глаза скользнули по его волосам и глазам и остановились у его губ.

Поставил на паузу свою музыку и прислушался к нему:

— Можно сигареты?

— Да, конечно, у меня «Ричмонд».

Отдал ему в руки и дал прикурить. Между нами тишина. Несмотря на то что мы посередине шумного города, мои уши не слышат ничего, а глаза устремлены на его губы, в какой-то момент он смутился, потому что я забылся и не отвел от него взгляда.

— Ой, сорри, я так уставился на тебя, потому что ты похож на знакомого мне человека — единственное что пришло мне в голову, на самом деле, у меня знакомого похожего на него нет.

Он посмеялся и спросил «На кого?», а я не придумал ничего лучше как сказать заикаясь:

— К-к-к-кузен, давно не виделся с ним, он далеко.

Тишина...

Видно, что он не курит, сидит и притворяется.

— Че грустный сидите? — он смотрит на меня, ждал от меня развернутого ответа и был готов слушать. Если даже внешне я был сдержан с ответом «просто так», внутри меня маленький я начал плакать.

Снова тишина, я чувствовал, что он ждал от меня еще ответов, я — который обычно разговорчивый — в этот раз я будто проглотил свой язык, постепенно я начал собирать цепь из слов:

— Устал. От всего. Будто потерял себя где-то и не могу найти, не могу понять, но упорно ищу.

По его лицу я понял его удивление и он спросил: «Из-за работы?»

Меня окутывал страх, от волнения тряслось всё мое тело; то немела нога, то меня бросало в жар, потом

в холод и обратно в жар. В таком состоянии я просидел с ним пять минут, всего пять минут. Ласточка никогда не забудет эти пять минут, случающиеся раз в жизни. Она сохранит его в глубине своего сердца, под ключ в сундуке. Эти пять минут останутся с ней до конца её жизни.

Я и он!

Моя жизнь изменилась. Мои глаза не замечали ничего; никогда не чувствовал себя настолько беспомощным, когда он был рядом со мной, мой внутренний мир переворачивался.

Сегодняшний день тоже прошел странно, его не было рядом, не подошел ко мне, я не знал в чем причина. Если не буду видеть его каждый день, будто не смогу дышать больше. Не знаю чем он меня так сильно зацепил, честно, не знаю. Мне очень нравилось быть с ним, держать его руку, смотреть на него, улыбаться ему. Я чувствовал себя самым счастливым человеком в мире. Никогда не испытывал такие чувства. Когда я его вижу, я забываю обо всём, кажется, будто солнце взойшло в моей жизни и повышается моя уверенность в себе. Вопрошаю себя, сколько я так продержусь. В один день придется уйти с работы и найти свой

собственный путь. Тогда не смогу с ним видаться? Не смогу быть с ним? Не знаю! Без него мои дни будто перестанут идти, может это просто привязанность, не смог найти ответа. Вдруг в его мыслях нет мыслей обо мне, видит во мне лишь брата, советника.

Когда он мне не пишет, меня пожирают вопросы: где он, что он делает, с кем он. Не знал, что могу настолько погрузиться в мысли и быть привязанным к человеку. Сердцу не прикажешь остановиться. Он ведь действительно подает мне все эти сигналы или мне все это только кажется, не понимаю.

В мыслях у меня лишь одна просьба, многого не прошу, не уходи, просто будь со мной.

Момент

Очень устал, настолько устал, дошёл до того, что не могу почистить зубы. Думаю, жизнь очень сложная, но нет, на самом деле она легкая. Почему-то, вместо того, чтобы просто написать ему, я по сто раз прокручиваю мысли в голове. Отвлекаюсь на рабочие письма. Жду, пока меня что-то изнутри будет принуждать писать. Самое важное — уверенность в себе и делать всё с любовью.

Не всё так легко получается, как я думаю. Несмотря на мои усилия, всё может обернуться по-другому. Мне стоит думать, прежде всего, о своём счастье. Хочу навсегда остаться жить с ним, в счастье.

Просто хочу, чтобы ты был со мной. Просто хочу, чтобы дарил мне свою любовь, прошу, не жалея своей любви ко мне. Сейчас сижу в кофейне, если даже время 12 ночи, тут полно людей. Знаю, потому что все другие заведения закрыты. Не удивляет, что люди не хотят готовить дома, как я.

Пугающие мысли

Сегодня вторник — первый день января нового года, это значит новое дыхание, новые силы для покорения новых целей, что подстегивает двигаться вперёд, строить новые связи, находить новых собеседников.

Я и он все ещё не поговорили, вчера я пропустил его звонок, с тех пор он не писал, не звонил. Я тоже не писал и не звонил. Может, я его расстроил. Он не пропал настолько долго. Он бы написал мне в whatsapp. Сегодня я удалил свой инстаграм аккаунт, не хотел быть онлайн. Он знает мой номер whatsapp, telegram, если

захочет написать, напишет туда или позвонит. Я до него жил, буду жить и без него впредь.

В школьное время я с трудом и болью отпустил и забыл одного человека, и сейчас получится. Будет сложно, он другой, действительно, необычный. Рядом с ним я забывал обо всём, мыслями улетал в другую вселенную. Я был уверен в том, что рядом с ним я буду счастлив. Когда мы шутили, проводили вместе много времени, я чувствовал себя таким счастливым, его длинные ресницы, его смех никогда не забыть. Рядом с ним я вёл себя то маленьким мальчиком, то взрослым человеком, я же живой человек.

Однажды я пошел без шапки в кино, он на меня ворчал и раздражённо показывал свои знаки внимания, говорил: «Почему не надеваете? Мм?» А я намеренно дразнил его словами «не надену», если даже он матерился, я воспринимал всё с улыбкой, про себя улыбался и обзывался.

Он мне ничего не написал, мне очень интересно что он сейчас делает? Чем занимается? Он дома или на улице? Думает обо мне или не думает? Почему он мне не пишет и не звонит? Я его не понимаю. Не знаю, сколько я еще вытерплю.

Каждый раз когда я влюбляюсь, я люблю каждой клеткой своего тела. Это и приносит мне страдания. Так сильно хочу его увидеть, хочу его услышать, хочу позлить его, сколько я еще вытерплю? Не знаю!

Если даже я буду испытывать боль, я хочу его снова увидеть в один день, чтобы поговорить и окончить отношения. Я согласен не любить никого больше. Сколько еще я буду испытывать эту боль, эх, бляяя...

Я так скучаю, хочу увидеть его, быть с ним. Не могу забыть его лицо.

Ласточка переживает и эту зиму, эти холода и морозы, сквозь боль сохранит волю к жизни, смелость быть счастливым. Он не подведет себя в этой жизни, сохранит веру в себя и веру в любовь. Он будет искать свет даже в самые темные времена, благодаря собственному свету внутри.

Ласточка заслуживает любви! Ласточка выбирает любить!

Teona Kokoreva

ПОСРЕДСТВО
ПОСРЕДСТВО
ПОСРЕДСТВО

Teona Kokoreva

7 CABS

Come share a taxi with me. Whether you're going home in Bishkek or visiting your friends in Almaty, once you get into a cab, you never know what kind of experience awaits you, especially if you're a non-passing transwoman, foreigner, and outsider—like me.

Pick a number from 1 to 7, flip the page—and see what kind of ride you'll get this time.

1.

I feel very pretty, and I am going to a party that my friends are throwing. Life is good. As I get into the car for a short ten-minute ride, I feel warm waves of joy and anticipation in my heart.

Just as the car starts moving, the driver cuts the music and says, without turning his head, “You know, I hate people like you.”

Maybe it’s the warmth still filling me, but instead of shutting down, I respond—carefully.

I go through the usual explanations. I share a part of my story. I ask him questions.

As the car rolls to a stop in front of the venue, he speaks again, just as slowly, “I think you’re a good person.” And then, after a slight pause, “Goodbye.”

2.

Today, my only tell is my nails. Chipped and a little sad—I haven't seen my nail technician friend in over a month. But they're still there: bright nails on a somber me.

Around two minutes into the ride, the driver says, "Are you... you know. One of them?"

It's obvious he means "gay" but won't say it, as if it could contaminate the interior of this car. Technically, I am gay—just not in a way I could explain to him. So I shrug and tell him that I am queer.

"I wish we had laws like in Chechnya," he says. "If we had something like that, I would bury you alive."

I don't know what to say. A pit opens inside me, swallowing every sentence before I can form it. But saying nothing feels even worse.

Slowly, I start talking. I go through the usual explanations. I share a part of my story. I ask him questions.

As we near my house, grasping for some shred of his humanity, I reach out and lightly touch his shoulder. "Don't touch me," he snaps, recoiling instantly, and lets out a hollow laugh. I bolt from the car, making a straight line for my door, shaken.

Later that night, I tell my friend what happened. She says, "Girl, why were you in an Economy cab? You know it never ends well for us."

I am not rich, but after that, I never order Economy again.

3.

It's late, and we have almost the whole city to cross. Naturally, we start talking. The driver tells me about his struggles, his plans and his dreams. We laugh a lot—he seems like a really good guy.

As we reach my stop, he looks at me and says, “You know, when I finally open my own restaurant, I want to invite you there. For real. Give me your insta, we should keep in touch.” I hesitate for a moment—my Instagram is very openly queer. But the conversation was great, so why not? I hand him my phone so he can find his page, then subscribe to his account, and step out of the car.

He never follows me back. After a few weeks, I unfollow him too.

4.

I get in and see a sharply dressed woman in her forties behind the wheel. Right away, I feel more at ease. The ride is quiet, but comfortably so.

As we near our destination, she glances at me. “Where did you get your nails done?” she asks. “They’re lovely.”

My friend does my nails, and I never miss a chance to promote their work. I show her their page and explain why I love this technician. The driver carefully snaps a photo of my screen, and I step out feeling proud of my friend’s talent. Later that week, I run into a gay Kyrgyz guy that I know, and he’s just as fascinated with my nails. “Don’t you get harassed all the time because of them?” he asks.

“Not really. Sometimes.”

“Oh. Maybe because you’re a foreigner? If I wore something like this, they’d be on me in seconds.”

He sounds sad. When we part ways, he’s still looking at my hands.

5.

I'm running late for my international bus, but the driver couldn't care less. In fact, it feels like he's deliberately picking the slowest route, hitting every traffic light along the way. I tell him I'm desperate.

At first, he ignores me. Then, when he finally responds, it's in Kazakh. I only know a handful of words—not nearly enough. But I have to make him understand we need a different route, so I start throwing every language I know at him.

Then, out of nowhere, he answers in Chinese. Turns out, he's Uyghur—fresh from Xinjiang and new to the city. Naturally, we bond over badmouthing the CCP. He tells me about his wife and kids, then asks me if I am married myself. Still nursing heartbreak from a situationship with a straight girl, I can only let out a bitter laugh. The driver is two years younger than me, with two kids already. What can I even say?

Somehow, we make it to the bus station just in time.

6.

I'm going to the court to join a public protest. It is a horrific case: a woman raped by court enforcement officers who used their power to entrap and blackmail her. Few people know about the case, and every person who shows up to support the victim and demand justice matters.

As I settle into the back seat, the driver casually asks why I'm going to court. "Got legal trouble or something?" he asks. Every time I talk to a driver, I have to choose: use my preferred pronouns or masquerade as a man. 99% of the time, I choose the latter. Now there's another choice to make—one just as tricky, against the backdrop of rampant femicide and misogyny.

Fuck it. I'm going there to raise awareness, so I tell him—every detail.

With every word, his anger grows. "What the hell," he says. "How dare they, those bastards."

He asks a lot of questions, says he'll tell his friends and family. He even takes notes—though only after we've stopped, of course.

I give him five stars.

7.

I've just crossed back over the border, and I feel completely gutted. I'm exhausted, and all my plans are fucked. Turns out, the land border is a no-go. The only way for me to get from Kyrgyzstan to Kazakhstan is by plane, thanks to post-Covid restrictions my Kazakh friends didn't know about. I'm lucky I could return to Kyrgyzstan at all—the border guards kept me stuck in the neutral corridor for ages, trying to squeeze a bribe out of me. They grew angrier and more frustrated each time I said “no.”

I know only three people in Bishkek. I text one, asking if I can crash for another night and figure things out from there. His reply is instant, warm. I use the last slivers of battery to call a cab to his place.

The car that pulls up is so old and rusted it's basically held together by spit and prayer. There are holes in the floor, wide enough to watch the frozen road blur beneath us. The driver, a *baikeshka* in his fifties, grips a plastic cup of instant coffee in one hand and a piece of flatbread in the other.

We speed through the winter's blackness. He's so energetic, so full of warmth, that I feel my contorted, frozen heart begin to thaw.

“That's just life, my friend,” he says, taking a generous bite of flatbread. “That's just life.”

Нина Ли

Нина Ли

КТО ТЫ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ?

— Скажи «печка»?

— Печка...

— Твоя мама — узбечка!

— Ассалому алейкум, ремонт сумок делаете?

— Келин, сестра. Вай, канака чиройли! Келин!

— Мне молнию на рюкзаке надо заменить. Сколько будет стоить?

— Делаем, все делаем! Такой красивой — конечно! Жуда чиройли, ассалим!

— Спасибо!

Я на автомате широко улыбаюсь, уже мысленно ругая себя за эту ошибку. Это вежливость. Привычка вежливо принимать от мужчин комплименты уходит корнями глубоко в мое детство. «Уважай старших». Старшие — это все незнакомые взрослые. Все, кого ты о чем-то просишь. Все, от кого ты зависишь. Все, у кого есть власть. Какая власть надо мной есть у этого мужчины в сапожной мастерской? Мне нужна от него услуга.

Услуга, которую я оплачу своими деньгами. Замена молнии не должна стоить дорого. И тем более она не должна стоить моей чести.

Я могу его осечь. Грубо. Но у меня нет сил. Я просто хочу сдать рюкзак в ремонт и поехать на работу. Это же не сложно?

Но мужчина оживляется от моей улыбки. Сама виновата. — Исминг нима?

Окей, теперь мы знакомимся.

— Нина.

— А, Нина, русское имя! Релокантка, да?

— Местная.

— А, местная, да? По национальности кто?

— Аралаш.

— Отец кто?

— Узбек.

— Узбекча биласанми?

— Совсем озгина. Сколько ремонт будет стоить?

— Почему узбекский не знаешь?

— Потому что отец с нами не жил.

Почему я надеюсь, что этот факт его смутит?

— Узбекский язык надо знать, ты же узбечка, в Узбекистане живешь, надо язык знать!

Как я устала! Всю жизнь извиняться за то, что я недостаточно хороша для того, чтоб быть кем-то. Плохая узбечка, плохая феминистка, не москвичка, не русская, не

крещеная, не мусульманка, не покрытая, не женственная, без высшего образования, бездетная, ребенок из неполноценной семьи, малолетка, милфа, без прописки, без гражданства, без постоянного места жительства, без недвижимости, без дома, без семьи.

Ты уже не маленькая, не спорь, будь мудрей! Ты слишком сексуальная, чтоб считать тебя ребенком! Женщина, а одеваешься как подросток, не солидно! Пирсинг пора снять, юбку можно подлинней! Что ты как мужик в спортивке все время? Куда ты мебель одна тащишь, у тебя что, мужа нет? Заплати сама за номер, ты же феминистка!

Пора носогубку заколоть, уже возраст! Зачем ты так себя сексуализируешь, это male gaze!

Кто ты по национальности? Этот вопрос я впервые услышала в школе. Кто ты по национальности? Об этом спрашивали после «Как тебя зовут?» и «Сколько тебе лет?». На эти два вопроса отвечать было просто, не страшно. Это были дружелюбные вопросы. «Кто ты по национальности?» — это уже совсем другая игра. Это как дуло пистолета, наведенное на тебя с улыбкой. Тот, кто спрашивает, точно чувствует себя в праве. Если он спрашивает, значит наверняка знает ответ про себя. Он знает, кто он, из какого народа. И как же ему повезло,

если ответ простой и короткий. Я — узбек. Я узбек в Узбекистане. А ты кто по нации?

Дома меня инструктировали, как надо отвечать, если спрашивают, кто я. Мама (корейка по отцу и мордовка по матери) говорила, что национальность в Узбекистане определяют по отцу. Отец у меня был узбек. Был и есть. Просто он не жил с нами. Отец честно хотел жениться на матери, когда она забеременела. Приходил свататься к бабушке, прикладывал руки к груди и говорил: «Я не хочу жить, как узбеки! Я хочу жить по-вашему!» По-нашему — это как? Никто никогда не узнал, потому что отца женили на одобренной его родителями девушке. «Можешь всем говорить, что по отцу ты — узбечка»: подбадривала меня мама. Я пробовала так отвечать про себя. Люди оживлялись, спрашивали что-то на узбекском. Я не могла ответить, узбекского я не знала. Дома все говорили на русском. Дедушка иногда затягивал песню на корейском, но бабушка с гневом его затыкала.

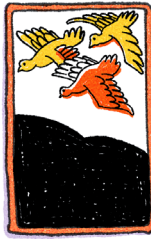
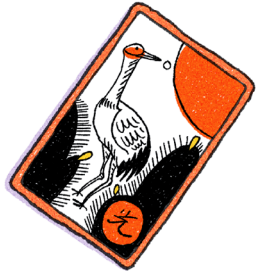
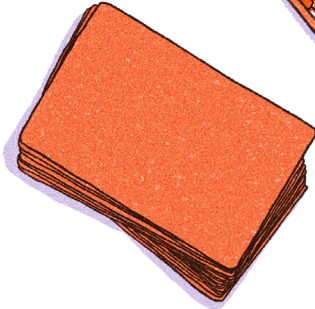
Бабушка (мордовка по национальности) испытывала неприкрытую ненависть к узбекам. Но при этом одевала меня маленькую в национальное платье из хан-атласа «чтоб не сглазили» и «чтоб родня твоего папаши от зависти подавилась». Еще бабушка учила не доверять татарам, «потому что хитрые». Остерегаться евреев,

«потому что бессовестные». Не водиться с русскими, «потому что ленивые алкаши». Свою малую народность, мордву, она тоже презирала — «упертые колхозники». Позже я поняла, что список «плохих» национальностей у бабушки был бесконечным. Все было намного проще — бабушка просто не любила и боялась людей. Еще она стыдилась себя и своего мужа, за которого она вышла по любви. «Ты ненавидишь себя за то, что я тебя родила от корейца?» — беспокойно спрашивала она у дочери в детстве. Мама родилась с очаровательной корейской внешностью — узкие карие глаза, густые черные прямые волосы. Бабушка отчаянно пыталась закамуфлировать постыдные азиатские черты дочери, наряжая ее в сарафаны с выбивкой и заплетая тугую косу с бантом. На старых фотографиях мама выглядит как кореянка, выряженная Василисой Премудрой. Сын для бабушки был более «успешным проектом». Несмотря на такую же как у сестры яркую корейскую внешность, он всегда отвечал на вопрос: «Кто ты по нации?» — «Я — мордвин! У меня мама русская. Мордва — это славяне.» Бабушка очень гордилась идентификацией сына. Особенно если его ответ слышал дед, «испортивший ее детей своей азиатской кровью». Дед, кажется, был единственным в семье, кто не сомневался в своей национальности и сохранил связь со своей культурой. Он был старшим из 10 братьев в своей корейской семье. Несмотря на недовольство жены, посещал все празднества своей

диаспоры, резался в корейские карты хатхо с братьями. Меня он тоже научил играть в хатхо. Я обожала крошечные изогнутые карты, такие загадочные по сравнению с обычными. Вместо мастей на них нужно было различать растения. Урючный цвет, вишневый, кленовые листья, кактусы, папоротник, ирисы. Карты, отмеченные лентами, дед называл «лекарство». Если на карте была изображена зверушка или птица, она стояла дополнительных очков. Изящные рисунки на картах и непонятные их значения завораживали меня. Я хотела быть корейанкой. Дед учил меня квасить чумчу (кимчи). Я, повторяя за дедом, перемешивала ладошками алое пюре из красного сладкого и острого перца с чесноком и луком, обмазывала листья пекинской капусты. Пахло так вкусно! Дед смеялся, хвалил меня. Потом ладони были красные и горели даже после того, как вымыла руки с мылом. Дед предупреждал, что до завтра нельзя трогать руками глаза. Но я все равно потерла и заревела от перечной рези. Бабушка набросилась на деда с матом и обвинениями. Я хотела его защитить, объяснить, что он не виноват, но меня к нему не подпускали.

Я гуляю с мамой во дворе. На мне комбинезон и кроссовочки, мама привезла из Москвы. Я бегаю. Натыкаюсь на прохожую.

— Мальчик, ты что так бегаешь? Где твоя мама? Что вы мальчика нормально не подстрижете?

— Доченька, иди ко мне.

Я подбегаю, утыкаюсь в маму. Она берет меня на руки.

Соседская бабка осуждающе качает головой

— Ты смотри, такая взрослая кобыла и на маму залезла! Не стыдно?

Мама прижимает меня крепче, гладит по голове.

— Ей пять лет, чего вы! Она просто крупная.

Мы с мамой идем по скверу. Впереди идет девушка.

Мама наклоняется ко мне, кивает на девушку, шепотом спрашивает:

— Доча, у меня вот такая фигура? Как у нее?

Я не знаю, что ответить. Это так странно. У мамы фигура... как у мамы, красивая, мамина. Мама что, не знает, какая у нее фигура? Я не знаю, как ответить. Этот стыдливый вопрос мама будет задавать мне до подросткового возраста, тайком кивая на разных прохожих женщин. Про разных женщин. Пока я сама не перестану понимать, какая у нее фигура.

Бабушка готовит вкусно, но истерически много. Готовит тазами. Бруски сливочного масла, пачки сахара, мешки муки — все идет в замес. Сдобные булочки с корицей и сахаром, поднимаясь в духовке, вылезают за края противня, лопаются, капают плавленным сахаром, теряют форму, стискивая и подпирая друг друга. Бабушкины пельмени размером с мою ладошку. Я не видела

других пельменей. Так что для меня это норма. Когда я ем, бабушка гладит меня по спине своей тяжелой рукой. «Кушай, доченька! Кушай до тошноты!» Бабушка всегда приговаривает это со страстью. Так она выражает любовь.

Бабушка огромная и бесформенная. Никто не знает, сколько она весит. Но ее руки и ноги не похожи на человеческие. Они похожи на тюленей. У бабушки нет бровей, она выщипывает их пинцетом. Говорит, что они вырастают ей в кожу и причиняют боль. Каждый день она, закусив губы, выщипывает новые появляющиеся волоски, глядя в увеличительное зеркало. Бабушка часто приходит в ярость и начинает уничтожать кого-нибудь из семьи. Чаще всего маму или деда. Когда она гневается, ее лицо становится иссиня-бурым. «Неблагодарная тварь» — самое частое ее ругательство. Еще у бабушки бывают «приступы». Во время них она рыдает и громко ритмично стонет. Дедушка делает ей укол. Дядя машет полотенцем, чтоб ей было легче дышать. У меня тоже есть роль в этом ритуале — я должна смочить полотенце в холодной воде и положить ей на лоб. И переворачивать другой стороной, когда оно нагревается. У мамы нет положительной роли в этом спектакле. Мама — неблагодарная тварь, причина бабушкиных страданий. Роль мамы — быть виноватой. С бабушкой что-то не так, но никто в семье об этом не

говорит. Ее не показывают врачам, она не хочет лечиться. Она хочет, чтоб все мы знали, как страшно она нас любит и как больно мы ей делаем. Больше всех бабушка любит меня. И за это она всех в семье хочет наказать.

Я, забравшись на бортик ванной, заглядываю в мутное зеркало. На мне синие хлопковые трусы и белая противная советская майка. Мне пять лет. Я себе не нравлюсь. Я выгляжу нелепо. Не пойму, на кого я похожа. Точно не на девочку. У девочек в мультиках большие синие глаза и белые длинные волосы. У узбекских девочек на улице 40 тонких черных косичек. Они смеются, кушают сумалак и умеют танцевать под узбекскую музыку. У меня короткие черные кудряшки, большая башка. Я рассматриваю свои глаза. Кажется они узкие, корейские. У меня «нависающее веко». Мама рассказывала, что за рубежом женщинам с «нависающим веком» делают операцию, чтобы убрать лишнюю кожу с глаз и сделать их красивыми. Операция называется «сингапури». Я оттягиваю пальцами веки к бровям. Пытаюсь представить, какой бы я была, если бы у меня были «сингапури». Мои глаза скучного карего цвета. Вот бы были зеленые! Малахитовые, как у Хозяйки Медной Горы из сказки.

Мне 11 лет. Мы с друзьями, соседскими девятилетними мальчишками втихую рвём кукурузу с чужого поля.

Я выше их на голову, но это не важно. Мы друзья. Нас застаёт враспloch местный сторож. Мы пугаемся, но он обещает нас не ругать, «только много не рвите». Зовёт меня с собой в заросли кукурузы, там ее больше. Пропускает меня вперед. Я срываю молочные початки и чувствую, что он прижался ко мне. Его руки стискивают меня в районе груди. Я не понимаю, что он делает. Пацаны шутили, что у меня титьки растут, но я-то знаю, что я просто толстая. Нет никакой груди, я еще купаюсь в плавках без верха. Сторож тяжело дышит, сминая меня руками.

— Пстой со мной немножко, никому не говори. А я не скажу, что ты кукурузу воруеть.

— Нет! Нет!

Я вырываюсь и бегу, расталкивая пыльные горячие стебли. Шершавые листья кукурузы режут плечи и лицо. Молочные початки лупят по телу.

— Стой! Куда ты! Не ломай кукурузу!

Я плачу, стиснув колени. Мне стыдно и я ненавижу свое тело. Все из-за того, что у меня длинные ноги в папу. И жирное тело в бабушку. Из-за этого сторож не понял, что я ребенок, перепутал меня со взрослой девушкой. Бабушка иногда обзывает маму проституткой. Наверно, сторож подумал, что я проститутка. Голодная проститутка, воровка кукурузы, с которой можно такое делать, которой некому пожаловаться. Как мне стыдно! Меня

тошнит от случившегося, от самой себя. Друг сидит рядом, растерянно ковыряет палкой землю.

— Как противно быть девочкой! Не хочу быть девочкой! Друг сопит, силясь что-то придумать. Девятилетний мальчик смотрит на мои одиннадцатилетние слёзы.

— Знаешь чего, я же тоже сначала был девочкой.

— Ой, не гони, а!

— Нет, я честно говорю! Я просто потом сильно захотел стать мальчиком, на ночь сильно-сильно загадал желание и вот, стал мальчиком.

— А родители твои чего?

— А родители сначала ругались, а потом забыли, что я родился девочкой и привыкли что я мальчик. Ты тоже так сделай, и всё.

Шестой класс. 90-е. Мне 13. Моя школа в трех остановках от дома. До нее идти через промзону, потом через территорию больницы, сквозь дырку в бетонном заборе, если хочу добраться короче. Или через дворы бараков, если в обход. В кармане моей куртки кухонный нож. Я ношу его там уже год. Я сжимаю его рукоятку каждый раз, когда мимо проходит мужчина. Самое страшное — это компании молодых узбеков. Завидев меня, они свистят, чмокают, пытаются схватить. Я шуто шарохаюсь в сторону, бегу, парни взрываются хохотом и улюлюканьем. Им весело. Смешная малолетка. Мужчины — это привычный страх, естественные

хищники моего существования. Во дворах бараков дежурит «эксгибиционист» — это сложное слово знают все девочки моего возраста. Эксгибиционист отводит своего ребенка в детский сад и потом бродит в окрестностях школы с расстегнутой ширинкой. Однажды он пробрался в школу и обустроился в женском туалете. Никто не знал, что с этим делать — среди учителей не было мужчин. Директриса решительно ворвалась в туалет с бранью, с какой обычно врывается в разбушевавшиеся старшие классы. Через секунду выбежала оттуда бледная: «Я не могу. Я не знаю, что делать». В милицию никто позвонить не решился — там одни мужики, будут смеяться.

Мне 15 и я — фанатка рок-группы. Я мечтаю, чтобы кто-нибудь спросил у меня, кто я. Потому что у меня есть точный ответ — я фанатка этой группы. Их песни описывают все, что творится у меня внутри. Каждая нота, каждый звук их голоса точно передают мою боль, мою внутреннюю бурю, мое надрывное желание любить и искать смысл жизни. Я живу наизнанку — днем сплю, к вечеру просыпаюсь и начинаю рисовать простым карандашом иллюстрации к их песням. У меня есть своя комната, окно выходит в сад и на набережную заросшего водорослями, обложенного бетоном канала. За каналом — долгострой и одинокие опасные мужчины. Но над всеми этими джунглями спального района

царит бескрайний пьянящий розово-сизый летний закат, торжество неба Ташкента. Небо прошивают тоскливым писком стрижи и летучие мыши. Их траектории оставляют визуальное эхо в моих глазах, тянут душу на свободу. Я мечтаю, что у меня тоже вырастут мягкие серые кожистые крылья и я нырну с окна, присоединившись к их неистовой стае, буду метаться в небе, пока оно не станет мокро-фиолетовым, и тогда замру где-то в кроне плодового дерева теплым томящимся кульком, переживать таинство ташкентской ночи. За дверью моей комнаты — ад. Взвинченная работой и женским самоутверждением мать. Пьяный безработный отчим-гопник, строящий планы на мою девственность. За дверью моей комнаты гремят его гантели и режет глаза от запаха пота. Он всегда обижен на меня за что-то. Мать просит меня вести себя с ним, как с членом семьи, как с женщиной в этом доме. В нашем с ней доме. Наша задача — отогреть его своей любовью. Тогда он раскомплексуется, станет лучше, женится на ней, найдет работу, может даже бросит пить. Перестанет орать: «Я мужик или хуй в стакане?!» Сила любви огромна. Я очень люблю маму, я очень стараюсь, честно.

— Он плакал ночью. Признался мне, что влюблен в тебя.

— ...

— Ну хочешь, будем спать втроем?

Реальность подо мной разверзается бездной. Некого больше звать на помощь. Нет никого в этом мире старше меня.

Мне 16, я стою на ташкентском Бродвее, он рисует цветными мелками на асфальте сюрреалистические узоры. Вся его одежда и лицо тоже изрисованы. Он ползает по асфальту на четвереньках и рисует. Прохожие на него пялятся, смеются над ним, тычут пальцем. Он их игнорирует. Кажется ему плевать. Он такой странный и это так круто! Это самый удивительный человек, что я видела за свои 16 лет жизни. Я хочу знать о нем все, я хочу быть с ним, хочу быть им. Он бросает на меня взгляд, он кажется безумным. Я даже не уверена, что он умеет разговаривать. Но мне очень хочется показать ему, что я его понимаю. Я такая же странная и тоже хочу, чтоб все это видели.

Я впервые целую девушку в губы. Его девушку. Дрожащими руками помогаю ей снять футболку. Он называет ее «своей женщиной». Я бы все отдала за этот титул, но меня он называет «малалеткой» и говорит, что трахает меня со скуки. На это я тоже согласна. Близость к нему для меня — волшебство. Он невероятно талантливый, он рисует, как бог. И он не боится быть странным, вызывать эпатаж, творить сумасшедшие вещи. Я учусь этому у него. Смелости, безрассудству. Сегодня я проникаю

в его мир еще глубже — я погружаюсь в их любовь, их секс. Он сидит с нами в комнате, он сидит на тахте и наблюдает, как мы возимся с ней на полу. Это нормально, потому что мы — хиппи. На ней нет трусов. Она говорит, что хиппи их не носят. Я взволнована, но это приятно. Я развожу ее ноги и впервые касаюсь губами. Чувствую ее руку в своих волосах. Я чувствую, что нужно делать, потому что я знаю, что делать с самой собой. Ее тело отзывается, меня опьяняет тепло ее кожи. Кажется, я делаю что-то правильно. Мы вместе делаем что-то красивое. Я горжусь собой в это мгновение. Я пока еще не знаю, хороша ли я в чем-то в жизни. Но кажется в этом я хороша. Мне не страшно и не стыдно — я сейчас в мире, где такое можно. Я оглушена ее сжатыми бедрами, откуда-то с другого конца вселенной долетает ее прерывистое дыхание. Из розового марева блаженства меня выдергивает злобно захлопнутая за моей спиной дверь.

Он курит на кухне, дрожащими пальцами стряхивает пепел.

— Что-то не так?

— Извращенка.

— Да в смысле?

— Ты это мне назло это сделала? Мне противно было на вас смотреть. Тошнит от тебя, уйди!

Разве это я сделала? Я думала, мы все вместе. Я думала, у нас троих свободная любовь.

Мне 19, я замужем уже 2 года, я отпахала свою вахту ки-линки в татарской семье и готовлюсь сбежать в Москву, чтобы стать рекламщиком. Больше никаких тоев, никаких заискивающих поклонов родственницам. Я хочу прожить свою жизнь по мотивам «99 франков» Фредерика Бегбедера, затянуть пленкой глянца и гламура все, что случилось со мной в родном городе, раствориться в трафике московского метро. Я переизобрету себя. Когда шасси моего самолета оторвутся от земли, в ревущей турбине сгорит вся моя боль, одиночество, стыд, предательство. Я стану звездой. Но перед отъездом я хочу встретиться со своим настоящим папой. Я не знаю, зачем. Лучше понять, кто я? Так делают герои в фильмах. Мама никогда не говорила мне про него ничего плохого. Она говорила, что он меня любит. Что много играл со мной в детстве, приносил мороженое ящиками. Она говорит, я хорошо рисую в него. У нее хранится карандашный портрет меня маленькой, который он нарисовал. А еще папа — узбек. Я тоже узбечка, благодаря ему. И очень на него похожа.

Мы встречаемся с папой в кафе. Папа подливает мне чай, смотрит с прищуром, улыбается. Он показывает мне фото своего 9-летнего сына. Оказывается, у меня есть братишка, о котором я не знала. Оказывается,

я еще могу чувствовать себя ребенком. Я снова девочка-подросток с горящими глазами, рассказываю папе, как я училась в художественном колледже, как мои самодельные икебаны берут на продажу в магазин «Цветы Ташкента». Я много залиvisto смеюсь, шучу, мне тепло от его внимания.

— Получается, ты замужем уже 2 года?

— Да.

— А секс у вас есть?

Это странный вопрос. Но еще это удар по больному. Муж не спит со мной уже год, он обижен на меня за то, что я не хочу жить с его мамой. Я в замешательстве молчу, мне не хочется врать папе.

— Изменяешь мужу?

Я изменяю. Но это ничего не значит. Просто мне 19 и мне очень нужен секс. Я не знаю, как сейчас все это коротко объяснить папе, которого я не видела с 5 лет.

— Пап, я люблю своего мужа. Он самый добрый. Хочешь, я могу вас познакомить.

Папа как-то странно задумывается.

— Хочешь, поехали сегодня на дачу с ночевкой. Там баня, шашлыки сделаем, продолжим общение.

Я хочу продолжить с тобой общение, папа. Я хочу, чтоб ты был в моей жизни. Чтоб привел меня к моей узбекской родне, сказал: вот моя доченька, кизим, джанка. Налейте ей чай.

— Я не смогу, извини. Муж не поймет, почему я ночью не дома.

Через пару дней папа снова зовет меня встретиться. Он привез деньги, небольшую сумму в обмен на бутафорский арбалет, который я смастерила для декора его кабинета. Мне немного обидно, так как я знаю, этот арбалет стоит дороже. Но будем считать, что это подарок. Для папы не жалко. Мы идем по аллее.

— Я буду с тобой честным, ты уже взрослая красивая женщина. Я предлагаю, чтобы мы стали любовниками.

— Что?

Я продолжаю машинально улыбаться. Он старший, старших нужно уважать.

— Не отказывайся. Отец с дочерью в сексе могут понять друг друга, как никто.

Надо вежливо отказаться. Я наверно как-то неправильно себя вела. На мне короткая клетчатая юбка и пирсинг, он наверно подумал, что я слишком развратная. Узбеки считают таких девушек проститутками. Видимо я произвела на него ложное впечатление. Я сейчас просто объясню ему. Я с извиняющейся улыбкой одергиваю юбку.

— Пап, ну ты чего... Я так не могу. Я же твоя дочка.

Он затягивается сигаретой, холодно смотрит в сторону. Кажется, он задет. Я его обидела.

— У меня есть только один ребенок, мой сын. И мне надо его поднимать. Пойми правильно.

И я понимаю. Я — чужая. Я — маргиналка в развратной юбке с проколотой губой. В его мире я не гожусь ни на что, кроме постыдного секса тайком от семьи. Но в семью он вернется чистым, возьмет на руки своего сынишку. Они будут пить чай с наватом и свежей лепешкой, в узбекском дворе под тенью виноградника и урючных деревьев. На топчане, на курпачах, на которых мне, неправильной нечистокровной узбечке, места нет.

На мне платье и штаны из хан-атласа, я на кухне своей съемной квартиры. Мне 30 лет, я живу в Москве, и на свой день рождения я впервые сама приготовила плов. Свадебный плов с кишмишом и нутом. Меня никто не учил, я сама сделала все по потрепанной книге издательства «Мехнат» 1987 года. Книгу написал исследователь, некто с фамилией Махмудов — такому можно доверять. Я решила все сделать максимально аутентично, потому и вытащила из шкафа национальную одежду, привезенную мне из Ташкента в прикол друзьями. Все было против меня — электрическая плита, красная морковь вместо положенной желтой. Я испортила 4 пачки риса разных брендов, пока подобрала относительно подходящий, выдерживающий огонь, воду и медные трубы древней технологии плововарения.

Но у меня получилось! Рассыпчатый рис, букет вкуса, который ни с чем не перепутаешь. Я звоню маме по фейстайму.

— Господи, доченька, на тебе что, узбекское платье?

— Мам, я приготовила плов! Сама! У меня получилось!

— Ох, моя золотенькая, ну надо же! Нет, все же ты вся в папу!

— Почему?

— Ну он же ошпасом был, ты не знала? Еще в институте! Готовил плов на свадьбах, его даже за деньги звали!

— Хах, смешно.

— Ну ты даешь, доченька! Узбечка ты моя!

Я улыбаюсь. Это правда смешно.

«Декolonизация» — впервые это слово в меня бросили в 2022 году мои ташкентские друзья, когда я вернулась в Узбекистан из Москвы. Мне объяснили, что у меня имперские замашки. Мой профессиональный опыт, который я наработала за 20 лет в Москве, нужен. А моя оскверненная Москвой идентичность — нет. Если я хочу вернуться в свою компанию, в культурную ташкентскую стаю, я должна отречься, сказать, что все, что было в Москве, было ошибкой, что там нет души и все, что там происходило, мне чуждо. Я должна причаститься, пройти ритуал очищения деколонизальностью. Ладно, конечно же никто именно так не сказал. И меня саму не травят: «Ты же наша, ташкентская». Но я вижу, как

мои друзья теперь реагируют на бежавших из России. Очень похоже реагировали на меня в Москве. Заносчиво, снисходительно, оттесняя в пользу местных, тактично напоминая, что я не дома. «Езжайте на свою историческую родину», как говорили мне в паспортном столе. Приготовь свой плов, но не включай эту странную узбекскую музыку. Пригласи нас к себе в гости, но не обижайся на наши шутки про гастарбайтеров и чурок.

Когда я уезжала из Ташкента в ранних двухтысячных, мои друзья носили футболки с российскими рок-группами и надписью СССР. Сейчас, когда я вернулась, они носят чокеры из кузьминчиков и шоперы из адраса. Я сама ношу халат из адраса, я торговалась за него на базаре Чорсу своим скромным словарным запасом узбекского, который успела освоить. Я бы хотела сказать, что это родная одежда, знакомая с детства. Но это не так. Я наряжаюсь в узбечку, вот что я делаю.

Деколонизация — это процесс освобождения от колониальных установок, навязанных империей, возврат к своим корням, к своей родной культуре. К чему мне возвращаться?

Мне 40, я на международной конференции. На моем бейдже имя и подпись: «Узбекистан, Ташкент». Технически на этом эвенте я представляю страну. Я представляю Центральную Азию, которая больше не Средняя. В названии моей сессии есть слово «деколонизация».

Голос в моей голове ворчит, что про такое должны рассказывать исследовательницы, культурологини, ученые, но точно не я, женщина с пирсингом без высшего образования. Я мысленно с ним спорю — я на образовательную лекцию. Я буду рассказывать про свой опыт, как я себя деколонизирую. Про то, как веду археологические раскопки своей идентичности, пытаюсь угадать, какой культуре и цивилизации принадлежит каждый попавшийся под лопату черепок.

Я беру микрофон и заикаясь, с ошибками говорю на английском — мне сказали, что по возможности лучше не использовать русский язык, так как он сейчас является триггерным для многих. В стремлении учесть чужую боль я должна лишиться речи. Хорошо, что пока мое дыхание никого не триггерит. Но, думаю, это вопрос времени. На сессиях мы говорим о том, как важно децентрализоваться, деколонизироваться, солидаризироваться, вместе принять новые вызовы, осознать свои привилегии. На обеде мы все снова разбредемся на кучки и будем меряться тем, кто из нас сильнее выгорел и от скольких ретритов за год отказался.

Я готовлюсь к поездке. Складываю в чемодан косметичку, забитую баночками с блестками. Две палетки грима и охакну кистей. Перьевые манто, лайкровые перчатки, портупей, нательные светящиеся гирлянды. Цветные парики, чокеры, кимоно, мантии. Почти все

это — не для меня. Это приборы для самовыражения, пробники свободы, которые можно раздавать. В таком не выйдешь за дверь, но даже за закрытыми дверями, в подвалах клубов и духоте домашних вечеринок можно хотя бы на пару часов увидеть другого себя в зеркале, взорваться наружу своей идентичностью, сбежать из-под строгого надзора традиций и ценностей своей озорной детской частью. Когда у меня на лице блески, когда я одета причудливо, никто не пытается выяснить, кто я по национальности. Потому что по мне и так видно: я — квир. Квир по национальности. И в любой части мира я узнаю своих безошибочно. Они выдадут себя даже без блесток и аксессуаров. И из этой стаи меня уже не выгонят. Не выгонят ведь? Потому что идти-то уже просто некуда. Это наше последнее пристанище, ребята. Мы оседлали свой стыд несоответствия, официально заверили свою инаковость, неоднородность, неоднозначность. Никто не может понять, кто мы. И мы сами не можем. Но мы точно это чувствуем! И нет такой линейки, которой нас можно измерить на предмет соответствия. Мы завалим любой экзамен по нормам.

Алтын Капалова

Алтын Күндө Дор

КЛАДОВКА

— Привет!

Мои губы предательски не разжимались, чтобы ответить ей «привет». Она смотрела мне в глаза, как будто мы с ней проснулись вместе в одной кровати после долгого и привычного сна вместе.

— Пошли!

Она схватила меня за руку, и мы выбежали с ней из поезда, на котором я приехала к ней из Москвы. Мы шли держась за руки, как будто съели вместе невкусный дешёвый завтрак в нашей съёмной квартире и вышли гулять по Питеру.

— В аське ты была разговорчивее.

— Ну...

— Хорошо, что ты никогда не была в Питере, можно тащить тебя куда угодно. Хочешь покажу тебе музей Ахматовой? История, конечно, идиотская. Пунин, конечно, еще тот козёл. Притащил жить Ахматову к себе домой.

— А что плохого?

— То, что там уже жила другая Аннушка.

— Ааа да? Может другая Аннушка была не против?

— Ты сама веришь в это? Мне обидно за Анн... и первую и вторую.

— А кто из них первая, кто вторая для тебя?

— Кто что знает про Анну Аренс? В этом плане Анну Ахматову спасают её стихи.

— Спасают от чего? От того, что сейчас мы с тобой считаем её не второй, а первой? Ей уже всё равно. Она умерла. Есть наши с тобой мысли о ней, а её нет в этом мире.

— Можно вот без этих философских бла-бла-бла? Я понимаю, что ты в московском универе учишься, но я не люблю всякие заумные теории. Я подумаю, что ты скучная зануда.

— А что мне сделать, чтобы ты не подумала, что я скучная зануда?

— Не болтай умные глупости. Не спрашивай куда мы идём. Тебе же всё равно? Я же тебе интереснее, чем этот город. Правильно?

— Да.

— Мы пойдем сейчас с тобой кушать. У меня есть немного денег. Только забежим на работу ко мне.

Она забежала в секс-шоп. Это была её работа. Мы никогда не пользовались никакой секс-игрушкой. Никогда. И стриптиз она мне не танцевала. Никогда. До секс-шопа она проработала в стрип-клубе в Японии

почти 2 года. Накопила немного денег, смогла купить на окраине Питера крохотную квартирку, вернее, комнату. Она была похожа на кладовку: тесная, без окон и с вечно тусклым светом.

Все десять ночей, что я провела в Питере, мы с ней спали в её узкой кровати; в её узкой, как кладовка, квартире. С ней было безумно легко и безумно больно одновременно. Нам было по 20 лет. Я была из маленького азиатского городка, она была из маленького российского городка. Я восхищалась ею бесконечно, и сейчас восхищаюсь. Её смелый взгляд в поезде отпечатан в моей памяти. Её натренированные на шесте мышцы ног и рук отпечатаны на коже моих ладоней. Сейчас бы она сказала «фу, как же ты банально пишешь».

Я никогда не искала её. Боюсь боли. Не верю, что она смогла выкарабкаться из нищеты и несправедливости. Мы обе были слишком беззащитны, слишком одиночки, слишком бедны, чтобы быть вместе. Или же я была слишком труслива, а она слишком смела.

В первую из десяти ночей, которые мы провели вместе, она повисла на мосту. Просто так. Я от страха не могла сдвинуться с места. Она висела и хохотала, я стояла и молчала.

— Что?

— Ничего.

— Ты что, обиделась?

— Это входило в твою профессиональную подготовку танцев на шестах?

— Ха-ха-ха-ха. Это было смешно. Или ты думаешь, что сказала мне что-то обидное?

— Я думаю, что нельзя так делать.

— Потому что что? Потому что я бы упала и умерла? И питерские мусора выяснили бы, что я была с девушкой, которая приехала ко мне из Москвы, познакомившись со мной на сайте знакомств для лесбиянок? Потом они бы выяснили, что эта девушка — мигрантка из Азии, потом весь твой аул узнал бы, что ты подозреваешься в убийстве девушки, потому что эту новость показали бы по всем каналам Киргизии?

— Кыргызстана.

— Какая же ты всё-таки зануда. Как ты не поймешь

— мне просто легче так произносить. Нет в этом никакой политики. А ты — зануда. Еще и трусиха. Трусиха! Трусиха!

Она не ожидала, что я побегу за ней, потому что за проведенный вместе день она успела привыкнуть к моей инертности. Но я побежала, и даже смогла догнать её, смогла ухватить за пояс её короткого нелепого пальто,

которое ей шло, как идут кукле барби платья из любых ошметков ткани. Я обняла её:

— Я не трусиха.

— Да ты что!? И даже поцелуешь?

— И даже поцелую.

ЧЕМОДАН

— Пойдешь со мной в чемодан?

— Не поняла.

— Пойдем со мной в Чемодан Зусмановича?

— Аааа. Ахаххаа. Это же бар! Я там никогда не была.

А что есть в этом чемодане?

— Музыка, вино.

— В другой раз. Извини. Сегодня не могу.

Я хотела сказать по-другому:

— Я бы полежала с тобой в каком-нибудь большом чемодане. Плотно прижимаясь к твоему телу. Интересно, каково это чувствовать всё твоё тело, если моё тело пробило током от прикосновения твоих ног к моим ногам через зимние джинсы? Наверное, опасно.

Несколькими минутами раньше, когда был сильный порыв ветра, она обняла меня сзади по моей просьбе. Мне были приятны её объятия. Ветер казался уже

не таким сильным, он казался теперь каким-то ласковым. Я взяла её руки, обхватывающие меня, в свои руки, и почувствовала в этот момент прикосновение её ног к моим ногам. Я почувствовала себя счастливой от осознания того, что испытываю сильное возбуждение и желание застыть во взаимных прикосновениях.

Мы так и не сходили в бар. Но мы полежали в чемодане, как я и мечтала. Под музыку её плейлиста я чувствовала её тело. Каждый сантиметр. Целовала её плечи, спину, ноги, руки. Плотно прижимала её к себе и прижималась к ней. Я продолжала хотеть её после оргазма. Я была нетерпеливой и настойчивой, она была внимательной и спокойной. Я чувствовала как она изучает меня, моё тело. Как она внимательна к моим желаниям и удовольствиям. Она чётко считывала прикосновения, от которых у меня кружилась голова, и потом повторяла их, отчего я уходила в какие-то новые измерения своих ощущений.

Это был короткий и яркий роман, который наполняет меня и сейчас. Когда я вспоминаю наше время, мне хочется утонуть в своем теплом вязаном свитере, но у меня нет теплого вязаного свитера, поэтому я тону в воображаемых мягких нитях, соединенных между собой в красивые узоры мягкой вязью. Наша связь продолжает жить в моем воображении, я часто думаю

о том, как у нас всё могло быть, если бы всё не вышло, так как вышло... если бы мы обе не были с мозаичными сердцами, которые нужно склеивать, которые нужно беречь... если бы все было хорошо с нашим ментальным здоровьем... если бы мы были свободнее от своих болей и ран... потом моё воображение уступает место воспоминаниям о ней, и я решаю, что они важнее, намного важнее всех этих «если бы».

ОДЕЯЛО

— Оль, ты так говоришь о нас, как будто мы пара. Подумай о том, что ты, возможно, обламываешь мне романтическую ночь, вводя окружающих женщин в заблуждение.

Через громкие хохоты большой женской компании и шум высоких волн Иссук-Куля, слова, сказанные Нари, мне слышались личным приглашением провести вечер, а возможно, и ночь с ней. Мне казалось, что эта шутка адресуется мне. И только мне. Но я изо всех сил пыталась делать вид, что Нари меня не интересует. Пока я смеялась со всеми вместе, чтобы не спалиться перед всей компанией квир-активисток и правозащитниц, поднялся сильный ветер. Все спешно стали собирать свои одеяла, пустые и полупустые бутылки от вина, мокрые, холодные купальники, влажные полотенца, чтобы побежать в укрытие — гостевой дом, который зазывал нас в 500 метрах от пляжа.

Ветер не мог испортить наши планы коллективно смеяться в безопасном кругу квирных женщин, поэтому в гостевом доме мы все вместе сели на топчане. Компания была безумно весёлой, смеялись до паралича лёгких все, кроме меня. Я только делала вид, что смеюсь. Мои мысли и желания о ней были сильнее моей способности следить за логической нитью разговора и шуток, которая стремительно росла.

От ветра нас защищали текстильные стены из ярких тканей, а тела наши от вечернего ветра и холода защищали одеяла из комнат гостевого дома. Я оказалась под одеялом Нари вместе с ней. Она укрыла наши ноги. Я сидела в своей любимой позе, согнув одну ногу в колене и подобрал её к себе, а вторую вытянув. У Нари обе ноги были согнуты. Все прятали свои руки под одеялами, было зябко, мы высовывали руки только чтобы взять бокал вина или сигарету. Я уже как полчаса не тянулась ни за бокалом, ни за сигаретой, потому что мои руки гладили колени Нари, и более приятного занятия для меня на тот момент в мире не было.

В такие моменты тебе всегда кажется, что вы шифруетесь качественно, кажется, что вы зашифрованы как самые секретные послания секретных служб, но на деле все видят искры, летающие между вами. Когда все стали расходиться, наше шифрование продолжалось,

и каждая пошла в свою комнату, но я точно знала, что она придёт. Я отчетливо помню, как она пришла ночью, зашла в тесную комнату, обняла и поцеловала меня. То, что происходило дальше, помню размыто: длинный рабочий день, вождение машины, купание в озере, активный вечер и алкоголь размыли детали ночи. Но я помню себя утром — я чувствовала себя живой. Очень живой.

Сейчас я плохо понимаю, почему в тот вечер мы прятались. В итоге, это стало нашим стилем общения — встречи украдкой: быстрые, но ёмкие. Кажется, мы обе не хотели отношений. Хотелось общения, секса, встреч. Так и было. Наши встречи можно описать десятью словами: душ, секс, разговоры, кофе, сигареты, иногда вино, иногда еда, очень редко совместный сон, ещё реже общие подружки и друзья, и ещё реже прогулки.

В наших с ней отношениях и в ней я обожала её умение не усложнять и не драматизировать. Мы встречались между нашими отдельными полётами, между нашими выступлениями и встречами, которые каждой из нас казались важными.

В итоге наши отношения как будто растворились где-то высоко в небе, в её очередном авиаполёте, в который она улетела, оставив меня в неизвестности

и непонимании — где мы? Мы вместе или нет? Но меня это устраивало.

Мы завершили наш роман через письма. Недоговорённостей не было. Поэтому я всегда радуюсь, когда её вижу на очередной сходке квир-активисток. С большой теплотой её обнимаю. Обожаю смотреть на её пиджаки и браслеты, которые она любит носить; обожаю смотреть, как она разруливает конфликтные ситуации; обожаю, когда она шутит; а ещё я обожаю вспоминать её одеяло, под которым нам было так нежно и тепло сидеть.

Author Biographies/Биографии авторо_к

Contributors and editors of this volume are listed alphabetically by first name (or chosen name), including pseudonyms, to reflect the ethos of the volume.

Автор_ки и редактор_ки данного сборника перечислены в алфавитном порядке по имени (или выбранному имени), включая псевдонимы, чтобы отразить дух издания.

Adiba/Адиба

Адиба — авторка и исследовательница из Казахстана, живущая в Берлине. В своих текстах она работает с личной и коллективной памятью, телесностью, деколонизальностью и квир-идентичностью в постсоветском пространстве. Публикуется в журналах, антологиях и на онлайн-платформах, участвует в выставках и образовательных проектах.

Adiba is an author and researcher from Kazakhstan, who lives in Berlin. In her texts she works with personal and collective memory, embodiment, decoloniality and queer identity in the post-Soviet space. Her works have been

published in journals, anthologies and online platforms. She participates in exhibitions and educational projects.

Aisuluu/Айсулуу

Меня зовут Айсулуу, я родилась и живу в Кыргызстане, Бишкек. Я квир женщина, у которой ушло много времени это осознать, из-за того, насколько табуированная эта тема в моей стране. И этот опыт разделяют много моих квир знакомых и друзей. Для меня самый эффективный способ борьбы с этой проблемой это искусство. Находить кыргызские иллюстрации, истории, песни с квир темами или даже просто созданные квир людьми помогает нам чувствовать себя видимыми и свободными. Большая причина моего писательского хобби именно потому что я хочу приносить свой вклад в сотворение таких работ, которые обогащают квир культуру в нашей стране. Я благодарю всех замечательных людей, искусством которых я вдохновляюсь, и надеюсь найдутся те, которые почувствуют то же самое к моим работам.

My name is Aisuluu. I was born in Bishkek, Kyrgyzstan. I am a queer woman, and it took me a long time to understand who I am, because of how taboo this topic is in my country. It is an experience I share with many of my queer

friends. For me, the most effective solution to this problem is art. Finding Kyrgyz illustrations, stories, songs with queer themes or even just something created by queer people helps us to feel seen. The big reason for my writing hobby is exactly because I want to contribute to works that expand the queer culture of my country. I am grateful to all the incredible people whose work inspires me and I hope there will be people who will think the same about my works.

Altyn Karalova/Алтын Капалова

Алтын Капалова — антропологиня, художница, писательница и квир-активистка из Кыргызстана. В своей работе она соединяет науку, искусство и политику, создавая пространства, где можно бороться и говорить о теле, травме, свободе и любви. Алтын — одна из создательниц «Феминнале» в Бишкеке, выставки о женском опыте в Центральной Азии. Она также основала Музей фем и квир искусства, где собирает работы художниц из ЦА региона и курирует проекты, которые объединяют художниц, активисток и исследовательниц стран ЦА. Пишет сказки — тёплые и смелые, в которых дети могут видеть мир более разнообразным и справедливым. Один из важных активистских жестов Алтын — дать своим детям матчество вместо отчества, что стало началом публичной борьбы за право женщин

давать своё имя своим же детям. Алтын много работает с темами памяти, боли, телесности, женского и квир-опыта, создавая визуальные работы и тексты. Часто говорит, что искусство — это её способ жить, дышать и быть рядом с другими.

Altyn Kapalova is an anthropologist, artist, writer and queer activist from Kyrgyzstan. In her work she connects science, art and politics, creating spaces, where it is possible to fight and talk about body, trauma, freedom and love. Altyn was one of the creators of the Feminnale contemporary art exhibition in Bishkek, that touched on women's experiences in Central Asia. She is also the founder of the Museum of feminist and queer art (MOFA+), where she collects the works of women artists from Central Asia and curates projects, that unite women artists, activists and researchers of the region. She writes fairy tales—warm and brave, in which children can see the world as a more diverse and just place. One of the activist gestures of Altyn was to give her children a matronymic name, which signified the beginning of a prolonged public struggle for the right of women to give their names to their own children. Altyn works with the themes of memory, pain, embodiment, women's and queer experience, creating visual works as well as texts. She often says that art is her way of living, breathing and being with other people.

Anora Kartay/Анора Картай

Меня зовут Анора! Я родом из Алматы, Казахстана, где я до сих пор живу. Я активистка, писательница и задротка. А еще я — трансженщина. Я побывала во многих местах, от западных окраин США до самых южных регионов Китая; и меня вдохновили так много вещей, которые сами по себе являются мелочами. Я несколько лет работала в зеленых технологиях, а также в важных государственных институциях и глобальных корпорациях. Где бы я не была, я стремлюсь запечатлеть опыты и вдохновения, дистиллировать их во что-то прозрачное и структурированное, как кристаллы, и использовать их как топливо для своего творчества.

Мой подход к письму, как мне кажется, был сформирован под влиянием интернета. Недружелюбное для квир-персоны окружение вытолкнуло меня в пространство международного диалога в мировой сети. Достаточно рано я смогла сделать важные для меня диалоги глобальными и одновременно с этим инсулировать их, создавая «стерильные» пузыри. Я была заворожена тем, как опыт формирует мнения, как разделенные мнения формируют сообщества, и как сообщества в свою очередь создают новые опыты. С тех пор я не могу остановиться и пишу концептуальные тексты,

в которых стремлюсь как можно точнее отразить опыт, и через их структуру передать его другим.

Я надеюсь изменить мир к лучшему. И надеюсь, что в процессе создам прекрасные вещи!

My name is Anora! I'm a native of Almaty, Kazakhstan, where I still live. I'm an activist, writer and nerd. I am also a trans woman. I've visited places from the western edges of the US to the southmost parts of China; and I've been inspired by so many things that are, by themselves, so little. I have spent a few years working in green technology, I have worked in highly impactful government institutions, and international corporations. Wherever I go, I capture experiences and inspirations, I try to distill them into something clear and structured —like a crystal—and use them to fuel my creativity.

My approach to writing, I believe, was shaped by the internet. Being queer in unfriendly and unwelcoming spaces pushed me into international conversations through the world-wide web. Fairly early on I found the way it can globalize conversations and, vice versa, insulate them, creating “sterile” bubbles. I was fascinated by how experiences shaped opinions, how shared opinions shaped communities, and how communities created new experiences. Ever since, I couldn't stop myself from writing conceptual texts,

aiming at capturing experiences as well as I could—and using their structure to convey the impact they’ve had on me onto others.

I hope to make the world a better place. And I hope to create beautiful things while doing so!

Kazy/Казы

Меня зовут Казы, я из Оша, вырос в консервативной сельской семье. Осознание своей квир-идентичности пришло ко мне в подростковом возрасте, когда я учился в старших классах — примерно в 15-16 лет. В студенческие годы, благодаря поддержке круга подруг и друзей, я начал принимать себя таким, какой я есть.

Мне тогда остро не хватало сообщества, где я мог бы чувствовать себя в безопасности и рядом с теми, кто, как и я, отличается от большинства. В то время такого пространства почти не существовало — но рядом были несколько человек, также идентифицирующих себя как квиры. Мы поддерживали друг друга, делились опытом, и именно эта поддержка вдохновила нас на создание собственного пространства.

Так с другом и подругой мы создали инициативную группу, в рамках которой поддерживаем транс квир

сообщество на юге страны, а также проводим образовательные мероприятия по теме СОГИ и прав человека. С 2018 года активно вовлекаюсь в работу гражданского общества в сферах гендерного равенства, прав человека и ВИЧ.

Я стал первым подкастером в Кыргызстане, говорящим о сексуальном образовании на кыргызском языке. С 2023 года работаю менеджером проектов в молодежной НПО в Оше. По образованию я журналист, а в настоящее время изучаю права человека и устойчивость в регионе ЦА в Академии ОБСЕ в Бишкеке.

My name is Kazy, I am from Osh, and grew up in a conservative rural family. I realised my queerness during adolescence, during high school, when I was around 15-16 years old. During my university years thanks to the support from a close circle of friends, I came to accept myself. Back then I acutely felt a lack of a safe space, a community of others, who, like myself, were at odds with the world. At the time such a community was not there, apart from a few trusted queer friends. We supported each other, shared our experiences and this mutual support inspired us to create our own space. Along with two of my friends we created an initiative that works with queer and trans people in the South of the country, organizing educational events on SOGI and human rights. Since 2018 I have been actively involved in

civil society work on the issues of gender equality, human rights and HIV. I became the first podcaster in Kyrgyzstan to talk about sexual education in Kyrgyz language. Since 2023, I have been working as a project manager at a youth NGO in Osh. My background is in journalism and I am currently studying human rights and sustainability at the OSCE Academy in Bishkek.

Liliya Ten/Лилия Тен

Идеалистка, активистка, кошатница. Когда-то мечтала стать пианисткой, но вместо игры по нотам выбрала сочинять собственную партитуру — создавать проекты, вдохновлять людей и менять мир через активизм. Умеет упорядочивать хаос и превращать рутину в творчество. Чувствует себя как рыба в воде в темах гендерного равенства, прав ЛГБТК-сообщества и профилактики ВИЧ. Привыкла доводить начатое до конца. Верит, что мир можно изменить — и делает это каждый день.

Liliya Ten is an idealist, an activist and a cat-lover. She once dreamt of becoming a pianist, but instead of playing by the notes, she chose to compose her own score creating projects, inspiring people and changing the world through activism. She can bring order to chaos and turn routine actions into art. She feels like a fish in water in the subjects

of gender equality, LGBTQ+ rights and HIV prevention. She always gets the job done. She believes that it is possible to change the world and does it every day.

Mariya Levitanus/Мария Левитанус

Мария Левитанус — квир-психотерапевтка, исследовательница и педагогиня, родившаяся в восточном Казахстане, но ныне проживающая в Шотландии. Ее работа укоренена в глубокой приверженности к альтернативному производству знаний, как в рамках так и за пределами академических пространств. В качестве практикующей психотерапевтки, Мария работает в основном с квир и транс-людьми. Ее работа обращается к темам переплетений места, маргинализации и нарушения нормативностей и укоренена в деколониальном и квир-подходах.

Mariya Levitanus is a queer psychotherapist, researcher, and educator, originally from East Kazakhstan and now based in Scotland. Her work is rooted in a deep commitment to alternative knowledge creation, both within and beyond academic spaces. As a practising psychotherapist, Mariya works primarily with queer and trans* people. Her work traces the entanglements of place, marginalisation,

and the unmaking of norms, grounded in decolonial and queer approaches.

Meder Erkinbek uulu/Медер Эркинбек уулу

Меня зовут Медер. Я 2003-го года рождения. Родился и вырос в Кыргызстане. Недавно закончил художественное училище им. С. А. Чуйкова, в отделении живописи.

Свою квинность я осознавал, наверное, с самого детства. К большому удивлению, я не проходил через этап внутренней гомофобии, непринятия себя и всего такого, с чем сталкиваются, кажется, все квин-персоны. Хотя я вырос в очень консервативной семье и в таком же консервативном микрорайоне. Но каких-то подавляющих факторов моей ориентации не было. И, что странно, с большими проблемами я столкнулся уже будучи внутри сообщества — как-то забавно всё вышло.

My name is Meder. I was born in 2003, born and raised in Kyrgyzstan. Recently I graduated from art school, in the department of painting. I have known about my queerness since early childhood. Remarkably, I never went through a period of internalised homophobia, not accepting myself and similar experiences that seems to be common among queer people. Although I grew up in a very conservative

family and a very conservative neighborhood, there were no factors repressing my sexuality. What is strange is that I encountered more problems once I was part of the queer community—funny how that turned out.

Мира Гафар/Mira Gafar

Мира — редактор и корректор, который пытается переосмыслить процессы нормативной редактуры в квир- и антиколониальном, левом ключе. Он занимается арт-активизмом и исследованиями в Северной и Центральной Азии.

Mira is an editor and proofreader who seeks to rethink normative text editing processes from a queer, anti-colonial, leftist perspective. He is involved in art activism and research in North and Central Asia.

Mohira Suyarkulova/Мохира Суяркулова

Мохира Суяркулова — докторка философии, педагог, исследовательница, художница и писательница. Мохира родилась в Душанбе, Таджикистан, но провела значительные периоды своей жизни в Узбекистане, Шотландии и Кыргызстане. В данный момент Мохира живет

в Бишкеке. Она преподает уникальные для региона курсы о гендере и сексуальности, феминизме, искусстве, этике и методологиях исследований. Сейчас Мохира работает над автоэтнографическим графическим романом и перформансом о философии невежества, самопознании и квир-существовании. Она любит свою девушку, своих трех кото-дочерей и рисовать.

Mohira Suyarkulova is a professor, researcher, artist and writer. Born in Dushanbe, Tajikistan, she spent significant periods of her life in Uzbekistan, Scotland and Kyrgyzstan. Currently Mohira lives in Bishkek. She teaches courses on gender and sexuality, feminism, art, ethics and methods of research. This year, along with editing this volume, she wrote and staged a play dealing with the topics of philosophy of ignorance, self-knowledge and queer existence. She has also been working on an autoethnographic graphic novel. She loves her girlfriend, her three cats, and making art.

Nari Alibekova/Нари Алибекова

Меня зовут Нарие Алибекова. Я поэтесса, писательница, активистка. Я — голос, который чувствует боль. Мои тексты — это сплетение личного и политического, тела и духа, тьмы и света.

Я верю, что быть собой — это уже форма искусства!
Каждая строчка — мой способ выжить, стать ближе и на-
помнить миру: даже в уязвимости есть огромная сила.
Мои слова рождаются из личного опыта, переходяще-
го в нечто большее — в голос тех, кого часто не слышат.

My name is Nari Alibekova. I am a poet, writer and activist.
I am a voice in pain. My texts are the intertwining of the
personal and the political, body and spirit, darkness and
light. I believe that simply being me is an art form!
Each line is my way to survive, to get closer to and remind
the world that even in vulnerability there is a great strength.
My words are born out of personal experience, transformed
into something greater—a voice for those who are of-
ten not heard.

Narin Azimova/Нарин Азимова

Нарин Азимова — авторка рассказа, писательница и ак-
тивистка, пишет квір-рассказы и сказки. Написала кни-
гу о судьбе 13 женщин из Таджикистана. Журналистка
со стажем более 15 лет, теологиня и языковедка. Про-
двигает фем-оптику в стране и выступает активно в за-
щиту прав женщин.

Narin Azimova—writer and activist, who writes queer stories and fairy tales. She has written a book about the lives of 13 women from Tajikistan. A journalist with over 15 years of experience, as well as a theologian and linguist. She promotes a feminist perspective in the country and actively advocates for women’s rights.

Nina Lee/Нина Ли

Работает в Центральной Азии. Занимается активизмом, культурными инициативами, психопросветом. Использует личный опыт — как инструмент. Создаёт пространство, где можно быть уязвимым и обсуждать трудные табуированные темы.

Nina works in Central Asia. She is an activist working with cultural initiatives and psychological education. She uses her personal experience as a tool, creating a space where one can be vulnerable and discuss difficult and taboo subjects.

Oshtuk Panda/Ошский Панда

Всем салам, да я Ошский Панда. И мне нравится быть собой. 🌿 Это не просто образ, это часть меня.

Я гражданский и квир-активист, иногда — исследователь, иногда — журналист, а иногда — просто человек, который любит общаться с людьми, наблюдать за жизнью и искать в ней новые смыслы. Уже несколько лет я работаю в сфере прав человека, координирую проекты, связанные с поддержкой ЛГБТК+ сообществ, профилактикой ВИЧ, молодежным развитием и укреплением лидерских навыков. Я один из сооснователей инициативной группы «БиздаБарбыз», которая занимается видимостью и поддержкой транс* и квир-людей в южных регионах страны. Для меня важно, чтобы у людей был безопасный простор для диалога, принятия себя и друг друга. Я верю, что изменения начинаются с честных разговоров и маленьких шагов. Когда я не работаю, я слушаю музыку, пишу тексты о жизни или просто гуляю по Ошу, наблюдая за людьми и городом. Да, я не воин, не тигр, не орёл. Я — просто Панда 🐼.

Salam to everyone! Yes, I am a Panda from Osh. And I love being me. 🌿 It's not just an image, it's a part of me. I am a civic and queer activist, sometimes a researcher, sometimes a journalist, and sometimes simply a person who loves interacting with people, observing life and searching for new meanings. For several years now I have been working in the sphere of human rights, coordinating projects related to the support of LGBTQ+ communities, HIV prevention, youth development and building up leadership

skills, I am one of the co-founders of the initiative group “Bizdabarbyz”, which works to support queer and trans people in the southern regions of the country. For me it is important that people have a safe space for dialogue, self-acceptance and mutual support. I believe that changes start from honest conversations and small steps. When I am not working, I listen to music, write texts about life or simply walk about Osh, watching people and observing the city. Yes, I am neither a warrior, nor a tiger, nor an eagle. I am simply a Panda 🐼.

Теона Kokoreva/Теона Кокорева

//формальная

Теона Кокорева (г.р. 1991) — интердисциплинарная транс российская художница. Она в основном работает в медиумах театра, перформанса, цифрового искусства и игр. Хотя ее бэкграунд в сферах перевода и журнализма, она выступала в качестве исполнительницы и режиссерки во многочисленных спектаклях на многих сценах, изучала способы работы с наследием военных преступлений в рамках летней лаборатории ФртиШоккен в Нюрнберге, Германии, создала ходячий аудиомагазин по искусству выбора в Лиссабоне, Португалии, и придумала вечно-изменяющуюся рамку для коммуникации и эмпатии, которая притворяется

поваренной книгой (в соавторстве с гениальной и нежной художницей Мари Патсюк). Недавно она приняла участие в ежегодном первоапрельском конкурсе современного искусства 2025 в Музее изобразительного искусства имени Гапара Айтиева в Бишкеке. У нее очень красивый кот. Живет в Бишкеке, Кыргызстан.

//неформальная

Меня зовут теона кокорева. Я создаю глупые игры и другую дребедень, которая заставляет людей разговаривать с друг другом и иногда смешит их.

Я трансфеминная, но выгляжу больше как квирный парень, потому что мое тело почему-то — чемпион по производству тестостерона. Я немного ненавижу насколько это влияет на мою повседневную жизнь, но все равно мне нравится процесс. К чертям волосы на теле!!! Иногда я занимаюсь активистскими вещами, но от них у меня ломит кости.

К сожалению, мне очень нравятся люди. Особенно моя партнерка Мей и как она спит как уставший цветок, решает проблемы, притворяется, что ее бесят мои тупые шутки и целует меня в шею. У меня очень красивый кот, который очень редко ссыт на вещи, на которые не надо бы ссать.

//formal

Teona Kokoreva (b. 1991) is an interdisciplinary, trans, russian artist. She primarily works in the mediums of theatre, performance, digital art and games. With a background in translation and journalism, she performed and directed shows on dozens of stages, searched for ways to work with the legacy of war crimes as a part of the ArtiSchocken summer laboratory in Nuremberg, Germany, designed an audio-assisted walk-shop on the art of making choices in Lisbon, Portugal, and made a shifting, ever-changing framework for communication and empathy that pretends to be a cookbook (coauthored with the genius and tender artist Marie Patsyuk). The most recent exhibition she took part in was the "Annual April 1st Contemporary Art Contest", 2025, in the Gapar Aitiev National Museum of Fine Arts, Bishkek. Has a very pretty cat.

Based in Bishkek, Kyrgyzstan.

//informal

my name is teona kokoreva. I make silly games and other things that make people talk to each other and sometimes laugh.

I am transfem, but look decidedly like a queer man, because my body is somehow a real fucking champion at producing testosterone. I kind of hate how much that influences my everyday life, but enjoy the process nevertheless. fuck body hair!!!

I do activist things from time to time, and they make my bones ache.

unfortunately, I like people quite a lot. most of all, I like my partner Mei and the way she sleeps like a tired flower, solves problems, fake-bristles at dumb jokes, and kisses my neck. I have a very pretty cat that very rarely pees on things that shouldn't be peed on.

Timbro/Тимбро

Timbro живёт в Кыргызстане, где об иной любви говорят шёпотом. Иногда художественный текст остаётся единственным местом, где ещё можно быть самим собой и честным. Но слова — упрямая вещь. Они просачиваются сквозь запреты, через бетон и всегда находят путь в чьё-то сердце. Герои Timbro, как и сам автор, занимаются спортом. Говорят: «Поднимай тяжести, чтобы становилось легче». Однако все они убеждены: есть вес, подняв который легче не станет никогда. Это тяжесть молчания.

Timbro lives in Kyrgyzstan where one can only whisper about another kind of love. Sometimes fiction is the only space where one can be true to oneself and honest. But words are stubborn things. They trickle through bans and concrete and always find their way into someone's heart.

Timbro's characters like himself do sports. They say: "Lift heavy things so that your heart feels lighter". But they are all convinced that there is one weight that does not lighten our being—the weight of silence.

Veta Hegay/Вета Хегай

Вета — иллюстраторка из Кыргызстана. Она создала иллюстрации для множества проектов и сделала дизайн для различных образовательных материалов. Ее работа фокусируется на феминизме и инклюзивной репрезентации.

Veta is an illustrator from Kyrgyzstan. She has created illustrations for numerous projects, and designed different educational materials. Her work has a focus on feminism and inclusive representation.

Zhanar Sekerbaeva/Жанар Секербаева

Жанар Секербаева родилась в 1982 году в Атбасаре, Акмолинская область. С детства была резвым, непослушным ребёнком (воображавшей себя жеребёнком), которая хотела очень серьёзно заниматься спортом, но в маленьком городе были доступны каратэ и баскетбол,

поэтому Жанар занималась этими видами спорта. Кроме того, она выбрала баян в рамках обучения в музыкальной школе. Играла так, чтобы бабушка-соседка слушала в замочную скважину, как девочка репетирует, доводя пенсионерку до щемящих слёз исполнением композиций на военную тематику или русских народных песен.

В 2000 году поступила в Евразийский национальный университет имени Льва Гумилёва, откуда выпустилась с отличием в 2005 году (по специальности «Журналистика»). Как шутит мама Жанар, коллекция дипломов с той поры только пополнялась и на сегодня в коллекции их 7. Если было бы возможно делиться, то Жанар, добрая душа, конечно, раздала дипломы! Вам не нужны? На сегодня Жанар — PhD in Social Sciences (Университет Цукубы) с вечным поиском: а что дальше? Постдок, открытие университета, вечный активизм или флирт?

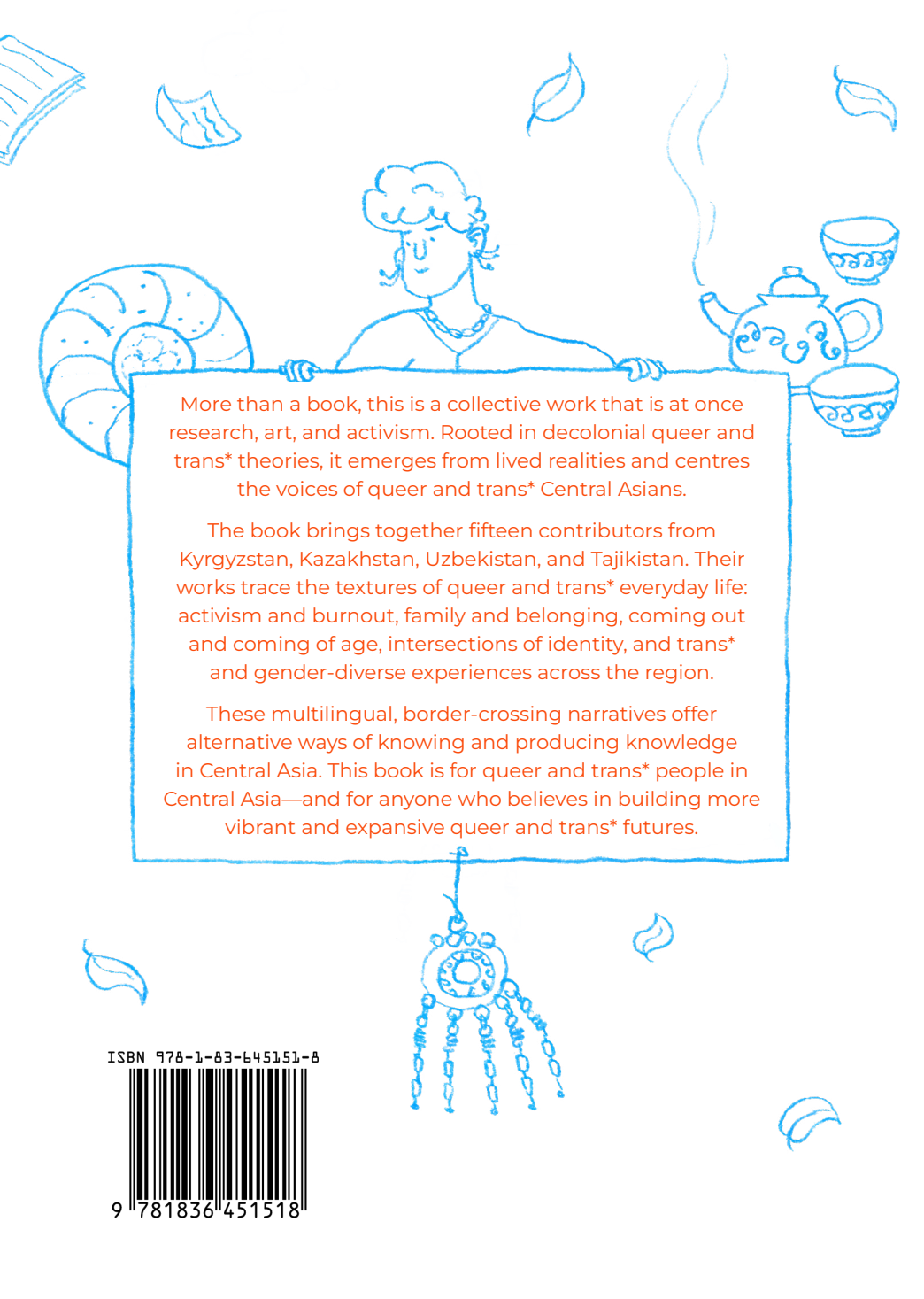
В 2014 году Жанар вместе с Гүлзадой Сержан основали Казахстанскую феминистскую инициативу «Феминита», занимающуюся правами лесбиянок, бисексуалок, квир и трансженщин. С тех пор это самая громкая, дерзкая, яркая ЛБКТ-инициатива, наводящая суету в Центральной Азии. Жанар — открытая лесбиянка (ещё поэтка, пауэрлифтерка) и рада новым знакомствам на своей инста-страничке.

Zhanar Sekerbaeva was born in 1982 in Atbasar, Akmola oblast of Kazakhstan. As a child she was lively and disobedient (and imagined herself as a foal) and wanted to do sports. The only sports available in the small town were karate and basketball so she did those. Apart from that she chose to learn how to play the accordion. When she practiced at home, their elderly neighbor listened through the cracks in the wall and was often reduced to tears by her rendition of wartime music and russian folk songs.

In 2000, she enrolled at the Eurasian National University named after Lev Gumilev to study journalism. As Zhanar's mother jokingly says, since then her collection of diplomas has grown considerably and currently stands at seven. If it were possible to share, then Zhanar, a kind soul, would of course share them out. Do you need one? Zhanar holds a PhD in Social Science from Tsukuba University and is in a perpetual search for something new: what's next? A postdoc, founding a university, or flirting?

In 2014, Zhanar along with Gulzada Serzhan founded a Kazakh feminist initiative "Feminita", working on the rights of lesbian, bisexual, queer and trans women. Since then, this loud, bold and bright LBQT initiative has caused a ruckus in Central Asia. Zhanar is an open lesbian (and also a poet, a powerlifter) and is always happy to meet new people through her Insta-page.

More than a book, this is a collective work that is at once research, art, and activism. Rooted in decolonial queer and trans* theories, it emerges from lived realities and centres the voices of queer and trans* Central Asians.

The book brings together fifteen contributors from Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan, and Tajikistan. Their works trace the textures of queer and trans* everyday life: activism and burnout, family and belonging, coming out and coming of age, intersections of identity, and trans* and gender-diverse experiences across the region.

These multilingual, border-crossing narratives offer alternative ways of knowing and producing knowledge in Central Asia. This book is for queer and trans* people in Central Asia—and for anyone who believes in building more vibrant and expansive queer and trans* futures.

ISBN 978-1-83-645151-8

9 781836 451518